

Усинское восстание

Павел Малов

2024-12-05

Contents

Усинское восстание	1
1	1
2	8
3	11
4	14
5	20
6	26
7	36
8	47
9	60
10	71

Павел Малов

Усинское восстание

Повесть

1

Ещё гремели под Онегой и Архангельском ожесточённые схватки с отступающими остатками разгромленных белогвардейских полков главнокомандующего войсками Северной области генерал-лейтенанта Евгения Карловича Миллера, а по железнодорожной ветке на Вологду и Ярославль уже потянулись многочисленные эшелоны с лесом. В стране царила страшная разруха, – голод, холод, нищета. Центральным губерниям до зарезу нужен был северный лес, чтобы обогреть истерзанные кровопролитной

Гражданской войной города и пустить стоявшие заводы и фабрики. Архангельский лес нужен был, чтобы преодолеть разруху и не дать остановиться по всей стране поездам, перевозившим войска и продовольствие.

И дробно застучали топоры под Котласом и Шалакушей, под Сыктывкарком, Печорой и по всей Северной области. Зазвенели на трескучем, сорокаградусном морозе ручные пилы. Потянулись на юг первые составы с долгожданным северным лесом-кругляком...

В тридцатых годах, как грибы после весеннего плодородного ливня, один за другим выросли в Северной области, или, как её теперь называли – Коми АССР, лагеря для заключённых. Особенно много их было вдоль железнодорожной линии, протянувшейся через всю республику с юга, от Котласа, на северо-восток до Кожвы и дальше, до нового посёлка Воркута в Большеземельской тундре – гиблом таёжном месте, которое местные аборигены комяки так и прозвали – «Медвежий угол». Однако здесь, в Заполярье, в зоне вечной мерзлоты, в начале тридцатых годов геологи развели крупные месторождения каменного угля. В 1931 году была забурена первая разведочная скважина и выдана на-гора первая тысяча тонн угля. Добывали важное стратегическое сырьё, конечно же, заключённые из числа политических, так называемые «враги народа», сидевшие по 58 статье, и раскулаченные крестьяне и казаки.

В одном из подобных лагерей на берегу реки Печоры, в шести верстах, или как теперь принято было в СССР – километрах от районного посёлка Усть-Уса, в небольшом отдельном лагпункте Воркутлага, который назывался «Лесорейд», или «Усинский рейд», отбывали срок казаки Иван Леонтьевич Бойчевский, раскулаченный из хутора Каменнобродского, Афанасий Крутогоров, грушевец, воевавший в Гражданскую за белых, и Пётр Медведев, служивший тогда же у красных. Особняком держался Пётр Родионов, приговорённый в девятнадцатом к смертной казни по делу красного комбрига Андрея Миронова. Судьба Петра была особенно примечательна.

«Пропал» Родионов ещё в Первую мировую, – как оказалось – был в плену у немцев. После революции в Германии и её капитуляции в ноябре 1918-го, перебрался в объявившую о своей независимости Польшу. Через бурлящую в огне Гражданской войны Украину добрался до Москвы. Здесь вступил в «Союз защиты Родины и Свободы» эсера Бориса Савинкова. По заданию организации присоединился к Миронову, с кем воевал в одном полку на фронтах Великой войны. Вместе со штабом Миронова был приговорён к расстрелу. Во время исполнения

приговора – единственный, чудом спасся. Раненый в руку и бок – упал в яму на городском кладбище, был завален трупами, присыпан землёй. Расстрел происходил ночью, и чекисты ничего не заметили. После их ухода, Родионов, раскопав рыхлую землю, выбрался из могилы. Долго скрывался, какое-то время жил в эмиграции в Париже, и вот теперь – здесь, в гиблом Печорском крае.

Неласково встретил Север донских казаков. Большие, обнесённые колючей проволокой, бараки были сооружены на скорую руку, как говорится тят-ляп! От промозглого холода никакой защиты не представляли. Спать было почти невозможно, как бы плотно не прижимались люди друг к другу. Наутро обязательно кто-нибудь замерзал насмерть и дюжие, мордатые вохровцы в добротных белых овчинных полушубках, свалив окоченевшие, раздетые до исподнего трупы на сани, увозили их к реке, где сбрасывали прямо на лёд. Яму по такому морозу вырыть было невозможно, да у конвойных и не было никакого желания это делать.

Кормили заключённых впроголодь: повар лагпункта, хитрый китаец по кличке Тянь-Шань, отбывавший свою десятку за шпионаж в пользу империалистической Японии, обворовывал и без того скудные пайки узников. А работать на лесоповале им приходилось с утра до позднего вечера. Вовсю свирепствовали болезни. Многие не выдерживали такой жизни, бежали, зарубив топором вохровца. Вслед трещали винтовочные и пулемётные выстрелы. Немногим счастливым удавалось уйти от преследования, а кто и уходил, – вряд ли у него после хватало сил преодолеть вековую северную тайгу и добраться до обжитых российских областей.

Подумывал поначалу о «рывке» на юг и Пётр Родионов, но начальство, видя такое положение вещей, усилило охрану лагеря и немного улучшило содержание заключённых. Да и зима стала мало-помалу отступать, давая место краткосрочной северной весне, мгновенно переходящей в лето. И Родионов, уже разуверившись во всём, решил положиться на авось, как-нибудь оттянуть положенный срок и вернуться наконец-то в родную станицу Грушевскую, в которой не был уже более двадцати лет.

Как-то работал он в паре с одним шустрим казачком, щеголявшим, несмотря на чувствительный ещё морозец, в старой чёрной казачьей фуражке артиллериста, неизвестно каким чудом сохранившейся у него до сего времени. Казак был из недавно прибывших в лагерь ссыльно-поселенцев, то есть из раскулаченных, кого вначале отправляли на Печору в ссылку, а потом, по

истечении срока, – за что-нибудь сажали. Как говорится, – был бы контингент, а статья для него найдётся!

Остальные казаки давно уже позабыли о своей старой, времён Первой мировой и Гражданской войн, форме с красочными лампасами на синих шароварах и – прочем казачьем убранстве. Всё это воспринималось теперь как очень далёкое прошлое, чуть ли не из эпохи наполеоновских войн. Настолько всё кругом в России, то есть в нынешнем Советском Союзе изменилось. И зачастую, не в лучшую сторону.

Казаки, как и остальные зэка, облачились в неказистые треухие шапчонки и чёрные истрёпанные ватники с пришитыми на груди белыми матерчатыми прямоугольниками, на которых значился личный номер. Редко кое на ком можно было ещё увидеть выцветшие и грязные казачьи шаровары с давно споротыми лампасами. А на казаке, валившем лес вместе с Петром Родионовым, была даже выдавшая виды старая, во многих местах прожжённая, кавалерийская шинель. Разговорились. К великому удивлению и восторгу Родионова казачок оказался земляком, – родом из станицы Кривянской, в далёком прошлом – артиллерист. Звали его Николай Чупров.

Николай в свою очередь обрадовался встрече с грушевцем, кривя в улыбке посиневшие от холода губы, сообщил, что есть ещё двое земляков, если только не откинули уже «копыта».

– Егор Зайцев из станицы Ольгинской, слышал, может? – назвал первого Николай Чупров. – Мы с ним в одной батарее в Гражданскую служили, вместе в Новороссийске в плен к красным сдались. После раскидало нас кого куда... Как и всех казаков наших, да-а... Кто в Крым к Врангелю подался, а потом в Турцию на чужбину уплыл, кто вместе с конницей Семёна Михайловича Будённого с поляками дрался, да там же, в боях, голову и сложил. Кого покулачили, как родителя моего, и на Соловки угнали...

– А что с Зайцевым-то? – напомнил Родионов.

– Захворал Егор Зайцев с месяц почитай уже, – ответил Чупров. – Цынга у него. Может, и не выкарабкается.

– А другой? – спросил Пётр.

– Матвей Кажушкин из Кривянской, мой одностаничник, – сказал собеседник. – Тоже доходяга, на больничке зараз.

– Его помню, на лесоповале как-то видал, парой слов перебросились, – кивнул головой Родионов, продолжая с остервенением работать пилой.

- Ты, Петро, шибко не торопись, полотно не заваливай набок, прямее держи, так легче будет, - посоветовал опытный пильщик Николай. Поинтересовался в свою очередь: - Больше никого не встречал из казаков?

- Как не встречал, - приходилось. Тут ещё по другим бригадам казаки есть, правда, всё дальние, с верховьев... А наших, низовских, не богато, - сообщил Пётр Родионов. - Имеются и мои земляки, грушевские уроженцы: Крутогоров Афоня, Медведев Петро, Бойчевский Иван из Каменнобродского хутора. Но его я почти не знал, слышал, что родня какая-то Громовым, одногодку моему, Фёдору. Кажись, сеструха Федькина, Зойка, замужем за Ивана... Вот Фёдора хорошо знаю, вместе в детстве росли, в Германскую в одном полку воевали. Они, Громовы, неподалёку от нас жили, на соседней улице. Батя мой ещё, помню, конюхом у них батрачил... Я, правда, больше с братом Федькиным младшим, с Максей водился. Тот наш был - рубаха парень, хоть и в офицеры выбился. А Федька - не то... Вечно себе на уме, куды там...

За разговором казаки не заметили, как гулко, на весь лес треснула подпиленная почти до половины сосна.

- А-а, чёрт, пилу зажало, - сокрушённо разведя руки, выругался Чупров и с силой потянул стальное, гибкое полотно на себя.

- Погоди, земля, - остановил его Родионов. Найдя длинный увесистый сук, упёрся им, напрягая все мускулы, в ствол подпиленного у комля дерева.

С большим трудом Николай выдернул пилу из надреза. Зайдя на другую сторону сосны, стали пилить немного ниже, чем пилили до этого.

- Во лесу-то, зёма, а? - отдуваясь, глянул Николай Чупров на Родионова. - Богатство несметное... А у нас на Дону - хаты из глины и коровьего дерьма с соломой лепят. Чудно, брат...

- Бедняки, знамо дело, лепят, - угрюмо ответил напарнику Пётр, - а у куркулей дома справные - будь здоров! Каменные, под железной крышей. Что им лес этот?..

- Ничо, Петро, вот возвернёмся домой, и мы себе не хуже хоромы отгрохаем! - снова убедительно заговорил, расстёгивая шинель, бывший казачий батареец. - Воевали мы, прямо скажу, - по глупости. Ахвицерья да разных горлопанов понаслушались и попёрли. А куды, зачем - чёрт его знает... Ну, зараз хватит, отвовевался. Ни в жисть больше винтарь в руки не возьму! Вот отгрохаю тут сколь полагается по закону, ежели не подохну, конечно, от цинги да мороза, и - до дому! Там, чай, коммунисты

прошлое поминать не будут... Наказанье отбыл – амба! Четыре сбоку – ваших нет, как говорят мазурики... С бандитизмом покончено навеки! За хозяйство возьмуся... Землицы пушай сколько ни на есть власти нарежут, – мне ведь много не надо. Зубами в неё, любушку,.. когтями вцеплюсь, а из нуждишки треклятой вывернусь! И кой нам чёрт, – верно Петро? – атаманы там поверх нас будут, али сельсоветы большевицкие! Жизнь-то одна казаку даётся... Добро, что хоть головы в этой кутерьме на плечах остались! А кому не надоело ещё – пушай супротив власти бунтует... Токмо что толку? Бунтовали и мы в своё время: то с Красновым атаманом, то с Деникиным. И докатились аж до самого Чёрного моря! А были дураки, так те с бароном Врангелем, – немчурой не русской, – в Крым подались, а посла – в Турцию. И где они зараз? Ни слуху, ни духу... Сгнули невесть куда. А мы вот – целы пока, невредимы... Да улыбнись ты, станичник, почто смурной? – вытащив из надреза пилу, Чупров игриво хлопнул хмурого Петра по плечу. – Что приуныл-то, парень? Не горюй, брат, – прорвёмся!

– Да так, – неопределённо покрутил головой Родионов.

– Что так?

– Заплутал ты у трёх соснах, а я и подавно, – тяжело вздохнул Пётр, вспоминая Савинкова и Андрея Миронова, с кем свела судьба в годы далёкой Гражданской... Затем, распрямив спину, убрал пилу.

– Валим, Николай, приспело... Э-ге-гей, а ну поберегись! Побе-регись, мужики, па-дает!

Упёршись в подпиленный с обеих сторон ствол длинными толстыми жердями, матерясь и пыхтя от натуги, казаки стали валить медленно кренившуюся сосну. Дерево с шумом обрушилось, ломая разлапистые широкие ветки о стволы соседних сосен. У самой земли, сильно свибрировав, с треском отломилось от комля. Подхватив топоры, казаки принялись умело обрубать сучья. Неподалёку раздался такой же треск грохнувшегося наземь дерева и сердитый окрик конвойного с напевным, окающим вологодским акцентом:

– У тя шо, поскуда, повылазило? Куды валишь-то... Вот влуплю сейчас из винтаря за такие штучки, – будешь посла чухаться!

– Да не нарочно мы, начальник. Вот те хрест святой – само вышло...

– Давай, давай, врожина, – работай!..

– Гляжу я, они нас и за людей-то не считают, – кивнул Родионов

в сторону расходившегося вохровца. – Чисто псы цепные, право слово... На моих глазах как-то чеченца застрелили лишь за то, что косо глянул в их сторону, а в руках – топор.

– А мы, Петро, в Гражданскую с ихними лучше обращались, запомятовал, что ли? – скептически хмыкнул Николай Чупров.

– Заберём вдругорядь пленных и по хуторам погоним, а там их старики-снохачи с бабами да с ребятишками малыми чем попадая колошматют! Кого до смерти забьют, кого до неузнаваемости скалечут, так что под конец и смотреть на них жалко.

– Неужель, правда? – аж приостановился с поднятым вверх топором Родионов.

– Да ты что, станичник, с луны свалился, чи что? – с удивлением глянул на него Чупров. – Аль ты не воевал? На что я в батарее служил и то вдосталь всего этого насмотрелся. И сам малость греха на душу взял. К попу теперь надо, – исповедоваться... Под Тамбовом, помню, во время Мамонтовского прорыва, напильсь с казаками водки в одном кацапском селе и – по хатам! Кровь, понимаешь ли, взыграла, чисто у жеребцов застоялых... Молодых баб, девок, кого нашли, враз по садам да по сеновалам растащили... Я тогда на одну бабёнку наскочил, она, сердечная, – в слёзы, а мне хоть бы что. Растелешил её как полагается – все её прелести бабьи – наружу, и токмо до ней, а тут мальчонка от горшка два вершка, наверно, – выблядок её, сын. Откель токмо и взялся? По чердаку меня утюжиной чугунной – трах! Да хорошо, – промахнулся чуток, ирод желторотый. По затылку утюг проехал и в плечо угодил. Боль, конечно, адская! Ну и озверел я, конечно, по всем правилам, шашкой щенка искромсал тут же, у неё на глазах. А посла и – мамашу, как натешился всласть. Такие дела, землячок... А как протрезвел на следующий день, – удавиться хотел, да казаки из петли сняли. Как вспомню глаза ихние – душа переворачивается. Лучше не вспоминать...

– А я, Николай, из плену в плен, – вздохнув, проговорил Родионов.

– В германском два года пробыл. В Россию возвернулся – что творится в ней, не пойму. Кто за кого бьётся – чёрт голову сломит... Ну и вляпался в грязное дело, к эсерам попал, к Савинкову. Через них до сих пор и страдаю, крест свой несу... Да что зараз старое ворошить, и без того тошно.

– Верно, Петро, – снова принимаясь обрубать сучья, поддержал его Чупров. – Что было, дружок, то быльём поросло, а новое будет – побачим.

Пётр Родионов задумался. Перед его мысленным взором всплыли вдруг картины недавнего прошлого...

2

Большой океанский пароход, загребая мощными лопастями винта бурлящую за кормой воду, гудком известил землю о своём прибытии. Впереди, в каких-нибудь двух-трёх милях по курсу, раскинулся древний латвийский город Рига, столица независимого ныне европейского государства.

Пётр Родионов стоял на носу на верхней палубе и с волнением всматривался в неясные очертания приближающегося берега. Душа его ликовала:

«Рига – это же почти Россия! Наконец-то, – после стольких скитаний, мытарств, горестей и печалей, душевных мук и разочарований... Россия!»

Казалось, – радовалось всё вокруг него: шумный порт, раскинувшийся за ним город. Точно так же, как в любом городе, – гомонила на все лады многоголосая портовая толпа. Но здесь, в Риге, она была особая: здесь был уже русский дух, здесь в недалёком прошлом была Россия! Потому и рвалась из груди, охватывая всё его существо, безудержная радость. Наконец-то он, Пётр Родионов, – в России! Не важно какими путями и в результате каких хитросплетений он снова сюда попал, не важно, что осталось позади. Впереди – Россия! И родная станица Грушевская на тихом вольном Дону... Сколько пережито, сколько передумано, сколько поганого и хорошего увидено за время скитаний по европам. И вот наконец-то!..

Стоит Пётр Родионов на палубе в дорогом, сшитом по последней парижской моде, костюме, обдувает его овеянное ветрами многих стран и морей лицо ветер родной России. Рядом, в таком же восторженном расположении духа, застыл его руководитель, верный сподвижник Бориса Савинкова, возглавлявший одно из отделений «Народного союза защиты Родины и Свободы», Дмитрий Снетковский...

Как во сне повернулась фортуна лицом к Петру Родионову. Казалось бы, далёк путь от нищего русского скитальца по трущобам столицы крупного европейского государства, до богатого, уважаемого и преуспевающего коммерсанта, возвращающегося в первоклассной каюте океанского парохода на родину, – кем он и был по легенде в настоящее время.

Случайное, почти фантастическое знакомство в одной из парижских кафешек с дочерью русского эмигранта, состоятельного

купца из донских казаков, Елпифидора Степановича Тимофеева, имело для Петра Родионова решающее значение. Диана Тимофеева взяла его под своё покровительство. Понравился разбалованной парижской роскошью, капризной Диане красивый, темпераментный грушевец. А Пётр, в подпитии, мог выдать на публике такого искромётного «казачка», что диву давались выдавшие виды завсегда и уютного парижского винного погребка, где он обычно плясал за умеренное вознаграждение. Прослышав, пришла поглядеть на виртуоза и любительница подобных танцевальных номеров Диана Тимофеева. Грушевский казак буквально сразил её своим искусством! Они начали встречаться, и вскоре по кварталу, где обитал Пётр, поползли слухи о якобы его интимной связи с богатой наследницей русского купца-эмигранта... Справила Диана Родионову шёлковую кавказскую черкеску ядовито-яркого малинового цвета, на голову – лохматую чеченскую барашковую папаху, за спину башлык, на пояс – кинжал в дорогой позолоченной оправе. Обрядив любовника в этокое живописное экзотическое одеяние, Диана Тимофеева не обращала внимания на злые языки местных парижских сплетниц и в открытую разгуливала под ручку с Родионовым по шумным, многолюдным столичным скверам. По вечерам парочку видели в дорогих ресторанах центральной, аристократической части города и даже в фешенебельных отелях...

Отец её, Елпифидор Тимофеев, с горечью и тоской смотрел на подобное увлечение сумасбродной, к тому же единственной дочери, и не чаял случая разорвать эту, позорящую его репутацию, связь дочери с каким-то безродным, нищим казаком. И случай не преминул вскоре представиться. Из России к его старому приятелю, тоже эмигранту, бывшему табачному королю из Екатеринодара Владимиру Ивановичу Тарану, прибыл посланец от Бориса Савинкова, некий Дмитрий Снетковский. Не подозревая о нынешнем бедственном положении разорившегося в годы недавней российской смуты Тарана, эсер Савинков просил у него денег и поддержки для продолжения борьбы с большевиками. В своих смелых и решительных планах он задался целью скорейшего свержения в России власти коммунистов и установления справедливого демократического порядка с дальнейшим избранием Учредительного собрания. Но Владимир Таран в это время еле сводил концы с концами и сам неоднократно обращался за помощью к Тимофееву.

Елпифидор Степанович порасспросил Тарана о Борисе Савинкове, пораскинул мозгами, и вскоре посланник знаменитого эсеровского террориста Дмитрий Снетковский получил от Тимофеева чек на кругленькую сумму для продолжения антисоветской

борьбы в России. Это был, естественно, кредит под немалые проценты, хоть Елпифидор Тимофеев и не верил в успех задуманного Савинковым дела. Единственным условием было: в Советскую Россию вместе с Дмитрием Снетковским должен был отправиться и Пётр Родионов. Ни Родионова, ни тем паче Снетковского долго уговаривать не пришлось. Лишь только узнав, что имеется возможность в ближайшем будущем отправиться в Россию, Пётр Родионов сразу же дал согласие. Тем более, – Бориса Савинкова он знал давно: познакомился в Москве ещё во время своего первого приезда в Россию, когда вырвался из немецкого плена в результате капитуляции Германии в Первой мировой войне.

Потом был последний, незабываемый вечер прощания с Дианой Тимофеевой, убитой горем расставания, и вот сейчас Пётр Родионов с трепетом разглядывал с палубы быстроходного французского лайнера показавшиеся вдали неясные очертания родины.

– Рига, господин Родионов, Прибалтика! – возбуждённо говорил стоявший рядом Снетковский. – Чудный, старинный город, немного младше нашей белокаменной – Москвы-матушки, но всё же... Основан в 1201 году венедами, древним прибалтийским народом. По мнению некоторых учёных, племя венедедов является одним из предков славян.

– А Москву когда построили, Дмитрий Вениаминович? – равнодушно спросил Пётр.

– Ну как же, Родионов, истинно русскому человеку грех этого не знать, – притворно слегка пожурил Дмитрий Снетковский. – Столицу основал князь Юрий Долгорукий в 1147 году от рождения Христова.

– Понятно, – позёвывая, протянул казак.

– Нет, это неповторимо! – продолжал восторгаться открывающимися их взорам красотами Снетковский. – Не даром же говорится: кто не бывал в Риге, тот не видел Латвии.

– А по мне, господин Снетковский, – укоризненно глянув на собеседника, тихим голосом заговорил Родионов, – нет ничего красивше нашего тихого Дона и раскинувшихся на его берегах вольных, утопающих в белоснежных майских садах, казачьих станиц. Моя родная Грушевка, правда, не на Дону стоит, – на Тузловке, ан всё одно красотища! Ширь-то у нас какая! Степи кругом, сколь глазом окинешь, – природа... Вот, бывал я и в Париже, и в Германии довелось пожить, в Австро-Венгрии... Бессарабию и Румынию видел, а всё одно нигде такой красоты,

как у нас на Дону, не сыщешь.

- Полноте, соратник, не будем разводить дискуссию о красоте и величии родного края, - презрительно скривился террорист со стажем Снетковский. - Главное запомните, Родионов: то, для чего вы сейчас вступаете на многострадальную российскую землю... Поруганную и распятую в огне бесчисленных пожарищ проклятыми немецкими прихвостнями - большевиками. Наша священная миссия - спасти гибнущую родину от засилья коммунистов и всякой, подобной им анархии... Давно уже не тихий ваш Дон, Родионов: шумит и выплёскивается он через край казацкой непримиримой ненавистью к большевикам-узурпаторам! Огнём полыхают ваши, утопающие в майских садах, станицы, и горит донская земля под ногами захватчиков. Кругом, по всей России, восстания и антисоветские заговоры. В Казахстане действует мощная повстанческая группировка бывшего есаула Уральской белоказачьей армии Хазбека Даниярова. Советы бросили против неё знаменитую Первую Конную армию Будённого. На Северном Кавказе, в горах Чечни, против Советской власти восстал Моца из Шуани, провозгласив Чечню независимым исламским государством. Не спокойно в Ингушетии, Карачае, Якутии и Бурят-Монголии... Идите же твёрдо и бескомпромиссно за мной, Родионов, и ваше имя останется в сердце русского народа на века! За что боролись ваши прославленные земляки: Кондратий Булавин, Стенька Разин? За что сложил на плахе свою буйную голову Емельян Пугачёв?.. Неужели, завоёванные вашими предками в старину казачьи вольности и привилегии падут под слепым мановением руки еврейских выблядков? Неужели вы, вольные казаки, смиритесь с властью международного авантюриста, полуиудея Ульянова-Бланка? Нет, Родионов, не будет этого никогда! Не ляжет покорно на поругание вырождакам-большевикам некогда великая и могучая Россия, пока бьётся ещё в её теле хоть одно пылкое и свободолюбивое сердце. Смело смотрите вперёд, Родионов, наше дело святое и правое, и мы победим!

3

После работы, когда под вечер вернулись в лагерь, Чупров предложил Родионову переселиться в их барак, состоявший в основном из obsługi лагпункта. Тот согласился и, собрав свои нехитрые пожитки, последовал вслед за Николаем. Барак их был намного меньше и уютнее того, в котором обитал Родионов. Войдя в помещение, Пётр сразу же ощутил непривычную волну

тёплого воздуха, исходившего от стоявшей в углу большой печки-буржуйки, труба которой была выведена прямо в забитое фанерой окно.

На двухъярусных деревянных нарах сидело и лежало несколько полураздетых бородачей. Небольшая группа зэков курила и о чём-то переругивалась у раскаленной до красна «буржуйки». На вошедших никто даже не посмотрел.

- Пошли, - потянул за собой Родионова хозяином вступивший в барак Николай Чупров. - Эгей, бригадир! - отдернув занавеску на нижних угловых нарах, весело окликнул он лежавшего на животе человека. Он был укрыт с головой, из-под одеяла выглядывали только жёлтые, потрескавшиеся пятки.

- Нил Иваныч, жив чи не, товарищ бугор?

Человек на нарах, привстав, повернулся. На пришедших глянула взлохмаченная, усатая и бородатая физиономия с блестящей серебряной серьгой в мочке уха.

- Ну? Чё орёшь?

- Новобранца привёл, бригадир, - кивнул Чупров на Родионова. - Земляк с соседней станицы и тому подобное... Ставь на полную пайку, парень аховый!

- Угу, - промычала в ответ борода и, поскребав когтями немытую, шелушащуюся пятку, снова скрылась в углу.

- А это вот моя постель, - с гордостью указал Николай на самые крайние от печки, нижние нары. Плюхнувшись на них, добавил:

- А ты, Петро, рядом ложись. Вон те тряпки выкинь, а эти вот передвинь на их место и располагайся.

- Тут ведь уже есть кто-то, вещи-то чьи? - в нерешительности покосился на земляка Родионов.

- А-а, какой же ты, право!.. - раздражённо вскочил с места Чупров и, подойдя к Петру, швырнул чьи-то лежащие на нарах пожитки на пол.

- Гутарят тебе: лягай рядом и баста!

- Шо робишь, козак? А ну погодь, - проворно вскочил вдруг на ноги сидевший у печки пожилой, чернобородый зэк, по выговору, - малороссиянин. Решительно подошёл к ним. - Нэ дило так, цэ моё мисто! Полож сейчас же скарб обратно!

- А-а, петлюровец недорезанный? Прочь, жёлто-блакитный, покель красной юшкой не умылся, - бесцеремонно оттолкнул его Николай Чупров. - Петро, занимай нары, что смотришь?

- Нет, погодь трохи, козак, - чернобородый, отпихнув Родионова, ухватил Чупрова за грудки. - Нэ буянь, казуня, бо рассердюся! Цэ тоби нэ босяцкая влада.

- Ах ты паскуда! За душу ещё хватать? - яростно взвизгнул, побледневший от бешенства Николай и, отбив руки чернобородого, с маху хватил его кулаком по скуле. - Получай, хохол, задаток!

Не давая противнику опомниться, драчливым кочетом налетел снова и вторично ударил по физиономии, в сопатку. Украинец, нелепо взмахнув руками, грузно повалился на соседние нары. От печки, наперерез Чупрову, уже бежало ещё несколько человек - хохлы, приятели чернобородого.

- Что ж робишь, хвашист? За что? - кричали они, засучивая на ходу рукава рубах.

- А-а, и вы туда же, мужичьё? На казаков? Ну подходи, кто смелый, - яростно сжал кулаки Чупров.

В это время с нар вскочил обливающийся кровью чернобородый, матерно выругавшись, попёр медведем на Николая. Быстро нагнул и что-то незаметно выхватил из-за голенища сапога. В руке у него блеснула узкая, остро заточенная полоска стали - бандитский финач!

- Земеля, он с ножом, - предупредительно крикнул Родионов и с размаху ударил чернобородого вещмешком по руке.

Зэк выронил нож и в недоумении отшатнулся. Он совсем не ожидал нападения с этой стороны. Пётр смело встал плечо в плечо рядом с Чупровым: их теперь было двое - на пятерых. Разбуженные шумом драки, с нар повскакивали растрёпанные, злые зэки.

- А ну хорош, хорош тама, мужики... Что за буза? Кто права качает? - наперебой загалдели они.

Чернобородого крепко обхватил сзади поперёк туловища вставший с нар бугор Нил Иванович. Отшвырнув его к печке, к хохлам, поднял валявшийся на полу нож.

- Я те покажу, как за ножик хвататься. Я те устрою фартовую житуху... Ишь, раздухарился, мазурик. Ты энти свои маховские замашки бросай! Тут тебе не Гуляйполе и не батьковщина.

Четверых зэков-украинцев, поспешивших было на подмогу чернобородому, тоже быстро утихомирили. Пригрозив в случае чего расправой, снова полезли на нары.

- Ишь, хохлы что удумали, - горячился ещё не остывший от недавней схватки Николай Чупров. - Я им, - в Бога душу мать, -

покажу ихнее место!..

4

Грозовой тёмной ночью Дмитрий Снетковский и Пётр Родионов с помощью местных проводников из бывших белогвардейцев, служивших ещё в армии Юденича, благополучно перешли советско-латвийскую границу. У Снетковского за подкладкой пиджака были зашиты адреса явочных квартир их организации во многих городах СССР. Но начинать он решил отсюда, с приграничных районов...

...Долго бродили по предвечерним, по-летнему многолюдным улицам небольшого городка в Новгородской области, Окуловки. Наконец остановились перед неказистым, трёхэтажным каменным зданием.

– Кажется, здесь, – оглянувшись по сторонам, проговорил Снетковский, подал знак Родионову следовать за ним и направился к подъезду.

Поднявшись по обшарпанной, замусоренной парадной лестнице на третий этаж, остановились перед боковой, неряшливо оббитой старой клеёнкой, дверью. На лестничной площадке квартир больше не было. Дмитрий Снетковский тихо постучал. Открывшему молодому, хорошо одетому мужчине с офицерской выправкой Снетковский вполголоса назвал условный пароль и в подтверждение своих слов вытащил из кармана небольшой белый треугольник, вырезанный из визитной карточки какого-то иностранца. Мужчина в свою очередь достал визитную карточку с вырезом и вложил туда треугольник Снетковского. Всё сошлось.

– Проходите, товарищи, вас ждут, – конспиративно шепнул открывший, поспешно возвратил Снетковскому треугольник и посторонился от дверей, пропуская гостей в прихожую.

– Наконец-то, Дмитрий Вениаминович, – с распростёртыми объятиями встретил Снетковского в гостиной Эдгар Лемон, опытный британский разведчик, глава подпольной английской резидентуры в прилегающих к буржуазной Прибалтике областях СССР. – С возвращением вас на родное поприще!

– Вы несколько неверно выразились, сэр Лемон, – с улыбкой поправил его Дмитрий Снетковский. – Русские говорят: «в родные пенаты».

Кроме англичанина в комнате находилось ещё два человека: тот самый молодой господин с офицерской выправкой, открывший им дверь, и старейший социалист с дореволюционным стажем, известный историк, руководитель «Союза Возрождения России» Сергей Петрович Мельгунов. Он так и повис в горячем рукопожатии на руке Снетковского.

- Дмитрий Вениаминович, дорогой, наконец-то мы опять вместе! Уважили.

- Ладно, - после недолгого приветствия, повернулся Снетковский к Лемону. - Ближе к делу. Я кое-что привёз из Парижа... Часть средств уже отослана в Москву генералу Политковскому, остальные пока остались в Польше у генерала Булак-Балаховича. Там же оружие с боеприпасами и подрывная антисоветская литература. Кстати, господа, убедительно рекомендую: несколько тысяч экземпляров нового романа атамана донских казаков Петра Николаевича Краснова «Единая-Неделимая». Очень поучительное чтение, я уже ознакомился с сим произведением... Сэр Лемон, как в общих чертах обстоят дела нашей организации здесь, в Советской России?

- Плохо, господин Снетковский, - тоскливо заговорил Эдгар Лемон. - Буквально несколько дней тому назад провалилась наша ленинградская ячейка. Органами ОГПУ арестовано около семидесяти человек, в том числе всё руководство. Чекисты захватили при обысках всё оружие, приготовленное для выступления: всего сто с лишним винтовок, полсотни револьверов, два ручных пулемёта и один станковый - системы «Максим». Также - около двух сотен гранат и большое количество патронов и пулемётных лент.

- Да, положение серьёзное, - констатировал задумчиво Дмитрий Снетковский. - Не лучше, чем в марте 1921 года, во время известных кронштадских событий, когда помимо самого Кронштадта, восстание удалось поднять только на двух фортах: на «Красной Горке» и «Серой Лошади». Да и те в несколько дней подавили красные. Возглавивший выступление гарнизона бывший поручик Неклюдов был убит.

- А какие воинские силы нас поддержат, Дмитрий Вениаминович?
- спросил Мельгунов. - Как складываются дела у Булак-Балаховича?

- Генерал Войска Польского Булак-Балахович активно сотрудничает с нашей организацией, - сообщил Дмитрий Снетковский. - Премьер-министр Польши Юзеф Пилсудский предоставил Станиславу Никодимовичу лесную концессию в Беловежской Пуще, как раз на границе с Советской Россией. Работниками там

служат бывшие партизаны Булак-Балаховича. Все вооружены и готовы к активным действиям против Советов. Это, по сути, не рабочие, а регулярное воинское формирование. В случае необходимости они быстро придут нам на помощь.

- Генерала Булак-Балаховича поддерживает сам Пилсудский? - вновь задал вопрос Сергей Мельгунов.

- Да, они большие друзья, - кивнул Дмитрий Снетковский. - Во время майского, 1926 года переворота Станислав Никодимович был на стороне маршала, участвовал со своими людьми в наступлении войск Пилсудского на Варшаву, брал город.

- Оказывается, и у поляков была маленькая гражданская война? - усмехнулся Мельгунов.

- К большому прискорбию, была, - вздохнул Снетковский. - Целых три дня солдаты маршала Пилсудского истребляли сторонников сейма. Было убито более тысячи человек с обеих сторон, но сейм, в конце концов, сдался и предоставил маршалу неограниченные полномочия. Сейчас он, по сути, - диктатор Польши.

Пётр Родионов слушал всё это и ровным счётом ничего не понимал. Он был далёк от современной европейской политики, тем более в делах Польского государства вообще не разбирался. Кто такой Булак-Балахович не знал, да и не хотел знать. Его тянуло на Дон, в родную станицу Грушевскую.

Разговор заговорщиков между тем переключился на прошлое: собеседники заговорили о прошедшей Гражданской войне в России, затухший костёр которой они хотели снова раздуть. Родионов прислушался.

- Помню, для меня было настоящим шоком сообщение Савинкова о том, что бандит Махно застрелил атамана Григорьева, - горячо говорил Сергей Мельгунов. - А ведь мы, Дмитрий Вениаминович, возлагали на эту неординарную личность большие надежды. В результате восстания Григорьева власть большевиков была свергнута на огромных территориях центральной и южной Украины. Мы надеялись переманить атамана на нашу сторону, уже шли переговоры, но проклятый Махно спутал нам все карты! После убийства Матвея Григорьева его армия рассыпалась на мелкие отряды во главе с местными, самостийными батьками, не представлявшие в красных тылах никакой внушительной силы. Занимались они в основном грабежом населения и пьянством по хуторам в компании с весёлыми хохлушками.

- Я слышал, Махно теперь проживает во Франции, в Париже, - подал голос Дмитрий Снетковский. - Говорят, тяжело

болен, бедствует, почти без средств... А ведь мог бы за годы Гражданской войны на Украине обогатиться...

- Махно, хоть и сволочь, но нужно отдать ему должное, грабежей не допускал, - вставил Мельгунов, - мародёров лично расстреливал!

- Ну, Бог с ним, с Махно, поговорим о наших делах, - прервал его Дмитрий Вениаминович. - Провал ленинградской ячейки - это жесточайший удар в самое сердце организации! Это было ключевое звено подготовленного нами восстания на севере Советской России. От такого удара мы не скоро оправимся... Здесь напрашивается аналогия с известными астраханскими событиями осенью 1918 года. В то время Астрахань была для нас на юге тем же самым, чем сейчас Питер - на севере. И большевики прекрасно это понимали. Потеря Астрахани означала бы для них огромную брешь в обороне страны, а нам давала бы возможность соединения многочисленных белых армий Юга и Востока России и вспомогательных войск союзников. В этой связи оборона города для красных являлась исключительно важной задачей. Кроме того, Астрахань была важным звеном, связывающим Советскую Россию с Кавказом и Закаспием. Через неё осуществлялась помощь кавказским народам в их борьбе против Добровольческой армии Деникина. Через Астрахань с Кавказа шла нефть, с Кубани и Ставрополя - хлеб, с Каспия - рыба. Астрахань являлась своеобразным щитом на пути британского союзного флота и армии Деникина при продвижении на север России. Удерживая Астрахань в своих руках, Советы тем самым сохраняли за собой Поволжье, связь с Кавказом и плацдарм для последующего наступления против деникинцев, овладевших уже всей Кубанью, Терекон и Ставрополем... В городе была сильная подпольная организация «Союза защиты Родины и Свободы», но Чека напала на её след. Мы со дня на день ждали провала подготовленного уже восстания в Астрахани, в виду того, что по известным источникам, - чекисты заинтересовались председателем РВС 11-й армии Севериным, который был нашим человеком...

- Это всё, конечно, представляет живой интерес, господин Снетковский, - с намёком, скептически заговорил, долго молчавший Эдгар Лемон, - но, я думаю, сейчас это уже не столь актуально, и лучше говорить о недавнем провале в Ленинграде, чем о событиях почти пятнадцатилетней давности - в Астрахани.

- Но я об этом и говорю. Почему за последнее время так много провалов? - взорвался вдруг истерическим криком Снетковский и, стиснув кулаки, уставился на англичанина, как будто тот был главным виновником этого. - Чёрт знает что такое... Почему

столько провалов, столько неудач? Напрашивается вывод, – одно из двух: либо в наших рядах агентура ОГПУ, либо вы, сэр Лемон, не умеете работать.

– Но позвольте, господин Снетковский, – удивлённо вскинул на него глаза резидент британской разведки. – Попрошу моей персоны в этом вопросе вообще не касаться! Я вам не подчинённый, а подданный Соединённого королевства... К тому же, вы, господин Снетковский, только что вспоминали 1918 год. Так вот, не мешало бы вам напомнить о провале осенью восемнадцатого года вашего всеобщего восстания в Центральной России. Вы сами тогда, если мне не изменяет память, еле унесли ноги из района боевых действий. Кажется, из Ярославля...

– Вы ошибаетесь, сэр, я не был в Ярославле, – укоризненно взглянув, поправил англичанина Дмитрий Снетковский. – Ячейку нашей организации в городе возглавлял полковник Александр Петрович Перхуров, он же руководил боевыми действиями... Но помимо всего, я помню также, как провалилась попытка вашего предшественника Роберта Локкарта организовать антисоветское выступление в Москве. К тому же, во время Ярославского и других восстаний Локкарт разработал план прорыва в районе Котласа красного фронта с тыла для соединения сил повстанцев с англо-американскими войсками в Северной области. К глубокому сожалению, это так и не было осуществлено... Но не об этом сейчас речь, не будем сводить старые счёты. Я думаю, сэр Лемон, что сейчас, в силу сложившихся обстоятельствах мирного времени, когда нам не приходится больше ждать помощи от крупных антисоветских вооружённых формирований, которых в стране просто нет, всю свою активную деятельность нам следует направить в Москву, в сердце Советской России. Согласны вы со мной, господа?

– Так точно, Дмитрий Вениаминович, – первым поспешно подал голос Пётр Родионов, до этого с восхищением слушавший весь этот блестящий фейерверк ораторского искусства двух великих, по его разумению, людей.

Взглянув на него, Снетковский обратился к собравшимся:

– Забыл вам представить, господа, нового члена нашей боевой организации, пылкого русского патриота Петра Родионова, по воле судьбы заброшенного в далёкий отсюда Париж. К тому же, мне его рекомендовал небезызвестный на Юге России до октябрьского большевицкого переворота, крупный купец из донских казаков, миллионер Елпифидор Степанович Тимофеев, ныне обретающийся во Франции, в эмиграции. Прошу любить и

жаловать!

Родионов смутился под острыми, изучающими взглядами собравшихся, нутром чувствуя, что, не смотря на такую пышную рекомендацию Снетковского и упоминание имени знаменитого миллионера Тимофеева, этим лощённым вышколенным господам насквозь видно всё его крестьянское нутро донского хлебороба.

Между тем, снова заговорил Снетковский, но речь его вдруг прервал гулкий топот в коридоре и отчаянный выкрик появившегося оттуда незнакомого человека в одежде мастерового:

- Сэр Лемон, беда! Чекисты!

Побледнев, заговорщики на миг застыли в шоковом оцепенении.

- За мной, на запасной выход! - первым придя в себя, прытко рванулся вглубь квартиры Эдгар Лемон. - Носков, останьтесь, прикройте наш отход... Быстрее, господин Снетковский, ещё есть время!

Как по команде сорвавшись с места, Снетковский, Мельгунов, Пётр Родионов и молодой господин с офицерской выправкой, открывавший им дверь, бросились следом за ним. Позади на лестничной площадке грянули подряд несколько револьверных выстрелов. Это, прикрывая отход соратников, остался умирать неизвестный участник эсеровского террористического подполья Носков. Кто-то дико вскрикнул от боли на лестнице, грохнулось и тяжело покатилося вниз по ступенькам поверженное тело. Снова зачистили выстрелы, поражая невидимые цели.

В это время беглецы были уже на улице с внутренней стороны дома, в бетонном колодце проходного двора.

- За мной! - первым побежал, показывая дорогу, Лемон. Соратники от него не отставали.

Городок уже обволакивали ночные сумерки. Во дворах было пусто, фонари горели лишь кое-где. Гулко отдавались в пустых пространствах торопливые шаги спасающих свою жизнь заговорщиков.

- Стой! - крикнули вдруг впереди из темноты и угрожающе заклацали затворами винтовок. Лемон выстрелил на звук голоса и, нагнувшись чуть ли не до земли, быстро отскочил в сторону.

Раз за разом ударило четыре винтовочных выстрела. Вскрикнул от боли задетый пулями молодой заговорщик, открывавший им дверь на конспиративной квартире. Выронив пистолет, он грузно упал на булыжную мостовую, но никто не поспешил ему

на помощь. Зажав простреленное чекистами плечо, скрипнул зубами Дмитрий Снетковский. Споткнувшись о тело тяжело раненого, стонавшего на мостовой соратника, Снетковский сам чуть не упал. Сбоку, из-за угла деревянного строения открыл огонь по чекистам Лемон. Пётр Родионов тоже несколько раз выстрелил в темноту, ориентируясь по вспышкам ответных выстрелов. Затем, подхватив раненого Снетковского, потащил его в переулок...

В тот раз Снетковскому удалось уйти от чекистов. Пётр Родионов с Лемоном ночью привели легко раненого руководителя антисоветской организации в надёжное место, сдали с рук на руки находившимся там вооружённым боевикам. По заданию Дмитрия Вениаминовича, Пётр пошёл предупредить об опасности остальных подпольщиков. В городке за это время начались облавы и повальные аресты. На одной из явочных квартир Родионова взяли...

5

Однажды, как всегда вышли валить лес в рабочую зону. Участок достался глухой, у самой Печоры. В охрану лагерное начальство выставило усиленный наряд вохровцев, а бригадира Нила Ивановича строго предупредило, что если кто сбежит, его снимут с бригадирства и отправят в Воркуту на шахты. Бугор не на шутку встревожился, с опаской оглядывая работавших. Зэки сновали то здесь, то там, и старику везде казались заговоры. Выломав увесистый сук, он ходил, как надзиратель, по рабочей зоне, разгоняя кучковавшихся больше трёх заключённых, и то и дело покрикивал, чтобы не прерывали работу. Начальству нужен был план, а бугру – сохранить тёплое местечко. Не улыбалось Нилу Ивановичу под конец срока попасть в Воркуту, на гиблые угольные шахты. Знал, что там, за полярным кругом, в пятидесятиградусный мороз, зэки долго не протягивают: из пригнанного осенью контингента мало кто доживает до весны. Но надоела старику до чёртиков и его собачья должность! Не хотелось ссориться с мужиками, которые в случае отчаянной необходимости могли в лесу и поваленным деревом придавить, а то и элементарно – топориком по макушке тяпнуть... Но что поделаешь, если лагерное начальство – назначило, как самого старшего и уважаемого среди заключённых, а гражданам начальникам видней.

Но, если здраво рассудить, на чёрта ему сдалось это бригадирство? Уж больно хлопотное дело и спросу больше, чем с простого зэка.

Хоть и не машешь сам топором на таёжной делянке, а всё одно гадко. Размышлял иной раз Нил Иванович, качая седой головой. Чужало, видать, стариковское сердце: не дождутся его внучата Митька с Ярёмой, да внучка, девчонка Полюшка, дочурка убитого во время подавления красными Тамбовского восстания младшего сына Агафона...

Наваливаются на старика воспоминания, одна за другой всплывают картины прошлого. Вот старшой его сын Влас, – сорвиголова, гремевший до войны на весь околоток, умелый кулачный боец и девичий отчаянный хахаль. В империалистическую сгинул где-то в Галиции под Бродами во время летнего Брусиловского наступления 1916 года. Митька с Ярёмой остались сиротами, да жёнка его вдовая Клементина. Среднего сына, Гордея, дурня, – в Красную гвардию понесло, после того как большевики в Питере власть к рукам прибрали. Воевал на Южном фронте с кадетами. В девятнадцатом, весной, восстание против Советов на Верхнем Дону, в Вёшках, вспыхнуло. Ну и полк, где Гордей служил, на подавление кинули, в каратели. Где-то там, в донских ковыльных степях и пропал Гордей. Ни слуху с той поры о нём, ни духу... Может, сложил непутёвую голову в бою, может, в плен попал, кто его знает. Да и жил-то как отрезанный ломоть, всё по собраниям да митингам большевицким шастал. Даже жениться не успел до войны...

Снова стал оглядываться по сторонам Нил Иванович. «Эх, как же всё обрыдло на белом свете! Хоть самому впору убечь куда глаза глядят, да куды побегишь? Тайга кругом непролазная, медведи... Пуля конвоира не догонит, так зверь в чаще задерёт – погибельные места энтот север! И как только люди умудряются тут жить?»

Не заметил, как подошёл к работавшим поблизости грушевским казакам.

– Закоченел, небось, без дела, Нил Иваныч? Возьми топор, погрейся, – беззаботно окликнул его Николай Чупров и, выпрямившись, вытер обильно струившийся из-под форменной казачьей фуражки горячий пот.

– А ну давай, – решительно шагнул к пиле, ещё дрожавшей в сосновом стволе, бригадир, – а то и впрямь чтой-то подмораживает.

Чупров, усевшись рядышком на пенёк, свернул самокрутку. Но не успел он ещё сделать первой хорошей затяжки, как за спиной что-то вдруг громко треснуло и с силой стало валиться прямо на них.

– Берегись, славяне, дерево! – истерически заголосил кто-то из

работавших поблизости эков, но было уже поздно.

Упавшая сосна со скрипом прочесала по стволу, над которым трудились грушевцы, обламывая и корёжа свои и чужие ветви. С шумом рухнув, осыпала их хвойным дождём и накрыла густым шатром из обломанных сосновых лап и сучьев. Следом за ней, покачнувшись от удара, стала валиться и подпиленная сосна. Весь исцарапанный ветками, Пётр Родионов еле успел отскочить в сторону от новой опасности. Когда и второе дерево упало на землю, бросив работу, отовсюду стали сбегаться заключённые. Метнулся к месту падения первой сосны и Пётр. Глянув на миг в сторону торчавшего на соседней делянке свежего пня, увидел довольное, злорадно ухмыляющееся лицо чернобородого украинца, с кем недавно дрался в бараке Чупрова из-за места. В ту же минуту фигура эка-украинца исчезла в густом кустарнике. Родионов больше его не видел...

Эки, подбежавшие к месту происшествия, извлекли из-под густого разлапистого сосняка изрядно помятого, до смерти перепуганного, но всё-таки живого Николая Чупрова. Бригадир же Нил Иванович, придавленный тяжёлым, неподъёмным стволом, был уже мёртв. Больше всех убивался и плакал над бригадиром Чупров, как в полузабытьи повторяя одно и то же:

- За меня погибель принял старик, я в смерти его виновный!

Через час прибывший на место происшествия опер вместе с лагерным «лепилой» составили необходимый акт о смерти заключённого. Эки уложили тело на сани и мёртвого бугра увезли. На том дело и кончилось. Все решили, что сосна придавила Нила Ивановича случайно, и только Пётр Родионов твёрдо знал, что приложил к этому свою руку чернобородый украинец.

После работы начальник караула пересчитал построившихся на перекличку эков и обнаружил исчезновение двух человек. Не было чернобородого и его напарника: воспользовавшись недавней всеобщей суматохой на делянке, они бежали в тайгу.

Вновь поднялся переполох. О побеге тут же сообщили в лагерь, эков плотно окружили вохрой с рвущимися с поводков, визжащими от злобы овчарками, и погнали в жилую зону. Усталые за день люди, еле волоча ноги, брели в глубоком снегу по узкой таёжной просеке. Пётр Родионов, шагая рядом с Николаем Чупровым, положил руку на плечо бывшего батарейца.

- Николай, чернобородый-то нарочно нас хотел придавить. Бежал вишь сам, сволочь. Не надо было тебе его трогать тогда в бараке, нашёл бы я себе место и так.

- А я об одном токмо жалкую, Петро, - устало вздохнул Чупров. - Жалкую, что навовсе не кончил его тогда, паскуду.

Не успели выбраться из леса, как на просеке показался ехавший навстречу санный обоз. Поравнявшись с колонной, передние сани остановились, сидевший в них человек, закутанный в огромный овчинный тулуп, крикнул простуженным голосом начальнику караула:

- Давай, Алексеенко, заворачивай своих людей обратно! Приказ начальника лагпункта: срочно захоронить инфекционных.

- У меня ЧП, Афанасий Иванович, - вразвалочку подождя к розвальням, сообщил начальник караула Алексеенко. - Двое зэков в побег рвануло, да одного стволом придавило. Оперуполномоченный приезжал, акт составил.

- Ладно, старшина, в лагере разберёмся, - глянул на него сурово Афанасий Яшкин, десятник из бывших заключённых, ныне фактический заместитель начальника отдельного лагпункта «Лесорейд» Марка Ретюнина. - А сейчас поворачивай колонну вслед за санями. Лопаты и заступы - в последних. Н-но, трогай!

Заключённые, пропустив вперёд длинную вереницу розвальней, по команде старшины Алексеенко подошли к последним саням, разобрали шанцевый инструмент и, пошатываясь от усталости, двинулись вслед за зловецим обозом.

- Опять мертвяков хоронить! Тьфу ты, напасть, - сплюнул с досады Пётр Родионов. Повернулся к Чупрову. - Как похоронная команда, бля...

- Все тут скоро передохнем, - пробурчал шедший рядом невысокий сухонький, с впалыми щеками, заключённый.

- К этому и идёт, - согласился Пётр.

Николай Чупров всю дорогу сосредоточенно молчал. Придя на место захоронения, молча, со стиснутыми зубами принялся долбить заступом мёрзлую землю. Остальные так же с остервенением приступили к неурочной работе, отобравшей у них и без того скудные часы отдыха. Торопились поскорее с нею покончить и вернуться в лагпункт, где их давно ждал ужин. Точного времени не знал никто, да и определить было невозможно: стояли многодневные северные белые ночи.

С нечеловеческими усилиями, разогревая землю кострами, наконец-то удалось, в буквальном смысле слова, вырубить несколько обширных, в человеческий рост высотой, братских могил. Принялись поспешно сваливать в них из саней оледеневшие на трескучем морозе, мёртвые тела тифозных

и цинготных. Николай Чупров вместе с Родионовым схватили за руки, за ноги очередного покойника, волоком потащили по снегу к яме. Внимание Чупрова привлёк вдруг грязный вязанный шерстяной шарф на шее мёртвого эка. Это был его собственный шарф, который он как-то отдал одностаничнику из Кривянской перед самой его болезнью.

- Стой! - опустил он мёртвое тело на край могилы.

- Ты чего, Николай? - встревожено глянул на него Родионов. Перевёл взгляд на лицо умершего казака и сразу осёкся, он узнал его.

- Односум?

- Да, Матвей Кажушкин из Кривянской, - сказал, опускаясь рядом с мертвецом, Николай.

- Пусть земля ему будет пухом! - потянул треух с головы Родионов.

- А ну давай, давай, контра, пошевеливайся! Не стоять, - подскочил к ним от саней вохровец-комьяк и, яростно сверкнув белыми зубами, ткнул Николая Чупрова окованным прикладом винтовки в спину...

* * *

В конце апреля в лагерь с утра пригнали новую партию эков. Всё старое население отдельного лагпункта «Лесорейд» высыпало из барачных бараков встречать вновь прибывших. Надеялись отыскать земляков, сослуживцев, родственников и вообще порасспросить, как там на большой земле? Вместе со всеми выбежали из барака и Родионов с Чупровым. Внимательно вглядывались в сумрачные, заросшие многодневной щетиной лица проходивших мимо заключённых. Знакомых пока не попадалось. Так никого и не встретив, хотели уже уходить, как вдруг Пётра Родионова, словно током, пронзил чей-то радостный выкрик из живописной толпы старожилов лагеря.

- Громов Фёдор Прохорович, здоров! Вот так встреча, - проорал какой-то замызганный бородатый лагерник в рваном треухе и в такой же рваной, с клочками торчащей из дыр ваты, телогрейке, или, как их здесь называли, - бушлате.

Бородач с распростёртыми объятиями ринулся в колонну вновь прибывшего контингента. Пётр Родионов бросился следом за ним.

- Громов, Федька, неужто он? Вот чертяка, - восторженно говорил на ходу, ни к кому не обращаясь.

- Петька, ты куда, постой, - еле поспевал за ним Николай Чупров.
- Очумел, что ли на радостях?

Вновь прибывшие эки и старые, заматеревшие на севере лагерники тесно перемешались, и Родионов еле протолкался к обшарпанному бородатому эку, крепко обнимавшемуся с худощавым, жилистым, стройным станичником в приталенной бекеше и щегольской папахе, заломленной на левое ухо. Из-под папахи выбивался на левую сторону пышный казачий чуб. «Он, Федька Грома!» - разом мелькнуло в разгоряченной голове Родионова. Уже не сдерживаясь, он бесцеремонно оттеснил от земляка лагерного оборванца.

- Односум, Федот! Что, не признал? Петька я, Петька Родионов! Ну, узнаешь, узнаешь, Громов?

- Родионов?! - чуть не вскрикнул от радости, узнавший одностаничника Фёдор Громов и, приняв его в свои крепкие объятия, троекратно, по-мужски, расцеловал. - Здорово живёшь, дружище! Сколько не видались-то? Почитай с шестнадцатого году.

- Больше, Федот, больше, - плакал от счастья Родионов. - Век уж не виделись. Всё война, да война проклятая! Одна за другой... А помнишь, как пацанятами по станице бегали, девок за косы таскали? А подросли - ухаживать стали. Ты тогда ещё за Анфиской Луней ухлёстывал.

- Ухлёстывал, Петро, было дело, - согласился, ударившись в приятные воспоминания, Фёдор. - А жанился всё одно - на Томке Астаповой, дядьки Жоры Татарчука дочке. Двое детей у нас: казак и девка... Ты-то сам как, Петька? Казаки, помню, гутарили, что погиб ты на Румынском фронте в семнадцатом году.

- Живой, как видишь, Федот, живой, - снова лез обниматься к нему Родионов. - История длинная, брат... Господь меня, видать, уберёт и Матерь небесная.

- А что это мы на морозе? - спохватился вдруг неказистый бородач в рваном бушлате и треухе, первый заметивший Громова.

Пётр Родионов как не всматривался, не узнавал незнакомого казака. Возможно, он был не из Новосёловки, а с восточного края, или вообще не грушевец, а хуторянин из Каменнобродского.

Да и времени утекло с тех пор, как был последний раз в родных местах, не мало.

- Действительно, станичники, айда в барак. Там у нас тёпло, как в бане, - поддержал бородача Николай Чупров, до этого безучастно стоявший в стороне и не принимавший участия в разговоре.

- И точно, - согласился продрогший уже на лютом сорокаградусном морозе в своей старенькой, выдавшей виды бекеше Фёдор Громов. Повернувшись, взял за руку ободранного лагерника - казака-бородача, который первый кинулся ему навстречу. - Пойдём с нами, Иван Леонтьевич... Это мой зятёк, муж сеструхи Зойки, Иван Бойчевский, - объяснил, обращаясь к Родионову.

- А энто, - в свою очередь кивнул Пётр на своего приятеля, - земляк наш Николай Чупров из станицы Кривянской, батареец бывший. Мы с ним большие друзья здесь стали.

- Добро, станичники вы мои дорогие, - от чистого сердца ликовал Громов. - Вместях нам сам чёрт зараз не страшен. Как-нибудь отсидим, что нам причитается, вернёмся до дому.

- Отсидим, Федька, - соглашался, смеясь сквозь слёзы, Пётр Родионов. - Ещё на свадьбе твоих детей погуляем, внуков покрестим...

- Сплюнь три раза, Петро, - перебил его, дёрнув за рукав бушлата, Николай Чупров. - Не гутарь «гоп», покуда не перепрыгнешь!

- И то правда, - согласился, три раза сплёвывая через левое плечо, Родионов.

Весёлой шумной гурьбой казаки пошли к занесённому снегом бараку...

6

После смерти бригадира Нила Ивановича Николая Чупрова как-то вызвал к себе десятник Афанасий Яшкин. В барак за ним пришёл вохровец, одетый уже по-летнему, в тёмно-зелёное форменное хэбэ, в чекистскую, с красным околышем и голубым верхом, фуражку. В руках суровый страж лагерного порядка крепко сжимал винтовку с примкнутым трёхгранным штыком.

- Заключённый Чупров, - громко пробасил он с порога на весь барак, - без вещей - на выход!

- Ну, всё – кажись, на расстрел, – пошутил какой-то доморощенный юморист, но заключённые его не поддержали. Сердито надавали по шее. Николая Чупрова в бараке уважали, а кое-кто даже побаивался. Хохлы, например, после памятной драки.

Пётр Родионов тепло, ободряюще пожал земляку руку. Он последнее время крепко прилепился к Чупрову, постепенно с его помощью перетащил в барак лагерной obsługi своих земляков. Вместе с ним здесь теперь жили Фёдор Громов и каменнобродец Иван Бойчевский.

Чупров успокаивающе хлопнул Родионова ладонью об ладонь, махнул рукой остальным казакам, направился к выходу их барака. Конвойный с винтовкой наперевес повёл Николая к вахте. Дежурные вохровцы на вахте тщательно обшмонали Чупрова, выпустили с конвоиром из зоны. Вохровец с винтовкой повёл казака к зданию лагерной администрации.

Десятник Яшкин ждал Николая в своём кабинете. Как только вохровец, постучавшись, доложил о прибытии, Афанасий Иванович отпустил его в караулку. Вежливо пригласил Чупрова присесть на кожаный диван.

- Премного признательны, гражданин начальник, – поблагодарил Николай и робко присел на самый краешек, чтоб не испачкать дорогую вещь.

- Вы это бросьте, Чупров, – вполголоса заговорил Афанасий Яшкин. – Я вам не гражданин, а товарищ. Сам недавно червонец по пятьдесят девятой, часть третья, отбывал. Полгода ещё не прошло, как освободился.

- Пятьдесят девятая, часть третья, – бандитизм! – с уважением глянул на странного десятника Николай Чупров. – Это по-нашему... И где ж бандитствовали, ежели не секрет...

- У себя в районе, где же ещё, в лясу, – серьёзно заговорил Афанасий Яшкин. – Сам я из крепких крестьян, вологодские мы... В тридцатом нас раскулачивать сельские активисты да беднота колхозная принялись. Ну, мужики и взялись за обрезы, и я с ими.

- Дела... Я ведь тоже за коллективизацию сижу, – сказал Чупров. – Родителя мово власти покулачили и на Соловки упекли, я и стал мстить.

- Курите, – положил перед казаком пачку дорогих папирос «Казбек» десятник. – Нагнувшись, вытащил из нижнего ящика стола бутылку бесцветной, чистой, как слеза, жидкости.

Поставил рядом две жестяные кружки, полбуханки белого хлеба, банку консервированной тушёнки из красноармейского северного сухпайка.

- О, какая шикарная шамовка! - восхищённо окинул богато накрытый стол Николай. - Ну, прямо царский обет, гражданин... то есть, извиняюсь, - товарищ Яшкин.

Десятник быстро и умело вспорол банку тушёнки острым охотничьим комякским ножом, профессионально откупорил бутылку, налил по пятьдесят граммов в кружки.

- Чистый спирт, - предупредил Николая. - Хотите разбавить? Я пью не разбавленный... Но много не советую - девяносто девять градусов.

- Я тожеть не разбавляю, хоть и не часто им балуюсь, - сказал Чупров. - За что выпьем, товарищ Яшкин?

- За нашу скорую победу! - таинственно провозгласил Афанасий Иванович и чокнулся с ним кружкой.

Они выпили, ломанув по куску хлеба, принялись торопливо занюхивать. У Чупрова с непривычки потекли из глаз слёзы, от крепчайшего напитка перехватило спазмой дыхание.

- Злой, подлюка, - с восхищением выдавил из себя казак. - За малым не задохнулся. Как будто огненный кляп у глотку кто вбил.

- Я предупреждал, - напомнил десятник. Поковыряв ножом в банке с тушёнкой и проглотив пару кусков мяса, приступил к делу.

- Вы, надеюсь, знаете, Чупров, что я фактический заместитель начальника лагпункта «Лесорейд» Марка Андреевича Ретюнина?

- Наслышан, - согласно кивнул головой Николай.

- Но вы не знаете главного, - ещё тише заговорил Яшкин, приблизив лицо почти вплотную к лицу Чупрова. - Мы готовим восстание в лагере. Почти вся пятьдесят восьмая статья уже на нашей стороне, это - больше ста человек. Оружие добудем у охраны лагпункта. В заговоре участвуют опытные офицеры-кадровики из лагерников - они поведут заключённых в бой. Как только захватим свой лагерь, - двинем на райцентр Усть-Уса, до него всего шесть километров. А потом пойдём на юго-запад вдоль железной дороги, освободим все лагеря вплоть до самого Сыктывкара и Котласа. Это десятки лагпунктов и подкомандировок, - тысячи заключённых. Если вооружить хотя бы половину восставших - это уже целая армия! Плюс к нам

присоединятся расконвоированные спецпоселенцы, печорские охотники и местные ненцы-оленеводы. В Сыктывкаре захватим склады с армейским оружием, там, по слухам, есть даже артиллерия. Пойдём дальше на запад, к финляндской границе. Предъявим ультиматум сталинскому правительству, потребуем отмены коллективизации, амнистии всем политзаключённым и изменения экономической и политической системы в государстве. Нас поддержат оппозиционные силы в Политбюро, в РККА и НКВД. Мы сделаем то, чего не смогли добиться белогвардейские генералы в Гражданскую... Что вы на это скажете, Чупров?

- Лихо! - восторженно вскрикнул уже заметно захмелевший Николай. - Что тут гутарить, товарищ Яшкин, я с вами!

- Вот и добро, Чупров, - Афанасий Иванович снова налил спирта. - Пейте и хорошенько закусывайте, а то быстро развезёт с непривычки... Мы с товарищами из штаба руководства восстанием посоветовались и решили поставить вас на должность бригадира вместо покойного Нила Ивановича. Согласны? Справитесь?

Чупров выпил и стукнул себя кулаком в грудь.

- В лепёшку расшибусь, а справлюсь, товарищ Яшкин. Все лагерные казаки за мной пойдут. Казаки - это сила!

- Постарайтесь собрать всех верных людей, ваших земляков, в бараке обслуги, - продолжал давать наставления Афанасий Яшкин. - Конкретно ничего не говорите и ничего не обещайте. Тем более, о нашем разговоре - никому!

- Могила, товарищ Яшкин! Я не сука энкэвэдэшная.

- Намекните, что в лагпункте намечается массовый расстрел политических заключённых...

- Сведения верные? - нахмурясь, недоверчиво переспросил Чупров.

- Вернее не бывает, - сказал Яшкин. - Получены через одного из агентов оперуполномоченного Осипенко, лагерного стукача. Мы его перевербовали... Есть данные, что в мае Германия начнёт войну против СССР. Отсюда и слухи о расстрелах пятьдесят восьмой... Так что, пусть думают казаки: восставать ли им, или от чекистской пули погибнуть.

- Все как один встанем, - вновь горячо заверил десятника Николай Чупров...

* * *

С открытием навигации вновь начался сплав леса-кругляка на Печоре. С лесобиржи стали поступать в лагерную больничку хворые и травмированные зэки и среди них – долгое время проработавший на сплаве грушевец Пётр Медведев. Он простудился, упав с плота в студёную речную воду, да вдобавок стукнуло его слегка бревном по макушке, когда выплывал на берег. Даже от лёгкого удара получил он сотрясение мозга, к вечеру высоко, почти под сорок, подскочила температура. Утром он не смог встать на поверку и его актировали в лагпункт, как временно нетрудоспособного.

Николай Чупров, узнав от грушевцев о появлении в зоне ещё одного земляка, к тому же бывшего офицера Красной Армии, сразу смекнул, что его после выздоровления можно подбить на восстание. В задуманном деле каждый человек на счету, а тем более такой, как Медведев, – бывший лихой вояка, как охарактеризовали знавшие его казаки.

Как бригадир, Николай Чупров регулярно получал теперь от десятника Яшкина богатый грёв для сагитированного и посвящённого в их тайные планы бригадного контингента: чай, табак, сухари, консервы. Это было для казаков существенным подспорьем в скудном лагерном пайке. Выделив небольшую продовольственную посылку, Чупров поручил Фёдору Громову сходить, проведать в больничке Медведева.

После Петра Родионова, Фёдор вторым согласился примкнуть к намеченному восстанию, подговорил зятя Ивана Бойчевского. Чупров отыскал затерявшегося было среди массы зёков ольгинца Егора Зайцева, посвятил его в тайну. В других бригадах оказалось немало верхнедонцов: Николай Чупров и среди них проводил работу... Всех казаков переводил в барак obsługi. Было их здесь уже около взвода. При частых встречах с десятником Яшкиным, Николай докладывал обстановку, получал от него подробные инструкции, как действовать дальше.

Руководители восстания решили сформировать из казаков, которые почти единственные среди массы гражданских лагерников обладали боевым опытом, – ударную разведывательную спецгруппу. Они поступали непосредственно под команду лагерного завхоза из заключённых, бывшего офицера РККА Ивана Зверева. Остальные зэки, давшие согласие на участие в выступлении, были разбиты на два отделения под руководством своих командиров. Фамилий Чупров не знал, десятник Яшкин сообщал ему только то, что непосредственно касалось его казаков. Николай не знал даже, кто руководит будущим восстанием и считал, что это сам Афанасий Яшкин.

То, что к заговору примкнул Зверев, Чупрова, честно говоря, сильно удивило. В 1937 году капитан Зверев был осуждён Особым Совещанием за контрреволюционную троцкистскую деятельность всего на 5 лет ИТЛ. Срок отбывал на тёплом местечке завхоза лагпункта «Лесорейд», к тому же через год с небольшим, в июне 1942 года, с «чистой совестью» должен был выйти на свободу. Его, правда, разжаловали и исключили из партии, но стоило ли из-за этого подставлять голову под вохровские пулемёты?..

Фёдор Громов, с набитым продуктами вещмешком, шёл по центральной дороге лагпункта к санчасти – «больничке», по лагерному, которая находилась здесь же, в жилой зоне. Весь обслуживающий персонал в ней был из зэков, и сам врач – «лепила», тоже. Фёдор на проходной сообщил дежурному фельдшеру о цели своего прихода и беспрепятственно прошёл в палату, где лежал Пётр Медведев.

Палата была небольшая, человек на двадцать. Все кровати, расположенные вдоль стен в два яруса, заняты больными. Кто спал, кто курил у открытой форточки на верхней койке или сидя у печки. Двое, по виду из блатных, резались в углу в карты.

Земляк лежал у двери на нижней койке. Он сильно исхудал за зиму, оброс густой чёрной бородой, как дед, нос подозрительно заострился, былой бойцовский огонь в цыгановатых глазах померк. Голова Петра была до глаз перебинтована несвежей, пожелтевшей марлей, руки, лежавшие поверх грубого байкового солдатского одеяла без простыни, – в застарелый ссадинах и шрамах, грязные ногти на пальцах обломаны.

– Ну, здоров будь, Петро, землячок грушевский, – поприветствовал Медведева Фёдор, опуская на пол тяжёлый сидор и присаживаясь на край кровати, в ногах больного. – Как живёшь-можешь? Что нового? Видал, мож, кого из наших, станичных на лесобирже?

– Слава Богу, Федот, живу хорошо, лучше некуда, – через силу вымученно улыбнулся Медведев. – В больничку вот попасть сподобился, почти на курорт... Земляков наших на сплаве нет, там больше местные уроженцы, кто плоты по рекам гонял ещё до аресту... Что это у тебя в мешке?

– Да гостинцев передал бугор Чупров Николай, казак из Кривянской станицы, наш земляк почти, – ответил Фёдор Громов. – Кривянка-то совсем рядом от нас, за Новочеркасском.

– Спаси Бог вас с Николаем, Федот, – поблагодарил Пётр Медведев. – Не забываете, знать, своих. Хотя... – больной смущённо замялся, – какой я тебе свой? Врагами были в

Гражданскую, по разную сторону барьера...

- А-а, кто старое вспомянет, тому глаз вон! - беззаботно встряхнул чубатой головой Громов. - Были врагами, Петро, не спорю. Ты за красных иродов, я - за казаков... Попался б ты мне в бою о ту пору - срубил бы твою непутёвую голову за милую душу. Ты уж не серчай, брат...

- Что ж обижаться, - хмыкнул Медведев. - Али я мало ваших казачков на тот свет отправил? Было дело, рубились, аж хрящи в суставах трещали... Война, это тебе, Федот, не хвунт изюму.

- И за что ж ты мордовался, Петро? - укоризненно глянул на него Громов. - За лучшую жизнь? Вот она - жизнь, что ты шашкой своей в боях отвоевал: вместех зараз на одних нарах паримся. Ты - красный товарищ, к тому ж офицер, я белая контра, а конец у обоих один: оба теперь - зэка. Так стоило ли огород городить, ежели хрен редьки не слаще?

- Не рви душу, Громов, и без тебя тошно! - махнул только слабой рукой Медведев и тяжело отвёл виноватый, потухший взгляд в сторону, сознавая правоту горьких фёдоровых упрёков.

Сам сколько раз думал об этом, лёжа у жаркого таёжного костра -«человека», как уважительно величают его бывалые зэки на гиблом печорском севере. Зря, получается, бился он против белых, не щадя своей жизни, рубал направо и налево врагов революции, таких же тёмных, неграмотных казаков-хлеборобов, как и сам? Чем отплатила ему Советская власть за верную службу? Чёрной неблагодарностью? Ведь до комэсков дослужился Пётр Медведев в Гражданскую, в рядах Первой Конной армии Семёна Михайловича Будённого. Воевал в Средней Азии с басмачами, на Дальнем Востоке с японцами. Был уже командиром кавалерийского полка, когда неожиданно, в 1937 году, был снят с должности, арестован и решением Особого совещания осуждён на десять лет лагерей, как участник антисоветского военного заговора, который якобы возглавлял маршал Советского Союза Михаил Тухачевский.

Фёдор не стал больше сыпать земляку соль на рану, понял, что тому и без этого тошно. Перевёл разговор на другое.

- Во, встретились два врага народа, - криво усмехнулся один из блатных, кивнув на казаков. - В Гражданскую друг дружку не додушили, снова за старое принялись: выяснять кто из них не верблюды.

Второй, громко заржав, азартно побил карту противника.

- Да все они ослы, бля... Мужики зачуханные. Правильно их наш

главный пахан, товарищ Сталин, в колхозы загнал. Чтоб житуха мёдом не казалась.

Фёдор неприязненно взглянул на картёжников, но промолчал, не захотел связываться. Медведев только безнадёжно махнул рукой.

- Жулики городские... Что с них возьмёшь. Пропавшие люди. - Помолчав немного, спросил: - Тебя-то, Федот, за что в лагеря упекли? Неужто, прежние грехи припомнили?

- За Гражданскую я своё вчистую отсидел у лагере, - пустился в воспоминания Громов. - Меня в Ростове вместе с беляками в офицерском госпитале взяли товарищи. Ну и угнали на Север, на Соловки. Там много наших братьев, казаков, было. Мало кто до весны дотянул: кто от цинги скопытился, кто от мороза лютого, кого пуля конвоира достала. Мне, слышь, Петро, повезло - я ещё Беломоро-Балтийский канал строил, ударником социалистического труда стал. В газете ихней про меня писали... Как освободился, в Грушевку домой двинул. Приехал, а там - никого. Как вымерло всё. Даже стариков нету - один молодняк. В сельсовете пришлые из Расеи люди хозяйствуют, власти казаков продналогами душат, в магазине - хоть шаром покати, даже водки нема. И взяла меня, понимаешь, тоска лютая - глаза б ни на что не глядели. Работать по хозяйству стал - всё из рук валится. Не идёт работа. Не лежит к новой жизни душа, - всё б отдал, чтобы на старое поворотить. А тут слых по станице пошёл, что будто бы в коммуну всех сгонять собираются, обобществлять имущество, скотину, детей и даже баб. Ну, тут уж я не стерпел, откопал припрятанную ещё с Гражданской в огороде винтовку и стал казаков на восстанию подбивать. Собралось человек пять отчаянных хлопцев с обрезам. Наметили ночью сельсоветчиков по хатам перебрать, но их упредил кой-то. Милиции из Новочеркасску понаехало, начали за моими ребятами по станице гоняться. Те - на коней, у кого был и с боем - в сторону Каменнобродского, а там на другой берег Тузловки и в степя. Уж и не знаю, прорвался ли кто из них тогда... Стрельба дюже сильная за станицей гремела, покуда я у себя во дворе, в леднике отсиживался. Коня-то у меня не было, младший братишка, Егор, отделился, построился на краю станицы, батиного последнего жеребца с собой с базу увёл. Так что спастись от чекистов мне не на чем было. Когда пришли меня брать, правду скажу, струхнул малость. Бросил винтовку и руки в гору задрал. Стрелять - это ж верная смерть, а так, может, сжалются, не убьют сразу... Вот так и взяли меня во второй раз с оружием в руках, за бандитизм и попытку свержения в станице Советской власти десятку

вкатили. Отправили в Воркуту на шахты. После на поселение там же определили, на пять лет. Стал я вольнонаёмным, но не надолго. Полгода не прошло, как снова меня арестовали, судили за антисоветскую агитацию и сюда, на лесоповал пригнали.

- Помыкался ты, Федот, по лагерям, - сочувственно произнёс Медведев. - Считаю полтора десятка годков из жизни вычеркнул.

- Всё благодаря твоей власти, будь она неладна! - вздохнул Громов.

- Власть тут не при чём, сам во всём виноват. Нечего было бунтовать.

- Ну, я-то ладно, а ты?

- Пустой разговор, Федот. Об чём гутарить...

- Вот то-то же. - Громов, комкая шапку в заскорузлых руках с въевшейся в поры кожи застарелой угольной пылью, поднялся на ноги. - Ну, я пойду помаленьку... Сидор тебе оставляю, как в следующий раз наведуясь, вернёшь. Ещё чего-нибудь, мож, Чупров подбросит.

Громов, положив дружески ладонь на плечо Петра, неспеша направился к выходу. Картёжники тут же бросили игру и решительно двинулись к койке Медведева.

- Ну ты, доходяга, гони быстро дачку, тебе она один хрен уже как мёртвому припарка - не сегодня-завтра копыта откинешь, - сказал один блатарь, невысокий, сухощавый парень лет тридцати. Стрижка - ноль, на щеке рваный шрам от удара финкой, закатанные по локоть руки в густой синеве наколок.

Его дружок, здоровый, с комплекцией грузчика, узколобый мужик в коричневой жилетке и чёрных расклешённых брюках навывпуск, - поддакнул:

- А сам не сподобишься окочуриться, - мы поможем. Правда, Моня?

Фёдор, не успевший ещё выйти из палаты, быстро обернулся на голоса.

Блатные, не обращая внимания на Петра, по-шакальи дербанили посылку Чупрова. Громов в три прыжка оказался возле кровати Медведева, на которой орудовали лагерные шакалы.

- Федот, не надо! - слабым голосом, предостерегающе крикнул Пётр, но Громов его не слушал.

Страшным ударом, в который вложил всю свою ненависть к новой советской жизни, прямым порождением которой являлись и эти два выродка, Фёдор опрокинул узколобого, похожего на грузчика, здоровяка навзничь. Тот так и кувыркнулся через соседнюю койку, потом через вторую, сметая всё и всех по ходу падения. Второй эск моментально, с хорошей, натренированной в частых лагерных драках и поножовщинах реакцией, повернулся к Громову, – в правой руке у него блеснула финка.

– Ты что, сука?

Фёдор не дал ему договорить, а тем более применить оружие. Согнутой в локте левой рукой отбил правую руку нападавшего, своей правой до хруста в костях заехал ему в челюсть. Тут же, перемахнув вслед за поверженным противником через лежавшего на кровати Медведева, дал ему ещё раз в зубы, и под конец, добил – в переносицу – левой. Финка со звоном отлетела в сторону, захлебнувшийся кровью блатарь – в другую. Больше он не вставал, со стоном перевернувшись на живот, полез зализывать раны под койку.

Узколобый детина вскочил на ноги довольно проворно. Не обращая внимания на льющуюся из разбитой сопатки кровь, схватил за ножку табуретку, с матом, озверело бросился на Громову. Фёдор ловко качнулся вбок, спасаясь от смертельного удара табуреткой. Она с силой врезалась в спинку верхней койки и разлетелась на части, в руке узколобого блатаря остался только ножка. Он хотел перетянуть ножкой Фёдора, но упустил время. Громов был проворней противника. Кулаком он снова достал узколобого, крепко вlepив в глаз, и тут же, не давая опомниться, двинул тяжёлым сапогом под дых. Верзила вновь полетел на пол, в проход между кроватями. Больные эски, следившие за поединком, с криками сыпанули в разные стороны. А Фёдор, поймав на лету ловко брошенную ему кем-то из сочувствовавших заключённых деревянную ножку, довершил ею свою победу. Жестоким ударом по голове вырубил узколобого верзилу и стал оглядывать палату, ища второго блатаря.

– Всё, Федот, уходи! – предостерегающе крикнул ему с кровати Пётр Медведев. – Эти двое своё получили, с них на сегодня хватит. Беги в свой барак, пока вохровцы не подоспели.

– Лады, Петро, я пошёл, – согласно кивнул головой Громов и обратился ко всей палате: – Мужики, в случае шухера – меня тут не было! А настучит кто оперу, глядите, – стукача найдём...

7

22 июня с утра в отдельном лагпункте «Лесорейд» диктор по радио объявил о начале войны с Германией. Это была последняя сводка совинформбюро, слышанная зэками. Уже к обеду все репродукторы в жилой зоне сняли и лагерь погрузился в зловещую гробовую тишину. Не слышно было теперь ни зажигательных комсомольских песен, ни бодрых репортажей с колхозных полей, ни горячих рапортов передовиков производства у прокатных станов и мартеновских печей.

Тишина в зоне настораживала и пугала. Казалось, стряслась непоправимая беда, власти в стране больше нет, всё рухнуло и их бросили на произвол судьбы. Кое-что удавалось узнать от вохровцев. Вести с западной границы были неутешительные: немец напирал по всему фронту, наши войска откатывались, сдавая города и веси. Врага разбить не удавалось, победой пока не пахло, хоть перед этим десять лет твердили, что Красная Армия всех сильнее, и в случае войны боевые действия будут вестись на чужой территории. На границе держалась одна только Брестская крепость. Немцы бомбили Киев, Одессу, Минск, Харьков, Ленинград.

Вскоре в лагпункте произошли и другие изменения: были отменены ларьки и посылки, в культурно-воспитательную часть перестали приходить свежие газеты, рабочий день увеличился до двенадцати часов, нормы выработки повысились, а выходные отменили вовсе. Сократилась и без того скудная лагерная продуктовая пайка и зэки потуже затянули поясные ремни. Заметно ужесточился лагерный режим, охрана получила приказ стрелять в нарушителей без предупреждения.

Начальник «Лесорейда» Марк Ретюнин в одно из воскресений собрал у себя на квартире штаб предполагаемого восстания. Жил он с женой в небольшом домике, стоявшем на высоких сваях у леса. С виду он напоминал избушку лесника.

Пришли десятник Афанасий Яшкин, завхоз Иван Зверев, прораб Дунаев, инженер-сметчик Соломин, а также бригадиры Простаков и Чупров. Жена Ретюнина Галя, простая деревенская девушка из местных комячек, принесла из кухни закипевший самовар, расставила на столе глиняные кружки с блюдцами, нарезала белый хлеб, выложила на тарелку сливочное масло.

Кривянской казак Николай Чупров с интересом оглядывал собравшихся, он впервые был на таком совещании и раньше

даже не догадывался, что в заговоре участвуют люди со столь высоким положением в администрации лагпункта. Особенно удивлён был, узнав, что руководителем будущего восстания является сам начальник «Лесорейда».

Марк Ретюнин широким жестом хлебосольного хозяина пригласил всех к столу:

- Вы уж извините, друзья, но дело наше настолько серьёзное, что я решил сегодня обойтись без выпивки. Попью чайку, ничего... зато голова останется свежей.

Пришедшие с шумом расселись за столом на двух лавках. На столе, помимо чайных приборов, лежала толстая потрёпанная книга в красном кожаном переплёте. Неграмотный Чупров подумал, что Библия, уважительно взял в руки, раскрыл.

- Трезвость нам сейчас в аккурат нужная, - поддержал начальника Афанасий Яшкин. Тут же с улыбкой пошутил: - А чаёк не водка, много не выпьешь.

- Это как сказать, - скептически хмыкнул бригадир Степан Простаков. - Я бы, Афанасий Иванович, не отказался бы сейчас от чифиря. Поллитру бы с удовольствием приговорил. Чифирь - дело святое, зэковское.

Ретюнин понял намёк старого лагерника и позвал супругу:

- Галина, завари, пожалуйста, Степану Андреевичу чифирь. Знаешь, как это делается?

Неразговорчивая комочка молча кивнула и удалилась в кухню. Поставила на горящий примус чайник, дождавшись, когда он закипит, высыпала в большую поллитровую алюминиевую кружку целую пачку чая, залила кипятком. В зал потянуло ни с чем не сравнимым, горьковато-приторным запахом крепко-заваренного чёрного чая. Любитель чифиря Простаков с удовольствием потянул носом воздух, при этом крылья ноздрей у бригадира хищно приподнялись в предчувствии неповторимого наслаждения.

- Галина Петровна, дорогая, прикройте, пожалуйста, чаёк какой-нибудь крышкой, чтоб хорошо настоялся. Вся сладость выйдет, - крикнул он хлопотавшей в кухне жене Ретюнина.

Молодая комочка положила на кружку дощечку, на которой резала хлеб и другие продукты. Ретюнин обратил внимание на бригадира Чупрова, листавшего книгу, сказал с гордостью:

- Вот был человек - Шекспир! Великий британский драматург. Есть у него пьеса занимательная, «Король Лир» называется. Так

в ней он почти что про нас написал:
Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъём и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
О ветер, дуй! Ты стёр меня во прах,
Мне больше нечего тебя бояться...

- Так это писака-рифмоплёт? - разочарованно протянул Чупров и положил книгу на место. - Я думал Ветхий Завет...

- Ничего ты, брат, не понимаешь, - с досадой поморщился Марк Ретюнин. - Мы так же на самом дне сейчас, ниже не упадёшь, - разве что в преисподнюю. И у нас надежда есть, - наверх снова вскарабкаться.

Начальник лагеря дождался, пока все нальют себе в чашки из столового сервиза чая, а бригадир Простаков получит свой чифирь, заговорил о деле:

- Товарищи, я срочно собрал вас для того, чтобы сообщить важную новость: вышел секретный приказ комиссара Государственной безопасности первого ранга Лаврентия Павловича Берии, запрещающий отпускать на свободу заключённых, уже отбывших сроки по 58-й, политической статье. Так что, под этот приказ подпадают, кроме нас с Афанасием Ивановичем, все присутствующие. Впрочем, мы с десятником Яшкиным свои сроки уже оттрубили от звонка до звонка.

- Это что же, бессрочная каторга? - хмыкнул, помешивая ложечкой чай в кружке, бывший капитан РККА Иван Зверев. Если бы не приказ Берии, ему оставалось сидеть в лагере всего один год.

- Беспредел, бля, какой-то, мужики, - хлебнув чёрного, как дёготь, вяжущего во рту, приторного чифиря, высказался поблатному бугор Степан Простаков. - Он что, вообще зэков за людей не считает, грузинская морда, гуталин... Так покажем вохре, что и мы тоже чего-то стоим. Но пассаран!

Остальные, сосредоточенно дуя в блюдца, промолчали. Ожидали, чем ещё «порадует» начальник лагпункта. Поняв, чего от него хотят, Марк Ретюнин продолжил:

- И это ещё не всё. По лагерям и подкомандировкам Воркутлага ходят упорные слухи, что осенью намечаются массовые расстрелы политзаключённых. Это связано с тем, что на стороне гитлеровской Германии в войну снова, как в прошлом году, вступила Белая Финляндия. Маннергейм среди своих чухонцев и оленеводов провозгласил поход на восток для создания Великой Финляндии до Урала. Если белофинны из Карелии прорвутся к Архангельску и пойдут дальше в Печорский край, энкэвэдэшники ликвидируют нас всех в двадцать четыре часа. Чтобы мы, восстав, не ударили им в спину навстречу наступающей финской армии.

- Волки позорные! - заплетающимся языком злобно выкрикнул бугор Простаков.

- Эка, развезло Степана Андреича от чифиря, - посмеиваясь, заметил инженер-сметчик Василий Соломин.

Оценив шутку, присутствующие заулыбались. Десятник Афанасий Яшкин с серьёзным лицом проговорил:

- Зря веселитесь, товарищи заговорщики. Дело серьёзное: старые, бывалые эка хорошо помнят, что приключилось в Воркуте несколько лет назад. Тогда, в одном из рудников вохровцы не за понюх табаку расстреляли больше тысячи политзаключённых. Как это можно назвать иначе? Произвол натуральный.

- Значит нужно восставать немедленно, - стукнул вдруг кулаком по столу, так что подпрыгнула кружка с чаем, бригадир Николай Чупров. - Нечего дожидаться, когда краснопёрые всех нас тут из пулемётов покрошат. Восстаём и точка!

- Подготовка к выступлению идёт полным ходом, Николай Николаевич, - убедительно заверил его Марк Ретюнин. - Как твои казаки, не подведут?

- Рвутся в драку, гражданин начальник лагпункта, - горячо заверил Чупров. - Нам бы винтарей да патронов побольше и хоть зараз - в бой!

- Очень хорошо, Чупров, - похвалил Ретюнин. - Я слышал, среди твоих орлов бывший комполка есть, - бравый красный кавалерист, будёновец...

- А как же, есть. Он самый, Пётр Степанович Медведев, подполковник-краснознамёнец, герой Гражданской войны.

- Он за нас? - поинтересовался начальник лагеря.

- Ведём работу, товарищ Ретюнин, - нарочито сухо, по-военному

проинформировал Чупров. – Думаю, примкнёт. Деваться ведь ему всё одно некуда. Свои давно от него отказались... Должен понимать.

– Поторопись, казак, – наставительно проговорил Марк Ретюнин.
– Время не ждёт, сам видишь... И знай: Медведев мне нужен до зарезу! Он опытный офицер, подполковник. Мог бы нам здорово помочь в военной организации.

– А мы значит не в счёт, Марк Андреевич, – обиделся за себя и капитана Зверева бывший майор РККА Михаил Дунаев.

– Вы у меня на вес золота, дорогой ты мой Михаил Васильевич,
– урезонил сподвижника Марк Ретюнин. – Но хотелось бы привлечь и Медведева. Согласись: подполковники на дороге не валяются.

На минуту в комнате повисла тягостная тишина. Каждый, прихлёбывая чай, тревожно переваривал услышанное. Наконец, инженер-сметчик Василий Соломин, как бы подводя итог, тяжело вздохнул и высказал общее опасение:

– Постреляет нас к чертям собачьим вохра... Всех сразу к стенке поставят или в бою, по одиночке, – какая разница? Конец-то один.

Ретюнин бросил на него быстрый, негодующий взгляд:

– Допустим, что это так. Ну и что нам терять, кроме своих цепей? Что лучше: подохнуть как собака от пули в затылок или с честью погибнуть в бою? Я предпочитаю последнее... Тем более, что в лагерях скоро один другого убивать будут за пайку хлеба! Руководство Воркутлага блатных на политических натравит и закипит тут у нас своя гражданская война. А потом вохра всех осужденных по контрреволюционным статьям перестреляет, в том числе и нас, вольнонаемных.

Самовар остыл, к тому же на две трети опустел, и Галина Петровна унесла его в кухню. Долила воды, стала растапливать.

Начальник «Лесорейда» продолжил совещание. Вытащив из кармана измятый листок, разгладил его на скатерти.

– Мы тут с Афанасием Ивановичем прикинули организационную структуру нашего будущего повстанческого отряда, название, штаб по управлению... Называться мы будем отныне «Отряд особого назначения № 41». Общее политическое и военное руководство беру на себя я. Военный комиссар – Алексей Трофимович Макеев, вы его знаете, он заведующий лесобиржей нашего лагпункта и сейчас находится на сплаве леса. Командиром всего отряда назначается завхоз Зверев, он бывший офицер

и хорошо знает военное дело. Начальник штаба – **Михаил Дунаев**, тоже офицер Красной Армии в звании майора, правда – разжалованный. Афанасий Иванович Яшкин будет у нас заведующим обоза. Соломин и Простаков – командиры отделений. И, наконец, бригадир, донской казак Николай Чупров возглавит разведку отряда. Его спецгруппа поступает непосредственно под начало командира отряда капитана Зверева... Надеюсь, возражений нет? Замечания, вопросы? Тоже нет... Вот и прекрасно, – Ретюнин спрятал в карман бумажку.

Галина Петровна вновь внесла клопочущий, только что закипевший самовар. Поставила на середину стола. Собравшиеся заговорщики оживились, весело заговорили, наливая в кружки крутой кипяток. Некоторые, по примеру заядлого чифириста Простакова, попросили у жены Ретюнина плиточного развесного чая, в котором у неё недостатка не было. Завхоз Зверев снабжал Галину Петровну Ретюнину (до замужества Филиппову) всеми необходимыми продуктами.

Выписывал на базе продовольствие и фураж для лошадей сам начальник лагпункта Ретюнин. Пользуясь тем, что с началом половодья сообщение с базой прерывалось, он всегда заблаговременно создавал аварийные стратегические запасы. Так поступил он и этим летом, сознательно заказывая всё необходимое для будущего восстания и в очень больших количествах. Продовольствия было уже заготовлено чуть ли не на девять месяцев. Марк Андреевич получал на базе со складов концентраты, крупу, сухари, консервы, сахар; выписывал медикаменты, солдатские брезентовые палатки и даже походные кухни; брал в большом количестве валенки, шапки-ушанки, ватные стёганные бушлаты, белые меховые полушубки, как у бойцов ВОХРа, и многое другое. Глубоко сожалел только об одном, что нельзя было заказывать огнестрельное оружие и боеприпасы. Оружие предстояло захватить у лагерной охраны, и Ретюнин разрабатывал план, как это лучше всего сделать.

Успеху намеченного восстания должен был способствовать и другой фактор, о котором начальник лагеря не преминул сообщить собравшимся командирам.

– И ещё одно, товарищи, – сказал Марк Андреевич. – Новость на этот раз весьма хорошая и утешительная, играющая нам на руку. Мне стало известно, что Оперативный отдел Воркутлага решил снять с «Лесорейда» оперуполномоченного Осипенко и перебазировать на другую подкомандировку, подальше от посёлка Усть-Уса. Таким образом, лагерная агентура из заключенных, так называемые кумовские стукачи, останутся

без своего шефа. У них не будет связи с оперативниками НКВД, и это значительно упростит нам подготовку восстания... Дай Бог, чтобы опера Осипенку скорее переводили от нас, а на его место как можно дольше никого не ставили. А стукачей мы со временем всех выявим и нейтрализуем...

- В смысле - объём? - переспросил инженер-сметчик Соломин.

- Это уж как придётся, - не стал уточнять Ретюнин.

* * *

Бригада Чупрова работала на лесоповале. С началом войны леса стране для нужд фронта и тыла понадобилось ещё больше, как, впрочем, и других ценных стратегических материалов: каменного угля, нефти, руды, золота, хлопка, пшеницы, овечьей шерсти и многого другого. И закипела в северных и колымских лагерях невиданная до селе, сверх человеческих сил, работа. На колхозных полях - то же самое. И если в первые послереволюционные годы, во время Гражданской войны по стране гуляло лихое и бесшабашное, как матросское «Яблочко», красноармейское «Даёшь!», - то сейчас кругом гремело сухое и лаконично-жесткое начальственное «Давай!»

Нормы выработки повысили, и ээки лагпункта «Лесорейд» теперь поднимались на работу ещё затемно, а возвращались в барак, когда солнце уже закатывалось за острые вершушки высоких, разлапистых елей, частоколом выстроившихся за запреткой. Чупров всё это время продолжал сплачивать заключённых общей идеей восстания и вербовал новых участников. Особое внимание уделял бывшему комполка Петру Медведеву. Подкормил его на больничке богатым гревом, который регулярно посылал через своих казаков. С продуктами проблем не было: лагерный завхоз Зверев щедро снабжал ими Чупрова и других, посвящённых в заговор бригадиров. Когда Медведев встал на ноги и выписался, Николай Николаевич взял его в свою бригаду.

Петра Медведева обрабатывали в основном земляки, грушевские казаки. Он их хорошо знал, хоть и воевал в Гражданскую по другую сторону баррикады. Но сейчас гиблый печорский лагерь всех уравнивал, одинаково превратив во врагов народа. И это был существенный и один из главных козырей, который фигурировал в их спорах. Работал Медведев обычно в паре с Фёдором Громовым. Во время коротких перекуров, когда не видел конвойный, свалив наземь очередного таёжного исполина и ловко обрубив топорами сучья, казаки садились на бревно и с

наслаждением закуривали.

- Ну что, Петруха, всё ещё упорствуешь в своей несознанке, надеешься на справедливость сурового кремлёвского бати, авось помирует? - с хитроватым прищуром смеющихся глаз, искоса поглядывая на земляка, начинал всегдашний щекотливый разговор Громов. Жадно затягивался вонючим махорочным дымом, по укоренившейся зэковской привычке пряча медленно тлеющий, малиновый огонёк сигарки в заскорузлый кулак.

- Пустой разговор, Федот, дело решённое - я с вами не ходок, - как всегда наотрез отказывался Медведев.

- Срок будешь отсиживать? Считаешь, что за дело посадили? - продолжал неспешную словесную атаку Громов.

- Не важно... Я своими принципами не торгуюсь, - отмахивался от него, как от надоедливой, назойливой мухи собеседник. Глубоко затянувшись, весь окутывался сизым табачным дымом. Глухо в кулак кашлял. Прокашлявшись, с гордостью заявлял: - Я - подполковник, командир доблестной Красной Армии, член ВКП(б) с двадцать первого года, и не след мне со всякой белогвардейской недобитой сволочью якшаться!

- Бывший, - уточнял Фёдор. - Бывший командир и член... чего-то на «бэ», а зараз, как и все мы тут - зэка. Что в переводе на простой человеческий язык, поначалу, на Беломоро-Балтийском канале означало «заключённый каналоармеец». И я сам на строительстве того трижды проклятого канала был, и сколько там народу твои кореша, краснопёрые убивцы, угробили - своими глазами видел... Так что, кто сволочь - энто ещё вопрос.

- Послухай, Громов, давай закончим эту твою... антисоветскую демагогию, - сердито затоптав рваным ботинком окурок, встал с поваленного дерева Пётр. - Работать давай. Всё одно ты меня ни в чём не переубедишь.

- Поживём, увидим, - уклончиво ответил Громов и взялся за деревянную залапанную до черноты ручку пилы, небрежно лежавшей на обрубленных сосновых ветках.

Из-за каната, протянутого между стволами деревьев, который обозначал границу рабочей зоны, вынырнул молодой, краснощёкий, мордастый, видимо, недавно призванный вохровец с трёхлинейкой Мосина через плечо. Крикнул сердито на зэков, гордый от сознания своей силы и неограниченной власти:

- Работать, доходяги, мать вашу женщину! Нято стрельну раза, и сдохните здесь, у лясу. - Подумав, мечтательно добавил

с дурашливой улыбкой на простоватом, бесхитростном лице деревенского паренька: – А меня за вас, злыдней, ротный в отпуск дамой отпустит...

Мордастый вохровец хохотнул, растянув до ушей широкий губастый рот балаганного Петрушки и, довольный собой, направился меж поваленных стволов к соседней делянке.

– Видал фрукт? – неприязненно кивнул в его сторону Фёдор Громов. – Такой пальнёт за милую душу. Достойную вы, Петро, смену себе вырастили, революционную... Сталинские соколы и Ворошиловские стрелки!

– Давай пилять, – не отвечая на выпад напарника, взялся за вторую ручку пилы Медведев.

– Погоди, – сказал Фёдор. Выдернул из пенька топор, сделал глубокий надруб на комле дерева, которое собирались валить, – чтобы не съезжало полотно ручной пилы. Только после этого принялись пилить толстый ствол. Работать было неудобно: пилу приходилось держать горизонтально. К тому же она была затуплена, то и дело застревала в надрезе, особенно когда дошли почти до середины и ствол под собственной тяжестью начал оседать вниз и зажимать полотно. Казаки матерились, то и дело утирали с лиц ручьём катившийся пот. Рубахи на спине тоже взмокли от пота, под мышками выступила соль.

Неожиданно в лесу, правее от их делянки, хлётко хлопнул близкий винтовочный выстрел. Послышались крики, матерная брань. Зэки от соседних делянок, побросав топоры и пилы, побежали к месту происшествия.

– Айда, глянем? – предложил Фёдор Громов и, бросив недопиленную сосну, не спеша, вразвалочку направился вслед за остальными. Пётр Медведев, постояв немного, подумав, пошёл следом.

Они увидели впереди группу стопившихся у натянутого между деревьями каната заключённых. За запреткой кто-то лежал. На глаза Фёдору попался бугор Николай Чупров.

– Что стряслось, Николай Николаевич? Кто стрелял? – спросил у него Громов.

– Охранник, кто же ещё, – недовольно буркнул бугор. – Жорка Зайцев, мой сослуживец, в запретную зону, дурила, попёрся, – вохровец его и убил. Вона лежит под канатом: ноги на той стороне, а тулово на этой.

Фёдор с Петром Медведевым подошли ближе. На запретке, уставившись потухшим, остекленелым взглядом в голубое

безоблачное небо, действительно лежал мёртвый Георгий Зайцев. В виске у него была аккуратная, с запёкшейся кровью, круглая дырка. Руки раскинуты в разные стороны, расстёгнутый бушлат и чёрная эковская гимнастёрка сбились почти до самого подбородка. Это сразу же вызвало у Громова подозрение: похоже было, что тело тащили по земле за ноги. К тому же лежал Зайцев прямо под канатом, чего тоже не могло быть: во время падения он бы обязательно на нём повис.

Фёдор взглянул на вохровца, топтавшегося возле тела Зайцева, и сразу всё понял: это был тот самый мордастый молодой деревенский губошлёп, грозившийся пальнуть в них «раза» из винтовки, чтобы получить отпуск. Оказывается, это были не просто слова: побывку домой служака всё-таки себе заработал...

- Видал? - незаметно ткнул Громов Петра Медведева локтем в бок.

- Не слепой.

- Ну и что скажешь?

- Пошли работать.

Прибежал начальник караула с двумя солдатами бодрствующей смены, принялся разгонять эков по своим делянкам. Через несколько минут на месте происшествия, кроме вохры и убитого Зайцева, не осталось никого. Фёдор с Петром вернулись к сосне и вновь взялись за ручки пилы.

- Так нас всех скоро твои краснопёрые перестреляют, нагад, - зло сказал Громов. - Думаешь, тебя, как бывшего командира полка и коммуняку, помилуют? Как бы не так, жди! Они маршалов постреляли: Тухачевского, вражину, Блюхера, Егорова... А тебе, Петро, и подавно решку наведут. Коммунисты ведь, что пауки в банке - друг дружку поедом пожирают.

- Пустобрёх ты, Грома, - скривился от досады Медведев. - Маршалы те к врагам революции переметнулись, восстание хотели поднять против Советской власти. Тухачевский и вовсе - германский шпион: наша разведка секретные материалы германского генерального штаба перехватила. Там всё прописано было: за сколько он, Иуда, гитлеровским фашистам продался, как правительство хотел арестовать, как Красную Армию разваливал.

- Постой, постой, Медведев, что-то тут не так, - остановил его горячую речь Громов. - Тухачевский, значит, по-твоему, германский шпион? А Германия тогда - кто? Она ведь

союзницей была товарищу Сталину, начиная с лета 1939 года!

- Ну и что? Не вижу никакого противоречия, - хмыкнул Пётр Медведев. - В тридцать девятом - да, СССР подписал мирный договор с Германией, а в тридцать седьмом никакого договора не было, и немцы завербовали маршала Тухачевского.

- Так не бывает, Петро! Совсем ты, брат, заврался, - категорически отрезал Фёдор. - Задурили тебе большевики голову! То Гитлер плохой - маршала Тухачевского с истинного революционного пути сбил, то вдруг хорошим стал... Что-то ни с одним белым генералом твой Сталин не помирился: как ушли они в двадцатом из Крыма в Турцию, так ещё ни один не вернулся.

- Почему же, кое-кто вернулся. Генерал Слащёв, например, - напомнил Медведев. - Один из лучших врангелевских генералов... Преподавал в высшей тактико-стрелковой школе командного состава РККА имени Коминтерна «Выстрел».

Пилу в надрезе зажало окончательно, в стволе посередине что-то угрожающе хрустнуло и он осел. Казаки, что есть силы упираясь в подпиленную сосну плечами, еле вытащили полотно. Принялись пилить с другой стороны, чуть выше.

- Пошла, родимая, как по маслу. Зараз упадёт, - весело сказал Фёдор. - Ты, Петро, как увидишь, что ствол нахилиется, вытаскивай быстрее пилу и тикай со всех ног у сторону, не то вдарит!

- Знаю, не учи, - недовольно буркнул Медведев.

Делянка у них была довольно приличная, кругом - ни души. Только слышались голоса валивших лес зэков на соседних участках. Но неизменно, каждую спиленную сосну они сопровождали громкими криками «поберегись» и «бойся». Так положено было по технике безопасности, краткий инструктаж по которой проходили каждый день на утреннем разводе. Свалив очередное дерево и обрубив сучья, приступали к следующему. В это время другие зэки из бригады трелёвщиков, туго захлестнув бревно металлическим тросом, волокли его сквозь чащу к просеке, где грузили на лесовозы и отправляли на лесобиржу для дальнейшего сплава вниз по реке Печоре. Там работали сплавщики леса.

К вечеру заключённые не чувствовали ни рук, ни ног от усталости. И всё равно многие не успевали выполнить норму выработки, сильно повышенную с началом войны. Обедали здесь же, в тайге, у походных кухонь, приехавших в рабочую зону из лагеря. На ужин в конце рабочего дня брели в

столовую. Некоторые буквально валялись от усталости, еле передвигая ноги в конце колонны. Злые, как собаки, которых они волокли на поводках, конвойные матерились, подгоняя отстающих окриками и пинками сапог. Яростно лаяли, брызжа слюной, немецкие овчарки с хищно вздыбленной на загривках палевой шерстью. Рвались с поводков, делая стойку на задних лапах. Окружавшие колонну вохровцы замахивались на эков прикладами винтовок, а то и норовили кольнуть штыком.

Заключённые боязливо жались в середину колонны, подальше от острых собачьих клыков и прикладов охранников. В душе проклинали и жуликоватое начальство Воркутлага из ведомства Берии, и «самую справедливую» Советскую власть, и «горячо любимую» коммунистическую партию, и «мудрое» кремлёвское правительство, и лично «великого вождя всех времён и народов» товарища Сталина.

8

С утра, придя в помещение администрации, начальник лагпункта «Лесорейд» вольнонаёмный Марк Ретюнин по телефону связался с лесобиржей и велел срочно доставить к нему заключённого Макеева. Тот, хоть и являлся заведующим лесобиржей, но передвигаться без конвоя не имел права. А Ретюнину нужно было согласовать с ним некоторые важные детали предстоящего восстания.

В ожидании сподвижника Марк Андреевич курил, нервно прохаживался по кабинету от двери к окну и обратно. Думал о своём. Во дворе двое заключённых под присмотром вохровца с винтовкой пилили дрова ручной пилой, положив бревно на специальные деревянные козлы. Билась о стекло назойливая муха. Ретюнин взял со стола «Правду», свернул в трубку, злобно хлопнув по стеклу, убил муху. Зазвонил телефон. Марк Андреевич поднял трубку. Дневальный с лесобиржи сообщил, что заключённый Макеев выехал с подкомандировки в «Лесорейд».

«Это ещё час на дорогу, как минимум», – с раздражением подумал Ретюнин. Чтобы скоротать время, решил вызвать **Михаила** Дунаева, будущего начальника штаба повстанческого отряда. Позвонив на вахту, попросил дежурного доставить к нему прораба Дунаева. Опять потянулись томительные минуты ожидания. Видимо, Дунаева не было на месте и за ним послали в рабочую зону.

Марк Андреевич стал мысленно перебирать в памяти картины прошлого, припоминать обстоятельства, которые привели его, в конце концов, за колючую проволоку...

Невысокий, широкоплечий двадцатилетний паренёк с яркой внешностью и густой огненно-рыжей шевелюрой, любимец деревенских девчат, – Марк Ретюнин в самом начале коллективизации покинул родное село и обосновался здесь же, в Архангельской области, в районном центре Маймаке. Он был незаурядной личностью: решительный и честный – имел сильный, волевой характер, любил поэзию, знал стихи многих классиков, часто цитировал наизусть Шекспира, что очень нравилось женщинам, также тяготел к эффекту и авантюре. Это, видимо, и привело его вскоре к уголовникам. В 1929 году за ограбление банка Ретюнин был осуждён по статье 59-3 УК РСФСР (бандитизм), получил 13 лет лагерей и отправился рубить уголёк в Воркутинскую шахту. Через десять лет ударной работы его досрочно освободили, расконвоировали, но домой не отпустили – перевели, так сказать в «добровольно-принудительном» порядке на вольный наём. Вскоре он показал себя с положительной стороны, проявил организаторские способности, решительность и уникальную работоспособность, в результате чего был отмечен руководством. Начальник управления Воркутлага капитан госбезопасности Тарханов считал Ретюнина передовиком-стахановцем и одним из лучших работников. По его мнению, вольнонаёмный Марк Ретюнин ради выполнения производственного плана готов был даже пожертвовать собственной жизнью. Это, впрочем, не сильно расходилось с истиной: будучи простым эком-шахтёром Ретюнин каждый день рисковал головой в забое, а, выбившись впоследствии в лагерное начальство, – вступил в смертельный конфликт с уголовниками, сколько раз грозившими поставить его на ножи. Так или иначе, Марк Ретюнин вскоре занял пост начальника небольшого отдельного лагерного пункта ОЛП «Кочмес», а затем был переведён в «Лесорейд» на ту же должность.

Углубившись в воспоминания, Ретюнин воскресил в памяти тот давний, до сих пор не забытый эпизод ограбления маймакского банка...

С ворами Марка свела девушка, с которой он познакомился в Маймаке, и у которой временно квартировал, – Влада Дроздова по кличке Шарфик. Она была наводчицей и воровкой на доверии. Ретюнин вначале даже не подозревал, с кем имеет дело. Перебравшись в Маймак, он зарегистрировался на бирже труда как безработный, вёл праздный образ жизни, захаживал

в кабаки, а когда удавалось где-нибудь подработать – и в рестораны. Спал, где придётся: на вокзале, у случайных знакомых, в подвалах и на чердаках. Вечерами неизменно отправлялся в Народный дом на танцы, где однажды и познакомился с симпатичной, вызывающе и экстравагантно одетой Владой. После танцев пошёл её провожать.

– А вы чем занимаетесь? – искоса поглядывая на интересного, с яркой, запоминающейся внешностью паренька, спросила девушка.

– Учусь, – не моргнув глазом, соврал он.

– На кого, если не секрет?

– На инженера... это... по сплаву леса, – нашёлся он, точно даже не зная, существует ли такая профессия. Просто видел сплавщиков у себя в деревне и ляпнул первое попавшееся, что пришло на ум.

Влада тоже не была искушена в этом вопросе. Дочь вора и проститутки, родившаяся в лагере, она плохо разбиралась в современной советской жизни, предпочитая бездумно крутить любовь и зарабатывать на безбедную жизнь процентом с добычи во время лихих налётов грабителей на квартиры состоятельных горожан, которые совершались по её наводке.

Оживлённо болтая о всякой всячине, они свернули в тёмный, неосвещённый электричеством проходной двор. Неожиданно дорогу им перегородили двое. Позади, за спинами вырос для подстраховки третий.

– Деньги! – потребовал передний налётчик. У говорившего зловеще блеснул в руке нож.

– Влада, беги, я их задержу! – в отчаянии крикнул Марк и храбро бросился на вооружённого ножом грабителя, сжал мёртвой хваткой его правую руку.

Завязалась отчаянная борьба. Дружки налётчика поспешили ему на помощь. Плохо бы пришлось Ретюнину, если бы не Влада. Она и не подумала убежать. Выхватив из сумочки наган, бросилась на выручку Марку. Ударил одного грабителя рукояткой пистолета по голове. Тот, со стоном, тяжело повалился на булыжники. Другому бандиту девушка умело и ловко заехала острым носком туфельки в пах. Он скорчился, схватившись обеими руками за переднее место, упал на колени и на карачках пополз в темноту. Слышен был только его жалобный скулёж, видимо, удар пришёлся в самую точку... У оставшегося

на ногах грабителя Ретюнин, после непродолжительной борьбы, отнял финку и, приставив к горлу, потребовал:

- Ну-ка, фраер городской, - гроши на бочку! Считаю до трёх и - режу, как поросёнка! Раз, два...

- На, забери всё, сука, только не убивай! - взмолился тот, вытаскивая из кармана толстую пачку мятых ассигнаций.

Марк жадно схватил деньги, убрал нож.

- Проваливай, золоторотец, пока цел... Так и быть, резать я тебя сейчас не буду. Но гляди, не попадайся мне больше на глаза!

- А ну-ка, стой, дефективный! - потребовала вдруг Влада и наставила на грабителя пистолет. - Выворачивай карманы, давай всё, что есть.

- Нету ничего ты, профура. Что пристибалась? - огрызнулся грабитель.

- Я тебе не профура, козёл безрогий, я честная воровка... И за оскорбление ответишь, - принялась резко говорить по блатному Влада.

Марк только удивлённо хлопал глазами, не ожидая такого поворота событий.

- Догони того, что уполз, - обратилась воровка к парню. - Он далёко уйти не успел. Тащи его сюда, разберёмся, что за фикус...

Ретюнин быстро отыскал в темноте, в нескольких метрах, третьего бандита. Грубо схватив за шиворот, притащил на расправу.

Влада в это время обшаривала карманы стоявшего перед ней грабителя, у которого Марк забрал деньги. Второй нападавший лежал без сознания возле их ног. Он до сих пор не очухался от удара рукояткой нагана. Девушка приказала приведённому Марком налётчику отдать все деньги и ценности, а после обшарить карманы своего товарища, лежавшего на земле. Когда всё это было исполнено, Влада передала награбленное Ретюнину, а бандитам, угрожая револьвером, приказала:

- А теперя, товарищи мазурики, сымайте портки, да поживее. И исподнее всё - тоже долой! Я вас, чертей, в чём мать родила от себя пушу, чтобы знали, с кем связываться! Ну, поживее, не то стреляю!

Бандиты, матерно ругаясь и злобствуя, начали торопливо раздеваться.

- Влада, пошли от греха, бросай комедию, - потянул её за руку Ретюнин.

- Сейчас пойдём, Марко, одежду только заберу и похрюем на ховиру, - сказала Влада...

Раздался стук в дверь, выведший его из воспоминаний.

- Да! Кто там? Войдите, - крикнул Ретюнин.

Дверь кабинета приоткрылась и заглянул вохровец в синей фуражке, с одним эмалевым треугольником младшего сержанта на краповых петлицах.

- Товарищ начальник лагпункта, заключённый Дунаев доставлен.

- Хорошо, сержант. Заводите прораба Дунаева и можете быть свободны. Я его после сам на зону отведу, - сказал Ретюнин.

Вохровец скрылся за дверью и вскоре в помещение вошёл Михаил Дунаев.

- Здравствуй, здравствуй, дорогой Михаил Васильевич, - с радостью пошёл ему на встречу начальник лагпункта. Связанные задуманным общим опасным делом, они крепко, по-братски, обнялись. Ретюнин указал ему на стул у стола, сам же на цыпочках подошёл к двери и, осторожно приоткрыв, выглянул в коридор. Убедившись, что никого нет, запер дверь на ключ. Быстро направился к окну, посмотрел во двор. Зэки у козел продолжали пилить бревно, конвоир, присев на сосновую чурку, курил козью ножку. К нему подошёл младший сержант, приводивший Дунаева, попросил у коллеги табачку. Тот охотно полез в карман шаровар, не скупясь, отсыпал из расписного кисета. Младший сержант свернул закрутку, прикурил у вохровца и пошёл к вахте.

- Опасаетесь стукачей, Марк Андреевич? - кашлянув в кулак, спросил прораб Дунаев.

- Не стукачей, а так, на всякой пожарный, - ответил Ретюнин. - А стукачи и осведомители нам теперь не страшны...

- Что, неужели свершилось? Убрали опера? - аж вскрикнул от радости Михаил Дунаев.

- Да, свершилось, Михаил Васильевич, - подтвердил Марк Ретюнин. - Оперативный отдел НКВД Воркутлага, в связи со служебной необходимостью, снял оперуполномоченного Осипенко с нашей командировки и перебросил на другой участок.

- Куда же, если не секрет?
- Далеко, пятьсот пятьдесят километров от Усть-Усы. В таёжный посёлок Новый Бор.
- Слава Богу, - сказал Дунаев, у которого сразу же поднялось настроение. - Вы про это мне хотели сообщить?
- Не только, - сухо ответил Ретюнин, присаживаясь к столу.
- Помимо тебя, я вызвал с лесобиржи Алексея Трофимовича Макеева, нашего военного комиссара, - при последних словах начальник лагпункта понизил голос до шёпота.
- Что-нибудь серьёзное?
- Да нет, не беспокойся, товарищ будущий начштаба, ничего не случилось, - поспешил заверить его Марк Ретюнин. - Просто нужно обговорить кое-какие детали: время выступления, окончательный маршрут, ближайшие цели, перспективу...
- Ну и?.. - напрягся Дунаев.
- Вот привезут Макеева, тогда и решим, - коротко отрезал Ретюнин. Подумав, спросил о том, что больше всего беспокоило:
- Как там подполковник Медведев, не дал ещё добро?
- Опасаюсь я, что вообще не даст, - сказал, горько вздохнув, Дунаев.
- Что, крепкий орешек? Пламенный большевик?
- Не то слово, Марк Андреевич... Кремень, не человек! - покачал головой Михаил Дунаев.
- Он, кроме своих земляков да Чупрова, кого-нибудь ещё знает?
- настоженно намекнул Марк Ретюнин.
- Никого. А сейчас и вовсе не донесёт, - кума-то перевели... Тю-тю, поезд ушёл.
- А не лучше ли его это... - в расход?.. - испытующе взглянул в глаза сподвижника начальник лагпункта.
- Думаю, преждевременно, - не согласился с ним Михаил Дунаев. Выдвинул свои соображения: - Время ещё терпит, работа с ним продолжается... А кадровый боевой офицер нам, Марк Андреевич, позарез нужен. С кем воевать будем, ежели до дела дойдёт? Лесорубы, банщики да каптёрщики - хреновые вояки...
- Кстати, заведующий баней китаец Лю-Фа - наш человек, - сообщил Ретюнин.
- Не знал...

- Наш, - повторил Ретюнин. - И я очень ему доверяю. В отличие от повара, тоже, кстати, китайца Тянь-Шаня - так его блатные зовут. Скользящая личность...

- А сколько у нас на командировке блатных, Марк Андреевич? - неожиданно спросил Михаил Дунаев.

- Десятью четыре человека на круг выходит, - ответил без запинки начальник лагпункта. - А почему спрашиваешь?

- Да вот, думаю: почему бы не привлечь их на нашу сторону? Ребята отчаянные, боевые. В драке весьма полезные были бы. Не то, что наши Баклажаны Помидоровичи, - вставил Дунаев обидное, пренебрежительное прозвище, которое дали блатные политическим, сидевшим по пятьдесят восьмой.

- Я у них не пользуюсь авторитетом, - с сожалением признался Марк Ретюнин. - Работать заставляю, план требую, а они все в отрицаловке... С Советской властью, с «краснопёрыми», как они выражаются - на ножах. Хоть и считаются социально-близкими... Меня же в лагере только пятьдесят восьмая статья поддерживает, да мужики из бытовиков.

- Жаль, - вздохнул Дунаев.

- Хотя я сам, как ты, вероятно, знаешь, Михаил Васильевич, свою «дюжину» схлопотал по воровской пятьдесят девятой статье за бандитизм, - заговорил Ретюнин. - Как раз перед твоим приходом вспоминал, как в двадцать девятом в Маймаке банк ограбили с одной бандой...

- Ну и как дело было, Марк Андреевич? Интересно... Поделитесь, - попросил Михаил Дунаев, устраиваясь поудобнее в ожидании занимательной истории, до которых так падки все зэки...

Руководил бандой известный в криминальном мире Маймака вор в законе из Ростова-папы Гера Грушевский. Это был авторитетный блатарь со стажем, совершивший первые кражи ещё при царе Николае. Рекомендации Влады Дроздовой по кличке Шарфик было вполне достаточно, чтобы Гера принял Марка Ретюнина в свою банду и поверил ему. Как раз налётчики готовились к ограблению банка, который решено было брать с бою, лихим бандитским налётом.

Марк приехал на место, внимательно осмотрел его и сказал главарю, что брать штурмом банк со стрельбой и кровопролитием нет никакой необходимости, - можно обойтись без всего этого.

Толковище происходило на Корабельной улице, на хазе, которую содержала престарелая воровка, цыганка Земфира.

- Говори, пацан, что ты придумал? – пренебрежительно произнёс Герасим Крутогоров, грушевец, скрывавшийся под кличкой Гера Грушевский.

История его жизни была не менее удивительна и полна захватывающих приключений. Уйдя вместе с отступающими войсками белых из Ростова, Герасим добрался с дружкойми по криминальному ремеслу до Новороссийска. В конце апреля 1920 года вместе с остатками Добровольческой армии переправился в Крым. Затем, когда Крым был занят махновцами и красными полками Фрунзе, Крутогоров ушёл в подполье. Именно тогда, после падения белого Крыма и отплытия Русской армии Врангеля в немилую Туретчину, и зародился в России этот удивительный, не существовавший больше нигде в мире, воровской закон.

Кучка врангелевских офицеров, которым больше некуда было податься, перешла на нелегальное положение и решила продолжать борьбу с большевиками. Одни, самые отчаянные, ушли в непроходимые леса и горы и там, возглавив бандитские шайки, стали вести жестокую партизанскую войну. Другие рассеялись по городам, присоединившись к ворам и налётчикам. И чтобы отличаться от простых карманников, домушников и гоп-стопников, офицеры придумали себе своеобразный уркаганский «кодекс чести», или воровской закон. Согласно этим неписанным правилам, вор не должен был служить в милиции и Красной Армии, работать на советское государство, состоять в партии, комсомоле, иметь семью, дом, вещи и многое другое. Вводилась замысловатая церемония «коронации» в вору; система воровских татуировок, главным элементом которой являлись «погоны» на плечах авторитета; передача воровского титула по наследству – своеобразная блатняцкая династия; даже своя табель о рангах появилась, то есть воровские «масти», и многое другое. В результате всех этих нововведений блатной авторитет, пахан, стал походить не на вора, разбойника с большой дороги, а на средневекового английского Робин Гуда, – романтика и борца с несправедливостью. Вот в такую компанию из бывших, озлобленных против всего советского врангелевцев и попал после Гражданской войны Герасим Крутогоров...

Выслушав вопрос главаря, Марк туманно намекнул, что в банк можно проникнуть из подвала.

- Подкоп? – сразу же оживился Гера Грушевский, вспомнив

аналогичный случай. В 1919 году в Ростове-на-Дону было ограблено банковское хранилище Первого Ростовского общества взаимного кредита. Там, ещё до революции иностранными фирмами по заказу ростовских банкиров, в подвале здания была установлена панцирная коробка из особой стали размером с большую комнату. Банк находился в доме на пересечении Николаевского переулка и улицы Казанской. Вот в эту бронированную комнату, где хранились ценности, и проникли грабители, совершив подкоп из подвала дома, стоявшего напротив банка.

- Не, совсем, - начал излагать свои мысли Марк Ретюнин. - К банковским сейфам, которые, как вы утверждаете, находятся в подвальном помещении, можно проделать лаз из подвала соседнего подъезда. Он не жилой и завален всяким ненужным хозяйственным хламом коммунальщиков. Но котельной там нет и это нам на руку. За одну ночь можно вполне справиться и пробить стену, которая разделяет банковское хранилище и подвал жилого дома.

- А если сторож сверху услышит? - с сомнением спросил один из налётчиков.

- На дело пойдём в самое спокойное время, перед рассветом, часа в четыре утра. В эту пору самые бдительные сторожа засыпают. Проверено на личном опыте, сам в деревне сколько раз сторожевал, табуны в ночное гонял, - заверил Марк. - А для верности можно к сторожу профуру какую-нибудь в гости направить, вон хоть бы Владку Шарфик. Она с ним позорюет ночку, лягавый и прикумарит под утро без задних ног. После трудов праведных...

- Это резонно, - заметил главарь банды Гера Грушевский.

- Молодец, Марко. Фартовый пацан. Смалец в котелке есть. Ежели и дальше так пойдёшь, по воровской... большим человеком будешь.

- Мы ребята архангельские, в семяром одного не боимся, - с улыбкой пошутил Ретюнин.

Преступили к детальной разработке предстоящего ограбления. Решено было, под видом сантехников, ещё раз тщательно обследовать подвал жилого дома, заранее спрятать в нём инструмент. Дождаться тёмной грозовой ночи и идти на дело. Удобный случай выпал через несколько дней. Всё получилось как нельзя лучше, они ломami и кирками продолбили в подвале стену, за которой располагалось банковское хранилище, вскрыли сейфы - с ними на деле был опытный медвежатник из

Питера – и выгребли все деньги и ценности. Бросив на месте кражи ненужные уже инструменты, благополучно ушли.

Марк Ретюнин, получив свою долю добычи, поехал в Архангельск – гулять. Не удержавшись, начал пить ещё в поезде, в вагоне-ресторане. Приставал к девицам, нарывался на скандал, швырял деньги направо и налево. Начальник поезда заинтересовался подозрительным пассажиром, сообщил куда надо... На первой же станции Ретюнина арестовали. В Архангельск он прибыл уже в наручниках...

* * *

Наконец, приехал с лесобиржы на гужевой повозке Алексей Макеев. Отпустив его охранников в солдатскую столовую на обед, Марк Ретюнин сразу приступил к делу:

– Итак, друзья, многое уже сделано для практического осуществления нашего замысла. Как вы уже знаете, мной созданы значительные запасы продовольствия, тёплых вещей для личного состава, медикаментов и многого другого, необходимого в наших условиях для борьбы. Сформировано ядро боевого отряда Особого назначения, создан штаб. Но мы не решили самого главного: цели восстания, с которой тесно связано и время. Ежели наша ближайшая цель, просто побег, то лучшего времени, чем сейчас ждать нечего. Поднимем лагерь, перебьём охрану, поделим поровну припасы и, как зайцы, – врассыпную в тайгу. А там уже, кому как улыбнётся удача... Но можно не просто бежать, а восстать и сражаться с оружием в руках за свободу. Для этого понадобятся большие силы и средства. Следовательно, нужно будет привлечь заключённых соседних командировок и лагерей. Здесь необходима быстрота и мобильность. А для этого самое лучшее время – зима, когда можно будет для оперативности использовать зимники. К тому же замёрзнут реки, и по ним тоже можно будет быстро передвигаться с большим санным обозом, так же используя лыжи для личного состава подразделений. Что вы на это скажете?

Сподвижники задумались. Первым, как всегда нервно кашлянув в кулак, высказался Михаил Дунаев:

– Я, как бывший офицер, майор Красной Армии, считаю, что нам лучше всего подойдёт такой вариант: восстать зимою, сформировать большой отряд из заключённых соседних лагерей и пробиваться на запад, на фронт, чтобы вступить в бой с фашистами самостоятельной боевой частью и этим заслужить

себе свободу и прощение. Иначе нас всех здесь перебьют, долго мы не продержимся.

- А что мы теряем, ежели нас перебьют? - взорвался вдруг эмоциональный Ретюнин. - Подохнем завтра или погибнем сегодня в бою... Я знаю, скоро в лагерях один другого будет убивать, а сначала всех осуждённых по контрреволюционным статьям перестреляют, в том числе и нас, вольнонаёмных. Так что, разницы никакой.

Алексей Макеев обратился с вопросом к Дунаеву:

- Михаил Васильевич, вот ты говоришь: будем пробиваться на фронт? А пробиваться это как? Неужто ты думаешь, что чекисты нас с хлебом-солью встречать будут? А до фронта ведь - ой-ё-ё сколько!.. Не одна тыща вёрст, я прикидываю. И всё с боями, сквозь войсковые заслоны, под огнём авиации и артиллерии... Ты ведь сам военный, должен понимать, что это неосуществимо. Сколько после всей этой катавасии до фронта доберётся? Жалкая горстка бойцов? Да и немцы что подумают? Решат, что в тылу Красной Армии кто-то второй фронт им в поддержку открыл? Ещё и ударят нам навстречь, чтобы поскорее соединиться, - Алексей Трофимович захихикал. - Нет, так дело не пойдёт... Ваша не пляшет, как говорят блатные.

- Лучше умереть стоя, чем жить на коленях! - повторил слова испанской революционерки Долорес Ибаррури Михаил Дунаев и сердито замолк, внутренне перебарывая свою неудачу.

- А ты что предлагаешь, Алексей Трофимович? - спросил у заведующего лесобиржи Ретюнин.

- Мой план всё тот же, Марк Андреевич, я уже как-то озвучивал, - уверенно заговорил Макеев. - Я предлагаю поднять настоящее вооружённое восстание против Советской власти, завладеть оружием вохровцев, захватить райцентр Усть-Уса и большим отрядом двинуться от лагеря к лагерю, освобождая и вооружая заключённых, спецпоселенцев и местное население - комяков, ненцев-оленевонов, вольнонаёмных и всех, кто к нам примкнёт. Повсеместно по пути Отряда особого назначения, который преобразовать в регулярную повстанческую армию, распускать колхозы, разгонять местные Советы и устанавливать справедливую, истинно народную власть, без участия коммунистов. Отменить продовольственные карточки, товары со складов раздавать местному населению бесплатно - это привлечёт их на нашу сторону и пополнит ряды повстанческой армии. В конце концов, освободив от коммунистов значительную территорию, образовать на ней своё собственное, отдельное от СССР государство или республику. Предъявить ультиматум руководству

Воркутлага с главным требованием: освободить всех политических заключённых, отбывающих сроки по пятьдесят восьмой статье. Ну а дальше – договариваться со Сталиным о признании нашей республики. В случае крайней нужды – заключить союз с Гитлером и двинуть армию на запад для соединения с немцами. А что нам ещё остаётся?..

– Ну, у тебя, Алексей Трофимович, планы просто наполеоновские, – с улыбкой покрутил головой Марк Ретюнин. – Уж и отделяться от Союза придумал и с Гитлером дружбу заводить... Не говори «гоп» покуда не перепрыгнешь, знаешь такую присказку? Вот. И нечего делить шкуру не убитого медведя. А что касемо вооружённого восстания и освобождения заключённых из соседних лагерей, я с тобой полностью согласен. И даже конкретно наметил соседнюю командировку Печорлага «Пуля-Курья», что в восьми километрах от Усть-Усы. Там в начальниках – мой хороший знакомец, вольнонаемный Поляков. Я с ним свяжусь и поговорю о наших делах. Хорошо было бы склонить его на нашу сторону, чтобы восстать одновременно.

– Да, это было бы тактически – хорошо, – сразу же согласился Дунаев. – Двойной удар. Чекисты вынуждены будут распылять свои силы, а это нам только на руку.

– И при штурме Усть-Усы Отряду особого назначения тоже полегче будет, – добавил Ретюнин. – С двух сторон навалимся, сомнём вохру, а после стремительным броском – на Кожву, на железную дорогу. Займём станцию и дальше – по лагерям. Одна часть двинется на запад, до узловой станции Микунь, поднимая подкомандировки Севжелдорлага, а там и до Сыктывкара рукой подать. Другие в это время пойдут на восток, в сторону Воркуты – это Печоржелдорлаг. В общей сложности в двух направлениях – пятьдесят с лишним лагпунктов, около тридцати тысячи зэков. Если всех освободить и вооружить – чем не армия?

– Впечатляет! – поддакнул Михаил Дунаев.

– За это и выпьем, – сказал вдруг, без всякого перехода, Марк Ретюнин и вытащил из ящика стола солдатскую фляжку. Наклонившись, достал из нижнего отделения стаканы, хлеб, копчёную рыбу, сало, зелёный лук.

– Вот это дело, Марк Андреевич, – потёр от удовольствия руки Алексей Макеев. – А то, гляжу, время обеда подходит... Я признаться, проголодался в пути, с утра толком не позавтракал.

– Сейчас и поужинаешь заодно, Алексей Трофимович, – пошутил Ретюнин, наливая спирт в три стакана.

– Значит, за победу, товарищи руководители! – уточнил

предложенный Ретюниным тост прораб Дунаев. Взял налитый до половины стакан.

- За неё! - сказал будущий **военком** Макеев.

Сподвижники чокнулись стаканами, дружно опрокинули в себя дьявольски крепкую, огненную жидкость, схватились за закуску.

- Крепкий, собака! - вытирая слезящиеся глаза, пожаловался Дунаев. - Аж внутри всё запекло.

- А как ты хотел? Девяносто шесть градусов, чистяк, - сообщил Ретюнин, жадно набивая рот салом и луком.

- И много у вас его? - любопытствовал Макеев. - Будущим бойцам отряда тоже ведь надо по сто граммов военкомовских, как на фронте.

- Хватает... А мало будет, ещё со складов в управлении Воркутлага выпишу, - похвалился Марк Ретюнин. - Ну, давайте, отцы-командиры, ещё по одной. Вздогнули!

Они выпили снова. На этот раз спирт пошёл легче, как по маслу... Глаза у сотрапезников заблестели, на щеках вспыхнул хмельной румянец, языки развязались.

- Я эту поганую Советскую власть никогда не прощу за то, что она со мной сделала, как несправедливо поступила, - стуча себя в грудь кулаком, горячился Макеев. - Я ведь в своё время всем республиканским лесом здесь, в Коми, заправлял, членом Бюро Обкома числился и вдруг на тебе - всё коту под хвост! В тридцать восьмом ни за что, ни про что - взяли как последнего врага народа, бросили в каталажку. Два года следствие шло. Следователи, волки позорные, старались, выбивали на допросах показания во вредительстве и организации контрреволюционного троцкистского заговора. На суде приговорили к вышке. Едва лоб зелёной не намазали. Я уж, сидя в камере смертников, с жизнью своей распрощался... Никогда этого не забуду, а жив останусь - внукам перескажу.

- Ну и что, не расстреляли тебя краснопёрые, Алексей Трофимович? - задал дурацкий вопрос уже изрядно захмелевший Дунаев.

- Как видишь, - коли перед тобой живой-здоровый сижу, - ухмыльнулся Макеев. В начале года Военный трибунал Московского военного округа заменил смертный приговор на пятнадцать лет северных лагерей с поражением в правах сроком на пять лет...

9

Бригадир Николай Чупров, поговорив как-то с заместителем начальника отдельного лагпункта «Лесорейд» десятником Афанасием Яшкиным, предложил перевести своих земляков на более лёгкую работу. Они и без того негласно пользовались многими поблажками, жили в специально построенном начальником Ретюниным для заговорщиков новом тёплом бараке. Здесь были собраны почти все участники задуманного восстания. Яшкин посоветовался с Ретюниным насчёт людей Чупрова и начальник «Лесорейда» дал добро. Постепенно подопечные бригадира Чупрова заняли должности в обслуживании лагеря: престарелый Иван Бойчевский стал конюхом, Пётр Родионов – баландёром на кухне, Петра Медведева перевели в санчасть уборщиком или шнырём, Фёдор Громов заделался бугром второй бригады, в которой было много уголовников.

Повышение не сильно обрадовало Фёдора: он хоть и избавился от необходимости самому валить лес, но добавилось ответственности. Теперь он должен заставлять работать других, а собачья должность совсем не нравилась. Он даже хотел отказаться, но **десятник** Яшкин прозрачно намекнул, что так надо для будущего восстания, руководство на него надеется, и Громов смирился. В тот же день, после работы, пошёл в соседний барак знакомиться с бригадой.

Не успел подойти к двери, – с крыши барака раздался пронзительный разбойничий свист, и молодой, задиристый фальцет объявил:

– Васер, пацаны, новый бугор канаает!

Фёдор поднял голову, увидел наверху несколько малолеток: лёжа на покатой кровле, они курили, вполголоса незлобно переругивались. Один угнездился на самом коньке и болтал от удовольствия ногами.

– Вы чё туда залезли? – дружелюбно спросил Громов.

– Хреном груши околачиваем, терпила, – беззаботно ответил самый бойкий, и нахально уставился на Фёдора. Остальные весело заржали. Один, тот, что сидел на коньке, прицелился из рогатки.

– Карлик, выбить ему правый шнифт?

– Не попадётся, Джага, далеко, – оценивающе ответил Карлик, прикидывая на глаз расстояние до цели.

– Мажем, что с трёх раз вышибу, – горячо доказывал Джага. – Эй,

фитиль, стой на месте, не рыпайся, а то и впрямь не попаду.

Фёдор втянул голову в плечи, с опаской глянув вверх, быстро, как заяц, шмыгнул в барак. Отмороженный хлопец и впрямь намеревался стрелять.

Помещение, в отличие от барака, где жил он сам с земляками, было просторнее, перегорожено на две равные части. Ряды деревянных, двухъярусных вагонок длинно тянулись из конца в конец комнаты. При виде Громова с крайних нижних нар поднялся смазливый, краснощёкий, опрятно одетый заключённый. Слащаво улыбаясь, направился навстречу:

- Вы к нам, мужчина? Какой симпатичный... Папиросочкой не угостите?

- Угостил бы, друг, да нема, - бесхитростно ответил Фёдор и развёл руками. - Если хочешь, махорки могу отсыпать. Добрый горлодёр!

Мужики в бараке выжидающе притихли. Громов полез в карман за кисетом.

- Не вздумай, бугор! - предостерег вдруг один из знавших его эков.

- А что? - не понял он.

Мужик подошёл к нему и шепнул на ухо:

- Варезку не разевай! Не будь вахлаком - это петушиный угол...

- Ку-ка-ре-ку! - дурашливо выкрикнул из-за вагонок какой-то ээк.

- В курятник новая Машка просится. Уважим, пацаны?

- А ну выйди зараз сюда, кто гавкнул! - разозлившись на циничные подначки заключённых, выкрикнул Фёдор Громов и решительно сжал кулаки.

- Гляди, а он с характером!

- Ага, - в поле ветер, в жопе дым.

- Есть в нём что-то северное - похож на хрен моржовый, - загомонили ээки, угрожающе надвинулись на пришедшего.

- Я ваш новый бригадир, - в отчаянии выкрикнул Фёдор. - Вы чего хотите, мужики? Приключений на задницу? Получите, я обещаю! Меня сам Афанасий Яшкин на должность поставил, - он у меня в корешах!

- Эй, бугор, не бзди, никто тебя не тронет. Ходи сюда, - раздался вдруг начальственный голос из дальнего угла барака.

Громов понял, что зовут к пахану и, заметно волнуясь, пошёл на голос. Здесь, у окна, посвободнее: у стены – двое однарусных нар. На одних, заложив руки за голову, лежал пожилой седой мужчина лет пятидесяти. Обнажён до пояса и весь, словно картинная галерея, разрисован замысловатыми татуировками. Фёдор невольно засмотрелся на этот образец лагерной живописи. На волосатой груди, с правой стороны, – парящий орел с короной над головой, левее, где сердца, – профиль Ленина, на правом предплечье – оскаленная морда тигра, на левом – роза, на плечах большие шестиконечные звёзды. Помимо всего руку обвивала змея с раздвоенным языком во рту, на животе – палач с топором.

В ногах у мужчины притулился щуплый, зашуганный зэк. Что-то рассказывал. К его речи с интересом прислушивался заключённый с соседней вагонке, по виду, – из авторитетных, как первый. Позади, на нижних нарах, азартно резались в стос двое картёжников. Громов застыл в неребзительности, не зная, что делать. Зэк в наколках обратился к рассказчику:

– Ты давай, Асфальт Тротуарович, завязывай свой роман тискать, вишь, ко мне человек пришёл. Завтра закончишь.

Один из карточных игроков, обернувшись, взглянул на Громова. Фёдор похолодел: это был тот самый невысокий, сухощавый блатарь лет тридцати с рваным шрамом на щеке – Моня, которого он как-то вырубил на больничке. Зэк тоже узнал обидчика. Хищно выскалится, крикнул кому-то на верхних нарах:

– Аркан, гляди какой босяцкий фарт нам подвалил – тот самый фраерок прикандёхал, что как-то на больничке канканты мочил, гнилой кипеш поднял, помнишь? Вставай, керя, распиши ему афишу, я пока куш сорву – у меня масть попёрла.

С верхней вагонки ловко прыгнул зэк, которого игрок назвал Арканом, – узколобый, смахивающий на портового амбала верзила в коричневой жилетке и чёрных расклешённых брюках навыпуск. Он тоже участвовал в той памятной для Фёдора драке и тоже добре получил тогда от него.

– Что, чушкарь зачуханный, сам пришёл? – с угрозой двинулся верзила на Громова. – Амба тебе, алямс-трафуля! Кранты! Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал...

Зэк из блатных – напарник седого мужчины в наколках – не поднимаясь с вагонки, властным тоном урезонил:

– Остынь, Аркан, тебе слова никто не давал. Брысь под лавку, сявка, не то осерчаю!

Верзила тупо посмотрел на авторитета и отступил без разговоров. Зато Моня, прервав игру, взъерепенился:

- Что за дела, Зоха? Фраерок нам с Арканом должен, а долг - святое дело! Всё по честному, спроси у кого хочешь, люди скажут, что я прав. Желаю получить должок!

- Это правда, бугор? - спокойно спросил у Фёдора зэк, которого картёжник Моня назвал Зоха.

- Я с ними в карты не играл, он врёт, - сверля презрительным взглядом ускользающие, мышинные глазки Мони, твёрдо сказал Громов. - Они дачку моего больного товарища дербанили, я и вступился, - наказал крысятников.

- Это предьява, - сухо сказал Зоха и вопросительно посмотрел на седого мужчину в наколках.

Тот молчал, не вмешиваясь. Внимательно слушал, предоставив право разбираться товарищу. Лениво полез в тумбочку, вынул красочную пачку иностранных, видимо американских сигарет, достал одну, помял в пальцах. В ту же минуту к седому подлетел молодой парень-шестёрка, услужливо чиркнул спичкой. Человек в наколках, как будто не заметив услуги, продолжал задумчиво разминать сигарету. Парень терпеливо держал спичку, пока она не прогорела вся, припалив пальцы. Он поморщился от боли, но стерпел. Мужчина в наколках достал зажигалку и прикурил.

- Всё по делу было, Зоха, - бросив карты, принялся доказывать свою правоту Моня Бахтин. - Кум доходяге шикарный грев на больничку подогнал, а мы с Аркашей там временно кантовались, от работы косили. Сам знаешь: час кантовки - год здоровья... Дизентерию замастырили, мыло жрали... Доходяге, ясен хрен, бацила уже ни к чему, - как мёртвому баня - всё равно в ящик не сегодня-завтра сыграет. Мы и рассказали Баклажан-Помидорыча. Внаглянку взяли, не ночью втихаря... Мы не крысы, б...ь буду! А этот в бутылку полез, права качать начал, Аркана малость помял. Ну и пришлось его по-нашему, по пацански, поучить, да, видать, наука впрок не пошла. Нужно напомнить!

- Так дело было? - спросил у Фёдора терпеливо докапывавшийся до истины Зоха.

- Так, да не так, - недовольно буркнул Громов, ему начинали надоедать все эти гнилые разборки. - Он, шакал, всё по-своему передёргивает, как карточный шулер. С ног на голову переворачивает.

- Это в игре не возбраняется, - высказался Моня, ловко

перетасовывая засаленную колоду.

- Смеёшься, зараза... Забыл, как я вас обоих с длинным под нары уложил? И ножик твой не помог, - пошёл в решительную словесную атаку Фёдор Громов.

- Он с ножом был? - удивлённо встрепенулся Зоха.

- Был, да сплыл, - усмехнулся отчаянный грушевец. - В гражданскую и не такие пёрышки у красных обламывал! Подлиннее будут: аршин с гаком... Шашкой прозывается.

Правильный, рассудительный Зоха осуждающе взглянул на враз притихшего Моню:

- Финку засветил - режь! Сам прикинь, Моня, не маленький. Сидел на кичмане, знаешь: вся жопа в шрамах... А ещё положенец...

- Зоха, зуб дам - век воли не видать! Загасил бы волка позорного - фортуна задом повернулась, - растерянно и жалко забормотал развенчанный Моня. Униженно обратился к седому мужчине в наколках: - Сергей Парфёныч, дозвольте искупить?.. Порву фраера на тряпки! Дайте шанс.

Человек, которого назвали Сергеем Парфёновичем, с раздражением, как от назойливой мухи, отмахнулся от него. Зоха встал с вагонки и указал Моне на дверь в другую половину барака:

- Иди, погуляй, керя, не гоношись. Ты накосячил - мы будем решать... Шишкан потом скажет. Адью!

Моня пристыжено удалился. Сергей Парфёнович дружелюбно взглянул на Громова:

- Правильный ты мужик, бугор! Садись рядком, побазарим ладком. - Пахан свесил ноги с вагонки, указал Фёдору на место возле себя. - Выпьешь?

- Для знакомства не помешает, только нету у меня с собой, - замялся Громов.

- Как же так, идёшь в гости к уважаемым людям и с пустыми руками? - с улыбкой упрекнул седой мужчина - авторитет барака Шишкан.

- Должок за мной, Сергей Парфёнович. Через пару дён верну, б...ь буду, - с уверенностью пообещал Фёдор.

- Ладно, не бзди, бугор, у меня всё есть - угощаю, - остановил его словесные излияния пахан. - Деньги есть - Уфа гуляем, денег нет - Чишмы сидим... - Шишкан обратился к своему напарнику: - Ну-ка, Зоха, распорядись, чтобы пацаны всё, что надо сгоношили.

На кухню гонца пошли за шамовкой. Чтоб всё как надо было... С бугром знакомиться будем, – не шутка. Как сосватаешь – так и житуха пойдёт! А нам ссориться не резон...

Подошёл ещё один видный, в летах, зэк: на правой, закатанной по локоть руке – татуировка в виде монаха, пишущего книгу гусиным пером. Склонился к пахану:

– Шишкан, купчику, пока суть да дело, сообразить? Для знакомства?

– Ну, это уж как полагается, Инженер, ты своё дело знаешь. Без чифиря не можешь, – улыбнулся пахан. – Завари банку.

Инженер мигнул шестёрке, кинул ему пачку чая:

– Султан, бери чифирбак и бегом на крышу. Скажи Карлику и Джаге, что Сергей Парфёныч купчику желает. Пусть забрасывают якорь. Да глядите, струны не оборвите...

Султан, молодой, вихрастый паренёк в модном, изрядно потёртом городском пиджаке – клифте, схватил чай, стеклянную литровую банку, налил в неё воды из стоявшего у входа на табуретке металлического бачка, и пулей умчался из барака. Из их разговора Фёдор ровным счётом ничего не понял и только покрутил головой. Вскоре у окна, на сдвинутых вместе трёх тумбочках, появилась водка, обильная, несвойственная скудному лагерному рациону, сытная закуска, накрытая потрёпанной книгой, запотевшая банка с чёрным, как дёготь, чаем, или, как говорили зэки – «купцом».

Фёдор зачем-то скользнул взглядом по корешку книги:

«История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс», – прочёл он про себя. Удовлетворённо хмыкнув, подумал, что хоть какая-то польза есть от этой пустой Сталинской писанины.

Инженер осторожно и бережно взял чифирбак с горячим чаем, передал пахану.

– Ну что, братва, за людское и воровское! – сказал по традиции Шишкан, подув в банку, смело хватанул два добрых глотка, передал по кругу Зохе, или как его полностью величали зэки – Захару Ростовскому. Фёдор и не знал, что они с Зохой почти земляки.

– Эх, хорош купец-молодец! – крикнул от удовольствия Захар Ростовский, тоже, как и пахан, отхлебнув два глотка.

Банка, наконец, дошла до Фёдора Громова.

- Давай, бугор, не дрейфь, приобщайся к воровскому братству, - приободрил его авторитет Шишкан.

Фёдор до этого уже пробовал популярный эковский напиток, но особого удовольствия не испытал. Со скрытым отвращением, с трудом преодолев тошноту, выпил положенные по воровскому обычаю два глотка, передал чифирбак, как называли блатные банку, следующему уголовнику. Когда закончился своеобразный ритуал блатняцкого причастия и все расслабились и повеселели, пахан дал знак, чтобы налили водки.

- Вздрогнули, урки! Дай бог, чтобы не последняя, - снова подал голос босяцкий атаман.

Громов, чокнувшись с паханом и его приближёнными, выпил. По жилам тут же, не в пример горькому, приторному чифирю, не вызвавшему никаких ощущений, кроме тошноты, разлилась приятная, горячая волна. Голова закружилась, и сам он слегка поплыл из реальности, как сквозь завесу, со стороны, отчуждённо воспринимая голоса собутыльников и их жесты.

- Как дела, бугор? Всё по уму? - донёсся до него, казалось, издалека, как будто из-под воды, дружелюбный голос пахана. - Ты ешь, шамай давай! Наворачивай, что увидишь... Краснопёрые тебя такой жратвой не накормят. У нас на зоне только воры такую бацилу потребляют. Из Воркутлага братва нашу зону подогревает, из общака.

- Хорошо вы живёте, блатные, - искренне подивился Фёдор Громов. - Кругом война, голодуха, а у вас - коммунизм, гляжу, и дела в гору...

- Дела, как в Польше, бугор, тот прав, у кого хрен больше, - засмеялся, сидевший рядом с паханом Зоха Ростовский и дружелюбно похлопал Громова по плечу...

* * *

На следующий день Фёдор вывел бригаду на работу в рабочую зону - на лесоповал. Распределил людей по делянкам, объявил о дневной норме выработки. Поговорив о том, о сём с Николаем Чупровым, бригада которого работала по соседству, пошёл проверять, как вкалывает контингент. Лесорубы работали, как и полагается - на совесть. Подгонять не приходилось. Довольный, Громов шёл от делянки к делянке, пока не достиг участка, закреплённого за компанией блатных. Представшая перед глазами картина поразила, - Фёдор, с открытым ртом встал, как вкопанный: в центре небольшой лесной полянки, на

бугорке расстелено несколько синих, со светлыми поперечными полосами, байковых солдатских одеял, на них, в одних трусах, лежали на животе уголовники. Человек пять. Загорали. Громов различил по наколотым на плечах звёздам пахана Сергея Парфёновича, кто были остальные можно только догадываться. На их делянках всю трудились шестёрки и зачуханные доходяги-мужики. Фёдор узнал вчерашнего Султана, малолеток Карлика и Джагу. Неподалёку, на пеньке, опершись на увесистый кедровый сук, курил махорку провинившийся положенец Моня. Он заметил какой-то непорядок, встал и, подойдя к замешкавшемуся зэку из бытовиков, с силой огрел его по горбу палкой:

- Я те поволянью, падло! Я те покурю! План на большую зону кто будет давать? Ломоносов?

- Больно завысили норму, Моня, - вскрикнув от боли, пожаловался заключённый. - Своих сем кубов, да ваших - четыре! Где это видано, за четыреста грамм хлеба да пустую баланду одиннадцать кубов в день вырабатывать?.. А ноги я протяну, кто на вас, иродов, мантулить в лесу будет?

- Сука, поговори! - вновь замахнулся дубиной разъярённый уголовник. - Будешь давать копоты, сколько скажут! Одиннадцать кубов, значит одиннадцать, а гнилой базар не закончишь - ещё пару-тройку кубов накинём, чтоб жизнь медовухой не казалась!

Моня ударил строптивного бытовика палкой, как будто выколачивая из его старой рваной телогрейки пыль, и вернулся на свой пенёк. К нему сзади подошёл Фёдор.

- Почему не работаешь?

Блатной быстро оглянулся на голос: при виде знакомого лица физиономию его передёрнула презрительная усмешка.

- А-а, это опять ты, фраер... Не положено мне работать.

- Почему? Ты что, особенный?

- Я вор, а не мужик. У меня мальцы на другое мулево настроены... Боюсь испортить в лесу. Чем тогда кормиться буду, когда на волю выйду.

- За что бьёшь человека?

- А ты, бугор, на понт меня не бери, - продолжая сидеть, нахально смотрел на него уголовник Моня. - Это не человек, а так, чушкарь лагерный, доходяга... Хреново работает, вот и бью. Заслужил, тля.

- Ещё раз увижу, самого этой палкой отчехвостю, как бог черепаху, - с угрозой пообещал Громов. - А зараз кончай перекур с дремотой, топор в зубы и марш сучья обрубать!

- Не буду. Вор не работает! - твёрдо сказал Моня, крепко, до боли в суставах, сжимая свою дубинку.

- Нет, будешь, или...

- Бугор, ходи сюда, - слышался вдруг голос пахана с поляны.

Фёдор, немного поколебавшись, повинился.

- Что за шум, а драки нет? - лёжа на животе, даже не поворачивая головы, спокойно спросил авторитетный уголовник.

- Ежели так дальше пойдёт, будет и драка, - усмехнулся бригадир Громов. - Вы почто не работаете, Сергей Парфёныч?

- Бугор, тебе мало мужиков? - задал встречный вопрос уголовный авторитет Шишкан. - План они дают, что тебе ещё надо?

- Вы, блатные, свою норму на них повесили, а мужики ведь не двужильные, - надорвутся, - сказал Фёдор.

Шишкан сел на одеяло и с раздражением глянул на бригадира:

- Ты хочешь, чтобы я работал? А ты это видел? - без надрыва сказал пахан, показывая правую руку. Между большим и указательным пальцами у него был выколот отличный знак карманника: паук без паутины.

- Я марвихер...

Громов смутно представлял себе, что это такое, но чтобы не ударить лицом в грязь сделал вид, что всё понял.

- Лично против вас я ничего не имею, но приструните Моню, чтобы он, шакал, палкой поменьше махал, людей не калечил, - пожаловался Фёдор.

- Иди, бугор, занимайся своим делом, а с братвой я сам разберусь, - пообещал пахан...

Вечером после работы Фёдор зашёл на конюшню поведать зятя Ивана Бойчевского, работавшего там конюхом.

- Здорово живёшь, Иван Леонтьевич, - поздоровался Громов.

- Слава Богу, Федя. Покуда ноги носят, а дальше видать будет, - отозвался престарелый казак. Он вилами выгребал из стойла в проход грязную конскую подстилку.

- Как новая должность, ничего? - закуривая, поинтересовался Фёдор.

- В самый аккурат по мне, - с готовностью, бодрящим голосом ответил Иван. - Самая что ни на есть наша крестьянская работа, за лошадьми глядеть. А лес валить, ты уж уволь, - года мои не те топором махать на лесосеке... Спасибо Афанасию Ивановичу Яшкину, удружил старому человеку. Век теперь за него молиться буду.

- Да-а, подфартило тебе, Леонтьич, слов нет, - искренне порадовался за родственника Громов, потом, вспомнив своё, сразу помрачнел. - А меня бригадиром над мазуриками поставили, слышал?

- А то... Казаки гутарили, - кивнул седой головой Бойчевский.

- Я сёдни просто замучился с ими, - пожаловался Фёдор. - У них же, у блатных, что ни возьми - всё нельзя! Работать им не положено, навроде как барам дореволюционным. На них другие спины гнуть должны, «мужики» по ихнему. Сами себя они, вишь, людьми считают, а остальные, знать, - быдло... Чуть что не так, слово не туда ввернёшь, за заточки хватаются - не по понятиям, мол, базаришь - тоже ихнее блатняцкое выражение, из фени. Заместо работы они в карты круглые сутки перекидываются, под антирес. Токмо ты с ими в карты играть не вздумай, потому как весь ихний воровской антирес - обчистить тебя вкруговую, до исподнего. И никогда ты у них ничего не выиграешь...

- Это пошто так? - наивно осведомился Иван. - Дюже хорошо играют?

- Играют они средне, как все фраера, по ихнему, - отозвался Громов. - А вот мухлевать и карты передёргивать - большие мастаки. У некоторых в библии вообще - пять тузов.

- В Библии - пять тузов? - Иван Бойчевский, не поняв, так и открыл от удивления рот.

- Да ты не про то подумал, Иван Леонтьич, - пояснил Фёдор Громов. - Так жулики карты прозывают - «библией», потому что они и впрямь для них - самое святое, и берегут они свои библии, или «колотушки», как зеницу ока.

- Тьфу, пропасть, и всё у них, дьяволов, не как у людей, - сплюнул от досады Бойчевский. - Как у цыганей всё одно... Не хочу больше, Федя, слушать. Пропади они пропадом, жиганы те... Давай об чём-нибудь другом.

- А мне какво с ними, Леонтьич? - поддакнул Громов. - Одно слово, что бригадир, а на деле они меня и в грош не ставят. У

них в бражке своё воровское начальство, «пахан» прозывается. Он всю музыку в бригаде крутит, а остальные под неё пляшут.

Не успел он произнести последнее слово, как двери конюшни предательски скрипнули, и в помещение вошло несколько человек. Взглянув на них, Фёдор невольно вздрогнул: по проходу между стойлами, с угрожающей улыбочкой, по блатной привычке глубоко утопив руки в карманы, шёл его злейший враг, положенец Моня. Рядом с ним – его приятель, широкоплечий узколобий верзила Аркаша, следом – малолетка Султан. Позади тройцы – человек пять шестёрок.

– А ну дай-ка сюда вилы, Иван Леонтьич, – решительно схватился за рукоятку Громов.

– Стоять! – истерически взвизгнул Моня и бросился на Фёдора. Вся кодла, как по команде, последовала за ним.

Громов успел схватить вилы и врезать черенком Моню по зубам, от чего тот отлетел далеко в сторону и ударился спиной о дверцу стойла. Фёдора окружила плотная толпа блатных, вилы у него вырвали, ударили ими по голове. Кто-то сбоку сделал ловкую подсечку ногой и Громов, не удержавшись, грохнулся на затоптанный грязный земляной пол конюшни. Его принялись жестоко избивать ногами. Подбежал, отхаркиваясь густой кровью, положенец Моня. Раскрыв ладонь, показал своим выбитые зубы:

– Позырьте, робя, что он, сука, мне сделал!

Фёдора продолжали ожесточённо пинать сапогами, как будто это был вовсе не живой человек, а набитое соломой чучело. Растолкав ээков, Моня неистовствовал больше всех, вымещая на бугре всю свою хищную волчью злобу.

– Окститесь, ироды, за что парня бьёте?! – кинулся было на вырчку шурина Иван Бойчевский.

Его с боку умело двинули в скулу, так что шапка полетела в одну сторону, а сам – в другую. Малолетка Джага, подскочив к лежавшему в проходе, на куче грязной соломы, старику Бойчевскому, схватил вилы и угрожающе приставил к груди:

– Не рыпайся, чёрт старый! У нас с бугром свои счёты, а ты в наши дела не лезь!

Иван, ощущая предательский смертный холодок в теле, лежал не двигаясь. Ожидал рокового удара, после которого наступит вечное успокоение, мысленно молился Христу, чтобы пронёс мимо него сию чашу. Фёдор тоже не мог ничего сделать, ему не давали подняться на ноги, опрокидывали навзничь сильными

ударами. Из носа и рта у него текла кровь, которую в драке никак не удавалось остановить. Громов старался спрятать лицо от новых ударов, закрывал руками голову.

- Ну всё, пацаны, кранты, будет с него, - врезав что есть силы последний раз, отдуваясь, крикнул своим амбал Аркаша.

Каждый ударил беспомощно лежавшего в проходе бугра ещё по разу, положенец Моня - дважды, и кодла шумно повалила к выходу. Через минуту всё стихло. Иван Бойчевский, кряхтя, поднялся на ноги, отряхиваясь от соломенной трухи и мусора, поковылял к Громову.

- Федька! Грома! Живой?

Фёдор, утирая рукавом лагерного бушлата кровь с разбитого лица, сел в проходе. Иван протянул чистую белую тряпицу.

- Утрись, что рукавом-то...

- Спаси Бог, Иван Леонтьич, - поблагодарил Фёдор. - Видал, какова моя должность? И это ещё цветочки... Хорошо, что нонче всё благополучно обошлось, а ежели б ножом пырнули или вилами запороли?

- Не приведи Господь, Федя, - набожно перекрестился Бойчевский. - Бросай ты к чертям собачьим это бригадирство! На что оно сдалось? Так Яшкину и скажи...

10

Зима в этом году пришла ранняя. Уже в конце октября выпал снег и ударили двадцатиградусные морозы. Стало трудно с продуктами и руководство Воркутлага урезало заключённым пайки. В ответ, начальник лагпункта «Лесорейд» Марк Ретюнин, своей властью, без всякой на то производственной необходимости, почти каждый день стал выдавать зэкам по пол-литра молока, а своим единомышленникам - по литру в сутки. Блатных, в интересах задуманного дела, он время от времени, через бригадира Фёдора Громова, снабжал водкой.

После памятного инцидента в конюшне Фёдор откровенно и решительно поговорил с десятником Яшкиным, поставил вопрос ребром о снятии его с бригадирства. Но Афанасий Иванович опять принялся доказывать, что Громов нужен именно на своём месте, штаб восстания возлагает на него большие надежды и думает, что он, в конце концов, найдёт общий язык с уголовниками. Тем более, что среди авторитетов - его земляк,

известный вор в законе Захар Пивоваров, или, как его называют блатные Зоха Ростовский. Вскоре Фёдор пообвык, попритёрся к должности, приспособился к крутым нравам урок, и жизнь вошла в обычную колею.

Вести с фронта были неутешительные: за лето и два месяца осени немцы далеко продвинулись вглубь нашей территории, оккупировали всю Прибалтику, Белоруссию, Молдавию, Украину, прорвались в Крым. Были взяты многие крупные города европейской части СССР и столицы союзных республик. Пали Львов, Вильнюс, Рига, Таллин, Минск, Кишинёв, Одесса, Киев, Харьков, Смоленск, блокирован с севера финской армией и с юга вермахтом – Ленинград. Под Киевом было окружено и уничтожено пять советских армий, около 670 000 человек попало в плен.

На центральном участке фронта немецкие войска развивали стремительное наступление на Москву. Несмотря на осеннюю распутицу, проливные дожди и непролазную грязь, они всё же смогли к концу октября захватить Калинин, Можайск, Наро-Фоминск, Малоярославец, Алексин, вышли на южную окраину города Горки – последнего рубежа обороны Москвы. От него до столицы по шоссе оставалось не более 65-ти километров.

В связи со всем этим и наступлением небывалых в ноябре ранних холодов, Марк Ретюнин решил действовать. Восстание было назначено на седьмое число, как раз на праздник. Чтобы нейтрализовать блатных и притупить бдительность охраны, он передал на зону через бригадиров большое количество спиртного. Вохровцам категорически запретил заходить на территорию и во что-либо вмешиваться. В бараках началась оргия.

Фёдор Громов, снабдив водкой свою бригаду, вынужден был временно остаться с ними, чтобы не вызывать подозрения. Выпивка, естественно, попала в руки блатных. Шестёрки, пулей сгоняв на кухню, по шустрому соорудили отменную по лагерным меркам закуску для уважаемых людей. Уголовники добавили своих запасов из воровского общака, так называемый грев, который им регулярно обламывался из Воркутлага. Пригласили на кир и Громова.

– Ты на нас не обижайся, бугор, – дружески похлопал его по плечу пахан Сергей Шишканов, или Шишкан по лагерному. – Кто старое вспомянет, тому сам знаешь что... – знаменитый марвихер немного помолчал для убедительности и закончил фразу, зловеще проведя себя большим пальцем по шее. – Глаз – вон!

- Знаю, Сергей Парфёнович, учёный, - многозначительно, с намёком, хмыкнул Фёдор Громов. - На обиженных в лагере воду возют.

- А ещё они у нас под вагонками спят и парашу утром выносят, - добавил, засмеявшись, авторитетный вор Захар Пивоваров.

Уголовники поддержали его дружным смехом и восклицаниями, зная о ком речь. Понял и бригадир Громов. Между тем **малолетка** Карлик, бывший на разливе, налил уважаемым людям водки. Когда хорошо подпили, наелись и расслабились, пахана потянуло на песни.

- А ну, Моня, давай, сбацай нашу, пацанскую, - окликнул он положенца Мирона Бахтина, знавшего массу блатных песен. Моне передали старенькую, выдавшую виды семиструнку. Он пощипал задумчиво струны, подкрутил колки, откашлявшись, начал хорошо поставленным, низким грудным голосом:

Это было весною зеленеющим маем,

Когда тундра надела свой зелёный наряд.

Мы бежали с тобою, опасаясь погони,

Чтобы нас не настигнул пистолета заряд.

Песня была известная, лагерная, очень популярная среди воров. Фёдор не раз уже её слышал, и всякий раз получал огромное удовольствие. Вот и сейчас при первых аккордах сердце неволью сжалось в комок. Громов весь сжался, сопереживая. Да и пел Моня очень хорошо, с душой, хоть она и была у него - уркаганская. Зэки в бараке тоже притихли, слушая. Каждый думал о своём. Фёдор невольно вздрогнул, подумав о намеченном на завтра выступлении. Бесхитростные слова песни напомнили о роковом событии. Кто знает: не пророческими ли окажутся эти горькие строки?

Дождь нам капал на рыла, и на дула наганов.

Вохра нас окружила, «руки в гору» кричат...

Шишкан, подперев щеку кулаком, сосредоточенно слушал. Было видно, что он весь отдался песне и на время выключился из реальности. Простенькая сентиментальная мелодия романтического блатного романса глубоко тронула и его чёрствую душу. Песня была своя, местная, сочинённая, вероятно, кем-то из заключённых в Воркуте или на Печёре. Об этом красноречиво говорили такие слова:

Мы с тобою бежали, когда тундра одела,

Когда тундра одела, свой осенний наряд.

Мы бежали по тундре вдоль железной дороги,

Где курсирует скорый Воркута-Ленинград...

Когда Моня закончил петь и потянулся за кружкой, в которой ещё оставалось малость водки, чтобы промочить горло, пахан велел налить ему полную – до краёв:

– Это тебе премия от нашего воровского профсоюза! – с намёком, сказал он. – Пей Моня, шамай, да ум не пропивай – будешь ещё петь. Я хочу. – Обернувшись к остальным зэкам в бараке, громко крикнул начальственным, не терпящим возражения тоном:

– Гуляй, бродяги, – я угощаю! Коль пошла такая пьянка... Подходи, кто ещё не причащался «святой водицей»!

Заключённые, шумной весёлой толпой, с жестяными кружками в руках, повалили в заповедный угол блатных. На месте остались только «обиженные», которым нельзя было общаться с остальными зэками, а тем более пить водку с ворами. Выпивки было много, помимо принесённой Фёдором, блатные достали ещё свою самогонку. Каждый старался выпить как можно больше, как и съесть харчей на дармовщину – сказывалась специфика арестантской жизни при сплошном дефиците всего. Громов же наоборот пропускал многие тосты или незаметно выплёскивал водку из своей кружки на пол. Ему обязательно нужно было остаться этой решающей ночью трезвым, со светлой головой. Занятый своими мыслями, он пропустил начало вспыхнувшего конфликта между малолетками-шестёрками Джагой и Карликом. Когда он посмотрел в их сторону, они уже хватили друг друга за грудки.

– Ты что, чмырь, постоянно мне не доливаешь? По рогам захотел? – угрожающе наседал на разливавшего водку Карлика нахальный горластый Джага.

– Я всем одинаково лью, Джага, отвали, – оправдывался малолетка.

– Нет – мне меньше, все видели, кого хочешь спроси, – настаивал неугомонный Джага.

– За свои слова отвечаешь?

– Век воли не видать, Карлик!

Джага красноречиво полез в правый карман штанов... Зоха Ростовский поднял руку, чтобы прекратился пьяный галдёж и, когда все стихли, властно указал спорщикам на дверь.

- Только не здесь, шныри... Живо в предбанник разбираться! Не мешайте людям культурно отдыхать.

Большая группа малолеток, а с ними и немало взрослых зэков тут же шумной толпой высыпали в коридор вслед за Джагой и Карликом. Всем хотелось посмотреть на захварывающее зрелище. Воспользовавшись тем, что пахан отвернулся от него и о чём-то заговорил с Инженером, вышел и Фёдор Громов. В коридоре, в широком кругу зэков, напоминающем небольшую арену, как гладиаторы, с заточками в руках, пружинисто похаживали друг против друга задиристые малолетки. Сбитый, мускулистый Джага, для пущей лёгкости и, чтобы наглядно показать противнику, с кем имеет дело, снял телогрейку с гимнастёркой и нижнюю рубашку, оставшись голым по пояс. Карлик – рослый, худощавый паренёк, был в рубаше. Дерущиеся зорко следили за движениями противника, стараясь не пропустить рокового удара, уклониться и ударить самому.

- Давай, вали его, Джага, что смотришь! – как римские патриции во время гладиаторских боёв, кричали одни, подбадривая своего бойца.

Другие, делавшие ставку на Карлика, кричали в свою очередь:

- Карлик, закопай духарика, он всем уже надоел! Не кипешишь, мы за тебя.

Джага, ловко уклоняясь от резких наскоков и глубоких выпадов противника, с кривой улыбочкой на губах, медленно, словно заклинатель змей перед коброй, перемещался по кругу. Он не отрывал настороженного взгляда от Карлика и поводил перед собой рукой с самодельной финкой – пером по лагерному. Все в напряжении замерли, ожидая скорой развязки смертельного поединка, зрелище действительно было захватывающее. Даже Фёдор Громов невольно засмотрелся на бойцов, забыв на миг обо всём. Адреналин в крови у него взыграл, пьянящий азарт боя затуманил голову, так что впору самому кинуться в драку. Подобное же чувство испытывали и многие зрители.

Карлик, с громким криком, рассчитанным на то, чтобы запугать противника, снова стремительно бросился, выставив нож, на Джагу. Метил прямо ему в грудь. Казалось, – ещё мгновение, и боец, обливаясь кровью, упадёт на пол импровизированной арены и всё будет кончено. Но Джага умело ушёл от смертельной опасности, отклонившись всем корпусом в сторону, сделал ловкую подсечку ногой, и в то время как противник падал, успел по рукоятку воткнуть ему в бок перо. Карлик громко вскрикнул от боли и, схватившись

за окровавленный бок, рухнул на грязный, заплёванный пол «предбанника».

- Завалил начистяк! - взорвалась единым облегчённым возгласом толпа зрителей, отхлынув от упавшего.

Джага победно взглянул на окружающих:

- Ну что, сявки, всё по понятиям?

Никто ничего не ответил, всё было ясно и без слов: Джага победил в честном поединке. Заколотого насмерть Карлика даже не стали осматривать, только оттащили в сторону с прохода и стали расходиться. Джага, вытерев окровавленное лезвие финки об одежду убитого, подошёл к Фёдору.

- Бугор, ты всё видел? Иди на вахту, вызывай начальника и лепилу, скажи: зэк хлеб резал - нечаянно на нож упал. Всё понял? - В голосе малолетнего убийцы послышалась неприкрытая угроза.

Фёдора от его слов передёрнуло:

- Как вы мне уже все надоели, волки позорные! Живёте, как нелюди, друг дружку режете... Разве это порядок - среди своих?

- Ну, ты мне тут свою гнилую пропаганду не тули, враг народа, - неторопливо одеваясь, презрительно скривился Джага. - У нас порядок один, уркаганский: умри ты сегодня, а я завтра! У нас выживает сильнейший. Мы - свободные люди, а вы, - рабы! Мужики-доходяги... Привыкли на воле на начальство вкалывать и здесь на них мантулите, как лошади. А на лошадь потому и грузят, что она везёт.

Громова обидно задела его слова:

- Врёшь, бандит, мы, казаки, - не рабы! И такой сволочи, как ты, порядком в Гражданскую порубили.

- Поезд ушёл, дядя-фраер! Аля-улю, - презрительно скривился малолетка. - Пока вы на своих кобылах большими ножичками махали и головы свои дурные под чекистские пули подставляли, главный пахан Большой Зоны всё к своим рукам прибрал. Сиди, теперь, фашист, и не рыпайся. И делай, что тебе велят.

- Да пошёл ты!.. - грязно выругался, скрипнув зубами, Фёдор. Громко хлопнув дверью, вышел на улицу.

Пройдя несколько метров по главному проходу между бараками, Громов невольно умерил свой быстрый решительный шаг. На пути то и дело попадались подгулявшие компании зэков. Многие горланили во всю мощь простуженных на лесоповале

лёгких блатные песни. Шли в обнимку, сильно раскачиваясь, некоторые, не скрываясь, в открытую прикладывались к бутылкам. Тут и там то и дело вспыхивали пьяные перебранки и даже потасовки. Охрана, как и было заранее обговорено с начальником командировки Марком Ретюниным, ни во что не вмешивалась, в жилую зону не заходила, и заключённые этой ночью были полностью предоставлены сами себе.

Фёдор укоризненно покрутил головой, представляя, что тут будет твориться, когда совсем стемнеет и эски перепьются окончательно. Быстро пошёл в свой барак, чтобы рассказать о случившемся инциденте Николаю Чупрову. Здесь сильно пьяных не было. Его ждали. Чупров, слегка навеселе, видно, тоже малость хлебнул водочки или спирта, повёл его в дальний конец барака, где собралось много участников предстоящего завтра восстания, в том числе и несколько членов штаба. Громов увидел здесь командира Отряда особого назначения Зверева, начальника штаба Дунаева, командиров отделений Соломина и Простакова, заведующего баней китайца Лю-Фа.

Собравшиеся с ним сдержанно поздоровались. Фёдор сообщил Ивану Звереву об убийстве в бараке блатных.

– Я думаю, бригадир, сейчас никому ничего говорить не надо, – подумав, вынес взвешенное решение Зверев, а завтра будет уже не до этого.

Все сейчас же с ним согласились, на том и порешили. Михаил Дунаев изложил план действий, разработанный накануне Ретюниным и Яшкиным.

– Завтра, ты Лю-Фа, ссылаясь на распоряжение Ретюнина, объявляешь банный день и передаёшь начальнику военизированной охраны, чтобы он срочно вёл всех стрелков мыться. Скажешь, что в связи с праздником Великого Октября баня будет работать только до семнадцати часов. А сообщишь всё это ему в четыре часа, не раньше: соврётся, что дрова только что подвезли. Это для того, чтобы у них времени не оставалось на раскачку, чтоб поторапливались. А в спешке, всегда неразбериха и путаница получается, это нам на руку. Затем ты, Иван Матвеевич, ты Громов и ты Пашкевич, вооружившись ножами, идёте на вахту и обезоруживаете дневального. Чтобы не вызвать подозрения, скажете, что срочно вызывает Ретюнин. Дневальный позвонит Марку Андреевичу, тот подтвердит. Забрав у дневального пистолет, данная группа ждёт ещё четверых, на подмогу: это буду я, Авакян, Цветков и Родионов. Всемером выходим за проходную, окружаем казарму вохровцев. В расположении, по идее, останется только два человека наряда: дежурный и

один дневальный. Второй, вероятно, пойдёт мыться. Связываем наряд и забираем оружие. Там должно быть больше десяти винтовок и револьверы. Вооружаемся и двигаемся к бане, захватываем врасплох весь караул. Сообщаем по телефону Ретюнину и Макееву на лесобиржу. Далее руководство восстанием принимает на себя Марк Андреевич... Поднимаем зону и действуем по намеченной диспозиции, если где не будет состыковываться – по обстановке... Вопросы, замечания, предложения какие-либо есть?..

* * *

На следующий день, когда почти все вохровцы направились мыться в баню, Иван Зверев вошёл в барак и поманил пальцем Громова и Пашкевича:

– Пора, хлопцы. Идём скорей, дорога каждая минута!

Как и было обговорено по плану, они последовали на вахту, по пути Зверев давал последние указания:

– Дежурит рядовой Букреев – туповатый деревенский мужик. Справимся с ним без труда, главное, действовать решительно и смело. И много не разговаривать.

Увидев подходящих к вахте заключённых и среди них завхоза, Букреев лениво встал из-за стола в комнате дежурного, выглянул из двери:

– Что надо?

– Марк Андреевич Ретюнин срочно вызывает, – без запинки ответил Зверев. – Вчера ещё нужно было получить что-то на складе, да сами знаете, гражданин начальник, что вчера происходило... Весь контингент праздник отмечал, не удосужились вовремя.

– Почему без охраны? – сердито рявкнул Букреев и тут же осёкся, вспомнив, что все вохровцы в бане.

– Так ведь... – развёл руками Зверев.

– Ладно, стой... Сейчас позвоню Ретюнину, всё узнаю, – отмахнулся Букреев.

Зверев с Громовым и Пашкевичем, высоким, плечистым, сильным зэком, многозначительно переглянулись. Когда дневальный зашёл в помещение и снял трубку внутренней связи, заключённые стремительно ворвались на вахту, окружили с трёх сторон Букреева. Зверев приставил к его горлу заточку.

- Спокойно, солдат, не двигаться. Руки вверх! Ты арестован.

Глаза Букреева округлились от страха. Ничего не понимая, он поднял руки. Зверев вытащил у него из кобуры наган, Громов с Пашкевичем заломили руки за спину, крепко связали принесённой с собой верёвкой, заткнули рот кляпом. Затем Иван Зверев выглянул из проходной и несколько раз условно свистнул. Тут же из-за угла конюшни показалось четверо заключённых во главе с Дунаевым. Они бегом последовали к вахте.

- Всё в порядке, Михаил Васильевич, - доложил начальнику штаба повстанцев Дунаеву командир отряда Зверев, показывая отобранный у Букреева пистолет. - Дневальный связан, больше на вахте никого нет, путь на волю свободен.

Михаил Дунаев оценивающим взглядом окинул пришедших с ним заключённых.

- Родионов, остаёшься на проходной. Сейчас же свяжись по телефону с Ретюниным, доложи обстановку. Остальные за мной!

Выйдя за территорию зоны, шесть повстанцев быстрым шагом, почти бегом, направились к казарме вохровцев, которая находилась в нескольких десятках метров от вахты. У всех было боевое, приподнятое настроение, первый успех окрылил заключённых.

Не встретив никого на крыльце, они без опаски, с шумом ворвались в казарму. Там, вопреки ожиданиям, было три человека. Сразу у входа, за столом сидело два охранника: дежурный старший сержант и дневальный. Второй дневальный, босиком, подкатив рукава защитной гимнастёрки и штанины галифе, мыл шваброй пол.

Иван Зверев направил ствол нагана на дежурного:

- Руки вверх! Ни с места! Стреляю без предупреждения!

Старший сержант инстинктивно схватился за кобуру, рядовой вохровец, вскочив с места, бросился к своей винтовке, которая стояла у стены. Ситуация была критическая, медлить было нельзя ни секунды. Зверев выстрелил в голову сержанта и тут же перевёл ствол нагана на дневального. Прогредел второй выстрел. Оба вохровца со стонами повалились на пол. Старший сержант был убит наповал, рядовой корчился на чисто вымытом, ещё не просохшем полу казармы в луже крови - он был ранен в бок. Занимавшийся уборкой вохровец бросил в ведро тряпку и поднял руки.

Повстанцы быстро подхватили оружие охранников, открыли пирамиду: в ней находилось одиннадцать винтовок и три нагана. Все вооружились, связали двух пленников. Зверев оставил охранять их и захваченное оружие Авакяна, остальных повёл в баню, где мылись лагерные вохровцы. В предбаннике их встретил китаец Лю-Фа. Иван Зверев передал ему пистолет. Китаец молча кивнул головой и, спрятав руки за спину, первый шагнул в душевую.

Нагие охранники, ничего не подозревая, рьяно растирались мочалками, намыливали головы, со смехом, как малые дети, плескали друг в друга водой. В помещении стоял шум от льющейся воды и выкриков, всё было окутано клубами пара. Лю-Фа перекрыл кран и, когда шум воды прекратился, выстрелил в потолок из нагана.

- Баня закрываться. Всё! Выходи с поднятой рукой, вы алэстованы!

Следом за Лю-Фом в душевую ворвались с оружием наперевес пятеро повстанцев во главе со Зверевым. Вохровцы опешили. Никто даже не пытался оказать сопротивление. Все подняли руки, надели принесённую повстанцами из предбанника форму, покорно дали себя связать. Оставив их под охраной Цветкова и Пашкевича, мятежники вышли на улицу.

К бане торопливой походкой спешили Марк Ретюнин и Афанасий Яшкин. Зверев вручил им по револьверу, вкратце доложил обстановку.

- Открывайте ворота зоны, выпускайте заключённых, - решительно приказал Ретюнин.

Фёдор Громов и китаец Лю-Фа со всех ног радостно бросились к воротам. Сбив прикладом винтовки висячий замок, Громов распахнул одну половину, Лю-Фа - другую. Зверев, зайдя на территорию лагпункта, выстрелил из револьвера в воздух, давая сигнал своим. Тут же изо всех барачных корпусов высыпал на улицу лагерный народ. Ретюнин с вооружённой свитой прошёл на плац. К ним тут же присоединилось несколько десятков заговорщиков, остальные заключённые, ничего не знавшие о готовящемся восстании, недоумённо взирали на вооружённых эков, вертели во все стороны головами, ища серые шинели вохровцев, и ровным счётом ничего не понимали.

Марк Ретюнин поднял руку с зажатым в ней наганом, призывая к тишине, и громко заговорил. Фёдор Громов в это время, плохо его слушая, отыскал в толпе родственника, зятя Ивана Бойчевского. С радостью поспешил к нему навстречу, затряс

руку.

– Свобода, Иван Леонтьевич! Снова казаки гуляют... Охрану мы разоружили, вишь, – кивнул на висевшую через плечо трёхлинейку. – Зараз по другим лагерям пойдём народ подымать. Ты как, с нами?

– А куда ж мне от вас, Федот? – весело тряхнул головой Бойчевский. – Вместях сидели на каторге, вместях и волю добывать будем, а там как Бог положит...

В это время Ретюнин закончил свою краткую речь, призвал заключённых поддержать восстание и присоединиться к «Отряду особого назначения № 41». Всем, кто вступит в отряд, – обещал тёплую одежду и продовольственный паёк. Остальные могли идти, кто куда хочет или оставаться в лагпункте.

– Айда к складам, Иван Леонтьевич, – услышав слова Марка Ретюнина, потянул Фёдор Громов зятя Бойчевского. – Зараз полушубки солдатские раздавать будут. Я знаю, на складах их много припасено ещё с лета.

Они побежали вслед за толпой, устремившейся к вещевому складу за территорией зоны, пристроились в хвост длинной, змеевидной очереди. Фёдор окинул её удивлённым взглядом – здесь были почти все заключённые лагпункта, даже уголовники. На глаза попался земляк Зоха Ростовский, рядом крутился Мирон Бахтин, он же Моня и карманник-писарь Инженер. Другие были, видимо, впереди.

Не верилось Громову, что блатные хотят вступить в отряд и драться вместе с политическими за свободу. Шепнув Ивану Бойчевскому, чтобы придержал очередь, Фёдор пошёл к складу.

Увидев бывшего бригадира, положенец Моня презрительно чвиркнул ему под ноги длинной и тонкой струйкой слюны, сказал, обращаясь к своим корешам:

– Во, пацаны, новый конвой идёт! Власть, бля, переменялась, теперь политические с волынами вместо лягавых нас охранять будут.

Уголовники заржали, как табун застоявшихся жеребцов. Фёдор, не реагируя на выпад Мони, молча прошёл мимо. У распахнутых дверей склада кучковалось несколько повстанцев с винтовками. Они сдерживали напиравшую толпу заключённых, не давали никому лезть без очереди. Тут же были Иван Зверев и Михаил Дунаев. Все они были уже в новеньких солдатских овчинных полушубках, в ватных брюках, шапках и валенках. Бывший инженер-сметчик Василий Соломин выдавал очередникам

тёплую одежду, независимо, вступил человек в повстанческий отряд или нет. Помимо полушубков, ээки получали бушлаты, ватные фуфайки, тёплые брюки, рукавицы.

- Громов, ты где бродишь? Мы тебя везде ищем, - обрадовался при виде его Зверев. - Получай быстрее обмундирование и помогай наводить порядок, чтоб давки не было и мародёрства. В случае чего - стреляй в воздух.

- Иван Матвеевич, как же так? Полушубки с бушлатами и блатные получают, а они же с нами не пойдут. Как крысы с тонущего корабля кто куда разбегутся, - с горечью задал мучавший его вопрос Громов.

Иван Зверев с досады сплюнул под ноги, растёр плевком носком валенка. Буркнул:

- Я такого же мнения, Фёдор, но ничего поделать не могу. Приказ Ретюнина: тёплую одежду выдавать всем без разбора. Продовольствие на сутки - тоже. Он ведь у нас демократ-гуманист, - Шекспира читает!

Сам Ретюнин в это время у продовольственных складов формировал со своим помощником Афанасием Яшкиным санный обоз. Всего набралось восемь саней, на которые повстанцы спешно грузили продовольствие для Отряда особого назначения. Разыскивали среди заключённых возчиков, умевших управляться с лошадьми. Никак не могли найти конюха Ивана Бойчевского, застрявшего в очереди у вещевого склада.

- Давай, бойцы, быстрее, время не ждёт. Нужно уже выступать на Усть-Усу, чтобы застать охрану врасплох, - поторапливал повстанцев Марк Ретюнин, то и дело с тревогой поглядывая на часы.

Когда почти все сани были нагружены, Ретюнин оставил с обозом Яшкина, а сам взял двух вооружённых ээков и направился в сторону бани, где томились связанные лагерные охранники. Распорядился привести сюда арестованного на вахте Букреева и двух вохровцев их казармы. Когда все пленные были доставлены, Марк Ретюнин велел запереть их в овощехранилище, где было надёжней, чем в бане. В карауле оставил заключённых Лаптева и Мартюшева, дав им одну винтовку.

К этому времени большинство ээков уже получило тёплую одежду, и многие стали группами и поодиночке покидать территорию лагпункта. Первой ушла компания марвихера

Шишкана. Когда Ретюнину доложили об этом, он только махнул рукой и сказал:

- Баба с возу - кобыле легче! Пусть катятся на все четыре стороны, далеко всё равно не уйдут... Либо в тайге замёрзнут, либо вохра по пути постреляет. Туда им и дорога.

Зверев с командирами отделений Соломиным, Простаковым и Чупровым стали выводить за территорию лагпункта и выстраивать на зимнике, ведущем в Усть-Усу, заключённых, присоединившихся к повстанцам. Всего, без Ретюнина и Яшкина, набралось восемьдесят человек. Шестьдесят эзков, в основном уголовники и несколько бытовиков, разбежались, остальные остались в лагпункте.

Ретюнина в принципе это устраивало: оружия всё равно не хватало даже на тех восемьдесят человек, которые присоединились к восстанию. Продовольствие тоже нужно было беречь. Обоз из восьми саней и двух походных кухонь пристроился позади пешей колонны. Как объяснил Марк Ретюнин повстанцам, они должны были имитировать зимние учения отряда ВОХР.

Колонна ещё только формировалась на дороге, за воротами зоны, как повар китаец Тянь-Шань оставил свою походную кухню и, с опаской озираясь по сторонам, незаметно проскользнул на территорию лагпункта. Крадущимися, лёгкими шагами он побежал через двор к зданию санчасти. В помещении осторожно постучал в кабинет доктора из заключённых Крамова.

- Можно, насялнык?

- Да, войдите, пожалуйста, - слышался голос из кабинета.

Китаец неслышно, как рысь, шагнул в помещение. Помимо Крамова там был уборщик Пётр Медведев. Они пили чай и оживлённо обсуждали последние лагерные новости.

- Страствуй, лепила, - сняв шапку, китайским болванчиком поклонился хитрый повар. Потянул носом воздух, уловив сладостный аромат горячего чая. Сглотнул голодную слюну. - Фасыст Летюнина бунт падняла, на Ус-усу сэка повёл. Охлана под самок посатила, одна убивал. Нада насялству сказать. Селовек нужен... Я никак не могу, с ласбойник вместе еду. Пусть он идёт, - ткнул Тянь-Шань пальцем в Петра Медведева. - Толка пыстра ната. Бегом-бегом, чтобы пелвый плибесал в Ус-Уса, - каму ната скасал.

- Он дело говорит, - вопросительно взглянул на Медведева доктор Крамов. - До райцентра недалеко, по зимнику всего

шесть километров. Тайгой ежели, в окружную, чтобы на мятежников не нарваться, – побольше чуть будет. Так ведь надо рискнуть, начальство нас за это не забудет... Мне тоже больничку бросать нельзя, бунтовщики, что здесь остаются, сразу заметят. Кроме тебя, Медведев, больше и некому: ты же геройский красный командир...

– Ладно! Будя меня, как непорочную девку уламывать, – сердито, с силой, хлопнул широкой ладонью по столу Пётр, аж чай расплескался из кружки. – За моё геройство раньше нужно было вспоминать, когда в лагеря сажали, да срок ни за что наматывали... Но я не об том: я всё одно своей советской родине – верный, и остаюсь убеждённым коммунистом-большевиком в грудях. А посему – пойду в райцентр и доложу обо всём по начальству, какое бы оно поганое не было.

– Вот и добре, – облегчённо вздохнул Крамов. – Скажешь там, в Усть-Усе, что мы тебя в райцентр послали: врач лагпункта «Усинский рейд» Крамов и повар Тянь-Шань. Смотри, не забудь и ступай с богом!

Пётр решительно натянул старую потрёпанную шапку ушанку. Грабить вещевые склады вместе со всеми он не ходил.

– Подожди, – остановил его вдруг доктор. Открыл шкаф у себя за спиной, вытащил небольшую стеклянную колбу с бесцветной прозрачной жидкостью, поставил на стол три стопки.

– Спилта, лепила? – опять потянул воздух, как собака, своим чутким носом китаец.

– Он, сука, – кивнул Крамов, ласково и любовно рассматривая жидкость на свет. Взболтнул колбу, ловко разлил спирт по стопкам.

– Ну, Петро, – на дорожку! Чтобы в лесу теплее было.

Все трое выпили, как по команде крякнули, задержав воздух в лёгких, утёрлись рукавами телогреек.

– Крепкий, дьявол! – первым с шумом выдохнул воздух Пётр Медведев, взял со стола сухарь, занюхал. Пошёл, скрипя половицами, к выходу...

* * *

Шайка марвихера Шишкана пробиралась по лесу на юг, в сторону железной дороги. Помимо пахана здесь были Зоха Ростовский, положенец Моня, его кореш Аркаша Устимовский, малолетки Джага с Султаном и бытовик Войтюк – здоровый,

румянощёкий, упитанный хлопец с Украины, недавно прибывший на их командировку из Воркутлага.

- Ты не дрейфь, мужик, с нами не пропадёшь, - подбадривал, сагитировавший его дать винта из зоны, Моня. - Мы люди бывалые, здесь все тайные тропы знаем. До железки доберёмся, там - на поезд и поминай, как звали! С собаками не найдут... К тому же нас мало, мы тихо-мирно хряем, без волын и пушек... Краснопёрые первым делом на тех, на фашистов накинутся: покрошат их из пулемётов на хрен, чтоб никому больше неповадно было бунтовать против нашей родной Советской власти и против Кремлёвского Пахана. А мы тем временем и проскочим на юг.

- Да что я, Моня, дурень, чи шо, - победно взглядывал на него простоватый деревенский парень Войтюк. - Стал бы я с врагами народа связываться. Мне с вами больше глянется. Вы люди весёлые и справедливые, всё у вас по закону... хоть и воровскому.

- Справедливо ботаешь, терпила, у нас так... Закон - тайга, прокурор - медведь, не хрен собачий, - к месту вставил шедший рядом Аркаша, по комплекции не уступавший Войтюку.

Шишкан с Зохой Ростовским впереди многозначительно переглянулись.

- А бурёнка ничего, подходящая, - выскалил подгнившие кое-где зубы Зоха. - Сама идёт - поводка не надо.

Шишкан криво усмехнулся, процедил сквозь зубы:

- Скажи шпане, штобы не забижали хлопца и главное, на шамовку не обжимали. Узнаю - голову откручу и на дерево повешу.

- Это законно, Шишкан, я сам любого урою, - сразу же поддержал его Ростовский. - Коровёнка должна быть в теле. Кому охота мослы тощие грызть...

- Ша! Кончай базар, смотри под ноги...

Впереди между деревьев мелькнуло вдруг что-то белое.

- Пацаны, никак заяц, - указал рукой в ту сторону Аркаша Устимовский.

Все приостановились, вглядываясь.

- Да нет, не заяц, Аркан. Большой больно, - отрицательно качнул головой Моня. - Мож, волк?

- Волков белых не бывает, это скорее всего человек, - резонно вставил Устимовский. - Ну-ка Джага, Султан - мухой догнали пассажира и приволокли сюда!

Малолетки, как гончие псы, со всех ног пустились за скрывшимся за деревьями в лесной чаще неизвестным.

- Стой, падла! Куда? Пришибу! - послышались из зарослей крики шестёрок и звуки тупых ударов.

Вскоре между деревьями показались Джига с Султаном, пинками подгонявшие какого-то странного человека без шапки, одетого в белую нижнюю рубашку, солдатские защитного цвета галифе и валенки.

- Никак вохровец по нашу душу? - сказал Зоха Ростовский. - Сбежал, сука, от фашистов, а от нас не уйдёт.

Малолетки подвели пойманного охранника к пахану, несколькими ударами заставили стать на колени.

- Кто такой? - презрительно взглянул на него пахан Сергей Шишканов.

- Рядовой Батыгин, - не попадая от холода зубом на зуб, ответил вохровец и заплакал. - Не убивайте меня, ребята, я вам ещё пригожусь...

- Сгодишься... на гуляш! - засмеялся Зоха Ростовский.

- Нет! Нет! Вы что хотите сделать?.. Не надо, - упал к ногам Шишкана охранник Батыгин и стал целовать его валенки.

- Заткните ему пасть. С собой возьмём, - тихо сказал пахан, безглаголиво освободил ногу от объятий вохровца и отошёл в сторону.

- А когда?.. - не договаривая, намекнул Зоха.

- Завтра к вечеру, как пацаны проголодаются... - ответил Шишкан.

Слушавший этот разговор авторитетных воров бытовик Войтюк ровным счётом ничего не понял, но переспрашивать не стал. Не его это дело влезать в воровские дела. Взяли с собой, не гонят - и то хорошо...

Пройдя до вечера ещё километров тридцать, решили заночевать. Нашли в лесу укромное место в небольшом распадке среди старых валежин, развели костёр. Поужинали захваченной из лагпункта провизией, накормили и пойманного вохровца. Чтобы он не замёрз ночью, малолетки по очереди набрасывали на него свои бушлаты, отогревали его у костра, грелись сами. Шишкан

налил всем водки, которая ещё оставалась у него в заглазнике, плеснул немного и вохровцу.

Батыгин, успокоившись, решил, что беда прошла стороной и он для чего-то уголовникам нужен. Иначе бы убили сразу, а тут кормят и даже поят. Для чего нужен, он не знал, да и не хотел думать. Им виднее. Может, прихватят как заложника, – до жилья какого-нибудь дойдут и отпустят...

На следующий день встали чуть свет, затоптав костёр, забросав валежником и присыпав снегом, пошли дальше. Завтракать не стали – продуктов было в обрез, и Шишкан посоветовал своим потерпеть до вечера. Все, кроме Войтюка, поняли и потуже затянули ремни брюк. Моня, приблизившись к худощавому, рослому вохровцу Батыгину, похлопал его по костлявой спине, с сожалением посетовал:

– И что ты такой костлявый, фитиль? У тебя ж мяса почитай вовсе нема – одна кожа, да кости, бля!

– А у нас вся порода такая, – с улыбкой пробасил охранник.

– Хреновая, говорю, порода, не мясная... – зловеще ухмыльнулся положенец Моня и незаметно перемигнулся с корешем Аркашей Устимовским.

Под вечер, когда шайка вконец измоталась и выбилась из сил, плутая по лесу, к тому же зверски проголодалась, главарь Шишкан дал знак Зохе Ростовскому, что пора располагаться на ночлег. Тот всё понял, поманил положенца Мирона Бахтина:

– Моня, дальше не пойдём, здесь переночуем. Скажи сямкам, чтоб дров набрали, да костёр развели, а ты «корову» готовь...

– Войтюка? – понизив голос до шёпота, переспросил Моня.

– Ты чё, олень? Того на чёрный день прибережём... Вохровца давай, фитиля. А Войтюка на васер поставь, в лес, чтоб ничего не видел.

– Замётано, Зоха!

Моня по-хозяйски распорядился, чтобы Султан с Джагой развели костёр, подошёл к Войтюку.

– Устал, фраер?

– А то нет. Ноги гудят... Как деревянные – хоть отрубай.

– Надо ещё рогом поупираться... Канай за мной.

– Дрова, что ли собирать? – Войтюк нехотя встал с поваленной, припорошённой снегом лесины, на которую было присел. Понуро

поплёлся вслед за уголовником.

- Нет, дрова литерки лагерные соберут, это их дело, - сказал, не оборачиваясь, положенец Моня. - Ты у нас в кодле на авторитетного тянешь, к тебе подход особый, - будешь у нас в охране. Сейчас отойдём подальше, чтоб вовремя шухер заметить, ты и ляжешь в сугроб, как медведь, бля... И смотри, чтобы всё - чик-чик было! Не спи. В случае чего - дашь маяка. А прозеваешь лягавых, - Шишкан тебе буркалы вырвет и без соли съест, он у нас такой... А мы пока дичь в лесу поищем: мы знаем как это делать, не первый год в тайге. Тут запросто и лося можно за рога поймать, и медведя в берлоге заделать, пока он во сне лапу сосёт, - вот и ужин бродягам!

Оставив Войтюка в лесу, Моня вернулся к месту стоянки. Там уже пылал, весело потрескивая сухими сучьями, большой костёр. Султан, Джага и вохровец Батыгин, сидя на корточках возле огня, курили. Аркаша Устимовский метал нож в толстый ствол старого высокого кедра. В стороне пахан о чём-то переговаривался с Зохой Ростовским. Моня подошёл к корешу Аркаше. Тот в этот момент метко вонзил нож в ствол дерева.

- Молоток, Аркан, - оценил бросок положенец Моня, шагнул к кедру, с трудом выдернул из ствола Аркашину финку, попробовал большим пальцем лезвие. - Нормальное перо, острое. Что, зарежем кабанчика? - Моня хищно улыбнулся и указал глазами на сидевшего у костра охранника. - Бушлат с него сыми. Чей это?

- Султана. Шишкан велел греть кабана, - сказал Аркаша. Осторожно ступая, как бы крадучись, приблизился сзади к Батыгину, потянул с его плеч ватник. - Поносил и будет, слышь, ты... Дай другому погреться.

Вохровец с опаской оглянулся, и Аркаша в это время резко обхватил его правой рукой за горло, с силой стукнул кулаком по лбу, повалил на спину.

- А ну, шантрапа, держи кабанчика! - крикнул Моня шестёркам, и, когда те, схватив жертву за руки и за ноги, распластали на снегу, - подскочил к Бусыгину, не примеряясь, умело всадил ему нож в печень. Охранник дёрнулся всем телом, замычал, выгнулся на минуту дугой и затих. Распластался безжизненно на снегу, на который закапала из раны неестественно алая на белом фоне кровь.

- Охотники есть? Дичь потрошить, кто умеет? - не переставая хищно скалиться, обвёл взглядом бандитов положенец Моня.

- Да что тут хитрого, а то ты сам не знаешь, братан, - пожал

плечами здоровяк Аркаша. – Нужно поначалу голову отделить, тушу распотрошить, кендюхи выбросить. После шкуру снять, лапы отрезать...

– Ну что, сявки, – налетай! – встав на ноги, бросил окровавленный нож на грудь убитого вохровца Моня. – Шикарный у нас сегодня на ужин балабас будет. Это вам не гуляш по коридору и отбивные по рёбрам, как на зоне...

11

Отряд повстанцев, в пять вечера покинув лагпункт «Лесорейд», спешно выступил в сторону районного центра Усть-Уса. Все восемьдесят два человека были одеты как вохровцы в серые красноармейские шапки и белые овчинные полушубки. Винтовки были только у двенадцати заключённых. Командиры были вооружены наганами, которых захватили в лагере пять штук. Повстанцы шли строем в колонне по трое, далеко растянувшись по укатанной зимней дороге. Имитировали, как и было договорено раньше, учение отряда ВОХР. Замыкал шествие обоз с продовольствием из восьми саней, который вёл Афанасий Яшкин. Тут же, в обозе, находился конюх Иван Бойчевский – управлял одной из упряжек. Оружия ему, естественно, не досталось, да он не сильно и жалел об этом. Иван не охотник был до смертоубийства, – с лошадьми, оно поспокойнее.

Фёдор Громов шёл со своими в голове колонны: рядом, с винтовками за плечами, вышагивали бригадир Чупров, земляк Родионов, Цветков, Пашкевич, Авакян, китаец Лю-Фа. Впереди, с кобурой нагана на новенькой портупее, – командир отряда, бывший офицер РККА Иван Зверев. Настроение у всех было приподнято-взвинченное, боевое. Мосты за спиной, ведущие в прежнюю жизнь, – сожжены, впереди пугающая чернота неизвестности.

Николай Чупров, отвернувшись от ветра, прикурил на ходу самокрутку, спросил идущего поблизости Фёдора Громова:

– А где ваш грушевский красный командир? Пётр Медведев где, слышь, Фёдор? Что-то я его в лагпункте во время бунта не видел... Он, кажись, последнее время на больничке уборщиком кантовался?

– Я тоже его не видал, – ответил Громов. – Он же упёртый коммунист, ни на какие уговоры не поддавался. Хоть кол на голове теши – верный красным, как пёс... Видать на зоне остался, а жаль. С его боевым опытом он бы нам в отряде пригодится. Подполковник как-никак – не хрен собачий...

- Хорошо, хоть не настучал на нас, курва, - выругался слышавший разговор Петька Родионов.

Чупров весело взглянул на него, хмыкнул:

- Так стучать не кому было, Петро. Кума-то от нас ещё летом на другую командировку перевели.

- Кума перевели, а стукачи, небось, остались, - убеждённо сказал Родионов. - Думаю и среди нас зараз есть. Узнать бы - кто, да и пострелять всех к чертям!

- Как узнаешь? - подал голос Громов.

Не доходя километра до райцентра, руководитель восстания Марк Ретюнин собрал штаб на короткое совещание. Подошли комиссар отряда Макеев, начальник штаба Дунаев, командир всего отряда Зверев, заведующий обоза Яшкин и командиры отделений Простаков, Чупров и Соломин. Внимательно оглядев серьёзные, сосредоточенные лица соратников, Ретюнин бодрым и решительным голосом заговорил:

- Мы тут с начальником штаба майором Дунаевым Михаилом Васильевичем прикинули и набросали примерную диспозицию боя и захвата населённого пункта Усть-Уса. Вкратце излагаю, а вы хорошенько запоминайте, товарищи. Дополнения и уточнения - по ходу. Прежде всего, ты Степан Андреевич, - обратился он к Простакову, - разбиваешь своё отделение на три части. Оружия у твоих бойцов нет, и поэтому тебе поручается охрана дорог. Выставишь посты на этом зимнике, на той стороне на восточном и на юго-восточном, что вдоль берега Печоры идёт. Предварительно режешь всю телефонную связь, чтоб, не дай бог, вохра с соседними лагерями не связалась и подмогу не вызвала. Все остальные разделяются на три отряда примерно по пятнадцать - двадцать человек в каждом с равным количеством винтовок и пистолетов. Одну группу поведу я сам, две другие - капитан Зверев и Соломин. Мы со Зверевым одновременно атакуем КПЗ и районное отделение НКВД. В это время третий отряд под руководством Соломина захватывает Усть-Усинскую телефонно-телеграфную станцию, после чего берёт банк. Ну а я, после взятия тюрьмы, развиваю наступление дальше в сторону Печорского Управления Речного пароходства, разоружаю охрану, захватываю оружие... Вы тоже с нами, Василий Евгеньевич, - ткнул он пальцем в богатырскую грудь бывшего лесного инженера Соломина. - Кстати, в банке сильно грошами не увлекайтесь. Мы не грабители с большой дороги, а бойцы регулярной повстанческой армии. Главное для нас во всей этой операции - оружие и боеприпасы. Ну и конечно, - людей присоединяйте к отряду, где только не встретите.

Всех, – эсков, вольнонаёмных поселенцев, местных жителей, колхозников-оленоводо-вод из тундры, даже солдат, которые пожелают присоединиться к отряду... Начальник штаба Дунаев, комиссар Макеев и Яшкин временно остаются в обозе. Ты, Афанасий Иванович, сразу отряди одни сани с возницей в мою группу: нужно будет на аэродром съездить, захватить два самолёта, которые там стоят. Но это – после разгрома милиции и тюрьмы...

Тремя колоннами, строевым шагом, повстанцы вступили в притихший, ни о чём не подозревающий, райцентр. Сразу же рассредоточились по улицам. Группа Ретюнина, в которой были грушевцы Громов с Родионовым и Николай Чупров, быстро направилась в центр посёлка, к зданию КПЗ. Не доходя нескольких десятков метров, повстанцы рассредоточились, охватили кольцом небольшое, невзрачное здание, больше напоминающее крестьянскую деревянную избу. Фёдор Громов, Чупров и Родионов, с винтовками наперевес, решительно направилась к главному входу. Милиционер у дверей, увидев незнакомых вооружённых людей, забеспокоился, потянул с плеча винтовку.

– Эй, кто такие? Стоять на месте, стреляю!

Фёдор, не дав ему привести в действие угрозу, выстрелил первый. Часовой мешком замертво повалился на снег. Чупров с Родионовым со всех ног бросились к двери, Пётр подхватил винтовку убитого, передал подбежавшему следом безоружному повстанцу. К ним приблизились Марк Ретюнин с наганом в руке и Николай Чупров с винтовкой.

– Вперёд, на штурм! – воинственно крикнул Ретюнин, потрясая пистолетом.

Чупров, Родионов и ещё один повстанец храбро ворвались в помещение КПЗ. Встревоженный выстрелами на улице, их уже поджидал в коридоре дежурный с пистолетом наизготовку. На вахте, так же с наганом в руке, сидел его помощник. Увидев вбегающих людей в форме стрелков вохр, милиционеры открыли огонь из двух пистолетов. Один повстанец упал, сражённый их пулями. Николай Чупров с Громовым стали в свою очередь стрелять в милиционеров. Фёдор, метким выстрелом свалил дежурного. Бросился на пол и продолжил вести огонь лёжа. Чупров присел на одно колено. Тем временем в помещение с улицы вбежали Марк Ретюнин, Родионов и ещё несколько повстанцев, у которых в руках были только заточки.

Оставшийся в живых милиционер оробел, поняв, что с такой толпой врагов ему одному не справиться. Машинально

выстрелил ещё раз, бросил револьвер на пол и поднял руки. Ретюнин забежал за перегородку.

- Ключи от камер! – грубо потребовал, протянув руку.

Милиционер повиновался. Марк Андреевич бросил тяжёлую связку ключей Николаю Чупрову:

- Открывай быстрее камеры, выпускай заключённых.

Чупров с Громовым, минуя вахту, быстрым шагом направились в тюремный коридор, стали торопливо открывать замки камер, распахивать настежь металлические двери.

- Выходи, народ, батька Ретюнин всем вольную даёт! – весело кричал ничего не понимающим арестантам Фёдор Громов.

За короткое время все тридцать восемь заключённых Камеры предварительного заключения оказались на свободе. На улице Ретюнин обратился к ним с краткой речью:

- Друзья, пробил наш час! Мы, заключённые лагерного пункта «Лесорейд» подняли восстание против безбожной, антирусской Советской власти! Мной сформирован повстанческий Отряд особого назначения № 41. С нами – опытные командиры, бывшие офицеры Красной Армии... Пойдём по лагерям, освобождаю заключённых, захватим у вохры оружие, сформируем регулярную армию. Создадим своё правительство Коми республики, поставим вопрос об отделении от СССР. Уничтожим проклятые колхозы, компартию и НКВД, наладим справедливую, человеческую жизнь, как было до жидовского октябрьского переворота. Кто с нами – присоединяйтесь. Получите в трудовые руки оружие и будете сражаться за справедливое дело до полной нашей победы. Нет – неволить никого не будем, идите на все четыре стороны. Выбирайте, кому что краше.

Двенадцать человек присоединились к повстанцам, остальные, почуяв волю, разбежались. Ушли, в основном, блатные и бытовики. Остались – политические, среди которых были и бывшие коммунисты из Москвы и Ленинграда, севшие в тридцать седьмом по 58 статье как тайные троцкисты и шпионы иностранных разведок.

Группа Ретюнина, возросшая до тридцати человек, чётко, как на учениях, последовала к зданию Печорского Управления Речного пароходства. Также окружив его со всех сторон безоружными эсками, Марк Андреевич с ударной группой направился в караульное помещение. Часовой у входа вовремя поднял тревогу и завязался нешуточный бой. Повстанцы, потеряв двух человек убитыми на подступах к зданию, дружно атаковали

вохровцев. Фёдор Громов первый ворвался в караулку, ловко проткнул штыком одного охранника. Другого ранил из нагана в грудь вбежавший следом Ретюнин. Повстанцы густой, неуправляемой толпой рассыпались по помещению. В караулке загремели выстрелы и громкие, жалобные крики избиваемых вохровцев. В короткий срок было застрелено и заколото штыками ещё трое или четверо охранников. Раненые и бросившие оружие взяты в плен. Последним обнаружили в сортире начальника караула, который через дверь несколько раз выстрелил в нападавших из пистолета. Зэки выбили дверь, прямо там, в тесной кабинке, размозжили тяжёлыми прикладами винтовок голову пожилому служаке-старшине. Он упал на спину, стукнувшись безжизненной головой, со слипшимися от крови седыми волосами, об унитаз. Помятая, окровавленная чекистская, с синим верхом, фуражка закатилась за мусорное ведро. Затоптанный грязный пол был весь заляпан кровью.

Фёдор Громов, закинув винтовку за плечо, подошёл к унитазу. Стараясь не смотреть на изуродованное прикладами, искажённое гримасой ужаса и нечеловеческого страдания лицо старшины, потянулся руками к ширинке ватных солдатских брюк. Машинально глянул вниз, в унитаз. Он весь был в кровавых мазках и потёках, вода в горловине тоже была ярко красная. Громова затошнило. Он отдёргнул руки и, пошатываясь, вышел из туалета.

- Что, Фёдор, отлил? - выскалился попавшийся ему навстречу Николай Чупров. - Как заново родился, небось... Ну, ан и я - следом. Как говорят зэки: поссым, брат, в одно море, чтоб не было горя.

Чупров зашёл в кабинку.

- Во, бля, а это кто тут лежит? Не добёг, что ли? Усрался...

До слуха Фёдора донесся специфический звук журчащей в унитазе струи...

- Эх, хорошо с морозца опорожнится. На дворе-то поджигает, Громов, - нет?..

Фёдор ничего не ответил, гадливо скривился, матерно выругался про себя и вышел из караулки на улицу. Там, у входа, Ретюнин распределял захваченные в Управлении пароходства винтовки и боеприпасы среди безоружных. Улов был богатый: повстанцам досталось целых восемь винтовок Мосина, две мелкашки, один наган. Таким образом, группа Ретюнина оказалась самой боеспособной во всём истребительном отряде.

Фёдор Громов подошёл к Марку Андреевичу:

- Товарищ Ретюнин, там, в караулке, хлопцы старшину престарелого кокнули, прямо в уборной. Негоже его так оставлять: испражняются рядом... Ежели хоронить недосуг, хоть куда-либо оттащить надо. Человек же он всё-таки, хоть и собака по службе.

- Громов, ты в своём уме? - вспылал, глянув на него гневно, руководитель восстания. - У нас каждая минута на счету, отделение милиции ещё не взято, банк, аэродром. Вот-вот крупные силы вохры в посёлок из соседних лагпунктов нагрянут, а ты за покойников беспокоишься. Чекисты придут, сами своих похоронят, а нам даже погибших зэков закапывать некогда. Если возьмём Усть-Усу, тогда и похороним павших героев с честью, а нет, так вохра позаботится, что с ними делать.

В посёлке и правда во многих местах гремели выстрелы: шёл жаркий бой недалеко отсюда, у здания районного НКВД и чуть подальше - у телефонно-телеграфной станции.

Ретюнин вызвал Николая Чупрова, повара Тянь-Шаня, который всё время следовал за группой на санях вместе с возницей Иваном Бойчевским, и ещё четверых повстанцев. Велел им срочно ехать на аэродром и захватить самолёты. У Марка Андреевича внезапно мелькнула мысль, что бипланы Поликарпова У-2 можно использовать в своих целях, например, - совершить воздушный налёт на Сыктывкар или Воркуту. И он напоследок сказал Чупрову:

- Постарайтесь взять живьём лётчиков. Они нам могут ещё пригодиться. Если не получится - самолёты сжечь!..

* * *

Когда малолетка Олег Султанов сменил с поста скучавшего на стрёме бытовика Павло Войтюка, был уже поздний вечер. Войтюк, утопая в снегу по колено, устало притащился к месту стоянки, ещё загодя почувствовал сладкий дымок костра. Блатные весело жарили на огне мясо. Вся притоптанная площадка вокруг была в подозрительных красных кровавых пятнах. Мяса было много, оно лежало горой: красное, окровавленное, полузамёрзшее, - под густыми нижними ветками старой, разлапистой пихты, которые почти скрывали его от посторонних глаз. Ни шкуры, ни головы рядом не было, и Войтюк не мог определить, что это был за зверь. Вохровца Батыгина тоже нигде не было видно, и это показалось подозрительным.

Уголовники то и дело отрезали финками большие ломти от

кусков туши, лежавших под деревом, нанизав на сучья, совали в огонь. Самые лакомые куски передавали авторитетам: пахану марвихеру Сергею Шишканову и Зохе Ростовскому. Те, слизывая, как собаки длинными красными языками, сочащийся жир с грязных пальцев, благоговейно пожирали вкусно пахнувшее на всю поляну жаркое. Крякали от удовольствия и пьянящей сытости. То и дело прикладывались к солдатской фляжке, в которой что-то аппетитно булькало.

- Приятного аппетита, Сергей Парфёнович, - по холуйски пожелал Павло Войтюк, присаживаясь к костру.

- На аппетит не жалуюсь, - зареготал, подмигивая своим, Шишкан. - Он у меня волчий!

Положенец Мирон Бахтин, оторвав большими, острыми зубами кусок мяса, ожесточённо заработал челюстями. Прожевав, сказал Войтюку с хитрой усмешкой:

- Я же ботал, что охота будет удачной: вот, медведя-шатуну в лесу в четыре пера в глухую завалили. Теперь - живём, мужик! Мясо - просто сахар, так и тает во рту... Никогда такой вкусной медвежатины не шамал.

- А где ж Батыгин? - недоверчиво глядя ему в рот, спросил с опаской Войтюк.

- Да я тебе толкую, - ты чем слушаешь, лось? - медведь задрал, - хмыкнул, покрутив головой, Моня. - Мы его там, в берлоге и прикопали. Не повезло лягавому, да и хрен с ним! Таскать их не перетаскать... Ты жри, давай балабас, пока есть, не зевай. В тайге такой козырный фарт не часто бродяге выпадает. - Моня вытащил из-за голенища валенка нож и ловко метнул его в грудку мяса под пихтой. Тот воткнулся в кусок мерзлой, припорошенной снегом «медвежатины».

Войтюк подошёл к дереву и тоже отрезал себе порядочный оковелок свежатины. Хоть подозрения и не рассеялись, но голод, как говорится не тётка... Да и мясо, честно говоря, было вкусное, хоть Павло никогда в жизни не пробовал до этого медвежатины.

- Шишкан, а что, там во фляжке ещё осталось? - сделал тонкий намёк положенец Моня, но Зоха Ростовский сразу его отшил:

- Гуляй пёхом по коридору, Моня! Всякий валет с паханом бухать мылиться будет... Ты лучше дуру не гони, - скажи сямкам, чтобы дичь по сидорам рассовали, да в путь готовились. Скоро тронем.

Моня, облизнувшись в последний раз, поднялся на ноги, подошёл к Аркаше и Джаге.

- Давай, пацаны, - за дело. Сворачиваемся... Шамовку - с собой... А ты что расселся, дятел? - напустился он на Войтюка. - Всё, ресторан закрывается! Медвежатину жрал? Люби и саночки возить... По шустрому в оглобли впрягся!

Быстро собрав вещи, банда живо пошла на юг, в сторону железнодорожной станции Печора. Передвигаться без дороги по непроходимому, заваленному снегом, поваленными деревьями и сучьями, глухому северному лесу было трудно. Уголовники выбивались из сил, а тут ещё многим приходилось тащить в вещмешках за спиной тяжёлую поклажу. Только главарь с Зохой Ростовским шли налегке, но и им каждый шаг среди невообразимого древесного хаоса давался с трудом. Иной раз приходилось, цепляясь за кусты, спускаться в глубокие овраги и осторожно переходить по льду замёрзшие ручьи. После этого, каждый метр подъёма преодолевали, как в старину - русские воины, взбираясь на крутые валы неприступных вражеских крепостей. Оступившись, некоторые кувырком летели вниз. Приземлившись в глубокий сугроб, ощупывали ушибы и ссадины, выплёвывали на снег выбитые зубы. Снова с трудом карабкались вверх. Пот ручьями тёк из-под шапок, заливая глаза, жарко струился по распаренным спинам. Как не напрягались, они не могли пройти в день больше нескольких десятков километров. К вечеру буквально валились от усталости с ног и сразу засыпали как убитые, забыв даже про еду. Малолетки успевали только развести костёр и, меняясь по очереди, поддерживали его всю ночь, чтобы блатные авторитеты не замёрзли на сорокаградусном лютом морозе.

Однажды утром, когда закончилось мясо и все лагерные припасы, а в заветной фляжке Шишкана оставался всего один, последний глоток спирта, опытный северный лагерник Аркаша Устимовский с силой потянул носом воздух.

- Никак дымок чую, бродяги. Печку деревянную где-то жгут. Заимка, бля...

Пахан с Зохой Ростовским тоже, как гончие псы, завертели в разные стороны нестриженными, грязными головами, втягивали носом в прокуренные лёгкие колкий морозный воздух, но ничего не чувствовали.

- Набздел кто-то? - брезгливо поморщился Зоха Ростовский, глянув сердито на положенца Мирона Бахтина. - Не ты, Моня?

- Обижаешь, начальник, - отозвался от костра Моня и перевернулся на другой бок, застывший на морозе.

Аркаша Устимовский привстал на локте.

- Зоха, век воли не видать, - деревня близко! У меня нюх, как у собаки, - отвечаю.

- Ну, если отвечаешь - пошли, - встал с притоптанного в сугробе места Ростовский. - Пацаны, туши костёр, сейчас в тепле гужеваться будем. Аркан печку учуял.

Через пару десятков метров действительно ощутимо потянуло дымком. Вскоре банда вышла на небольшую лесную полянку, в центре которой стояла деревянная крестьянская изба с весело дымящей трубой. Рядом лепились многочисленные хозяйственные постройки. В сарае мычала не доенная корова.

- Молочка попьём, урки! - обрадовано потёр руки положенец Моня.

Шишкан сердито зыркнул на него, так, что тот враз прикусил язык, ткнул пальцем в малолетку Султана, махнул рукой по направлению к избе. Тот всё понял и осторожно ступил в глубокий снег, сразу провалившись чуть ли не по пояс, пошёл, пыхтя и матерясь, к заимке. Остальная банда, гуськом, осторожно двинулась следом. Не прошли и половины пути, как дверь в избе отворилась, и на пороге показался высокий бородатый мужик с охотничьим двуствольным ружьём.

- Эгей, кто такие? Всем стоять на месте! Кто пошевелинётся, стреляю без предупреждения. А бью я метко: белке в лесу в глаз попадаю.

Султан в растерянности остановился, со страхом повернулся к своим.

- Вперёд, козёл дешёвый, фиксы выставлю! - выверился на него Зоха Ростовский. Пахан как всегда смолчал, только утвердительно покивал головой.

Малолетка Олег Султанов покорно сделал шаг в сторону заимки. В ту же минуту оттуда прогремел выстрел, и с головы Султана слетела шапка, как будто её смахнуло сильным порывом ветра.

- Хороший выстрел, - искренне похвалил марвихер Сергей Шишканов и сделал шаг назад, пропуская вперёд Захара Пивоварова. - Давай, Зоха, пойдя, разберись с этим ворошиловским стрелком. Только быстрее, пока я не замёрз... Пстой, дай дымок на зубок...

Зоха Ростовский достал пачку дорогих, ещё довоенных, ленинградских папирос высшего сорта, угостил главаря. Пошёл, тяжело вытаскивая ноги из снега, в голову цепочки. Там малолетка Олег Султанов удивлённо разглядывал свою пробитую крупной дробью солдатскую серую ушанку. Зоха

небрежно нахлобучил ему шапку на голову, слегка подтолкнул в спину:

- Давай вперёд ты, конь бздиловатый, а мы следом. Не дрейфь... Шишкан велел, понял?

Султан снова пошёл, визгливо крича на всю поляну:

- Мужик, не стреляй, бя, ты что опупел? Мы геологи, уголь ищем, с пути сбились.

- Я же сказал, - стоять! - снова прокричал человек с ружьём и снова выстрелил.

Шапка опять слетела с головы малолетки. Он в страхе упал в снег и втянул голову в плечи.

- Зоха, бя, я больше не пойду, - он меня начистяк завалит!

Захар Пивоваров отошёл назад, к Шишкану, посетовал, выругавшись:

- Эх, хоть бы одна волына была, мы бы этому лешему шустряку быстро лишних дырок в калгане понаделали. А так - всё троцкисты себе захапали, против народа и партии бунтовать. Ослы безмозглые...

- Зоха, - ша! Хорош хлебалом щёлкать, - строго сказал пахан.
- Мёртвых бояться - в морг не ходить... Посылай троих в обход заимки. Пока они будут гулять по лесу, - раскинь мужику чернуху, отвлеку, возьми на понт...

- Ему, волку позорному, легче бздеть, чем нам нюхать, - огрызнулся Ростовский, повернулся к уголовникам, оглядел оценивающим взглядом всех. - Моня, Аркаша, Джага, шеметом хряйте на ту сторону. Скрытно на брюхе подползёте к дому, завалите духаря. Первый пошёл...

Трое цепочкой углубились в лес. Зоха хлопнул по плечу Войтюка, поманил за собой.

- Потопали на фронт, чувырло лохматое. Будешь фашисту толкать порожняк на своей фене, крестьянской. Ты это можешь... Вы с ним быстро столкуетесь.

Им навстречу по снегу полз Олег Султанов. Захар Пивоваров посмотрел на него и засмеялся.

- Во, бя, кого я вижу, - хитрый Дмитрий: насрал в штаны, а говорит «ржавчина»!

Пристыженный Султан поднялся на ноги, буркнул в своё оправдание:

- Ты, Зоха, попробуй сам к домику прогуляться. Гляди, угостит тебя этот фраер свинцовой овсянкой, - на раз в дубовый ящик сыграешь.

- Алё-малё, Султан, не гони порожняк, - тебе последнего слова ещё никто не давал, - презрительно скривился Зоха. Подтолкнул вперёд Павло Войтюка. - Давай, мужик, - в атаку за родину. Да не бзди так сильно, тут нюхать некому.

Войтюк не твёрдым, спотыкающимся шагом направился к избе в центре поляны. Пройдя несколько метров, сорвал с головы шапку, замахал ею, закричал:

- Эй, в сторожке, не стреляйте, мы с добром к вам пришли. Ничего плохого не сделаем, погреемся, перекусим и дальше пойдём. Её богу, православные, мы свои. Хотите - перекрещусь!

Бытовик Войтюк остановился, левой рукой снял с головы шапку, правой стал торопливо осенять себя крестным знамением. Это, видимо, подействовало. Хозяин заимки не выстрелил, прокричал в ответ:

- Всем стоять на месте! Передний, с документом, - ко мне! Ежели кто рыпнется следом - стреляю!

Войтюк, услышав про документы, со страхом обернулся к Ростовскому. Тот, ни слова не говоря, зловеще показал ему из кармана острое жало финки. Заключённый понял, что куда ни кинь, везде клин и медленно, с обречённым видом, поплёл к избе. В это время трое уголовников, с трудом продравшись по лесу, зашли к заимке с тыльной стороны. Слыша громкие переговоры Войтюка с охотником, они не таясь, по глубокому снегу, торопливо направились к дому. Моня подгонял подручных, стараясь в полной мере воспользоваться временной заминкой и подобраться к сторожке как можно ближе. Пока хозяин перекрикивался с Войтюком, пока тот брёл по глубокому снегу, с трудом вытаскивая из сугробов ноги, бандиты были уже у бревенчатой стены заимки. Вытащив заточки, они крадучись, с двух сторон, подбирались к крыльцу: Моня с Джагой с правой стороны, Аркаша Устимовский - с левой.

Войтюку было их хорошо видно. Чтобы протянуть время, он нарочно несколько раз падал, как будто провалившись в несуществующую яму, громко чертыхался, барахтаясь в снегу. Наконец, с трудом поднявшись на ноги, неторопливо шёл дальше. При этом не прекращал разговаривать с охотником, как бы гипнотизируя его, отвлекая внимание. И вот настал решающий момент. Моня дал знак Джаге, тот, заложив четыре пальца в рот, оглушительно свистнул и бандиты выскочили

из-за угла дома. Одновременно с ними показался из-за противоположного угла и Аркаша, а Павло Войтюк, на сколько это было возможно по снегу, побежал к крыльцу. От опушки леса поспешили к избе и Зоха Ростовский с Султаном. Началась решительная атака.

Моня с Джагой, с заточками в руках, бросились на вскинувшего ружьё охотника. Прогремел выстрел и Джага, подпрыгнув в воздухе, с криком завалился на спину. Моня, мгновенно среагировал, пригнулся и отшатнулся в сторону, спасаясь от второго выстрела. Крупная медвежья дробь просвистела возле его уха, опалив мочку. Тем временем Аркаша сзади в несколько огромных прыжков достиг крыльца и с силой всадил финку в бок хозяина заимки. Тот, выронив ружьё, рухнул на снег, как подрубленное под корень дерево. Бандит наклонился и ещё несколько раз по рукоятку вонзил нож в податливо-мягкое тело жертвы. Охотник захрипел, дёрнулся в предсмертной судороге и затих. Аркаша подобрал ружьё, умело переломив, выбросил стреляные гильзы, пошарил в кармане телогрейки убитого, ища патроны.

К нему, устало подошёл положенец Моня. Глянул на окровавленный труп, презрительно сплюнул.

- Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал.

Аркаша зарядил ружьё, указал Моне на дверь.

- Пошли в дом, поглядим, кто там ещё есть.

Осторожно открыв заскрипевшую дверь, они нырнули в сени. К крыльцу подтягивались остальные уголовники. Последним неторопливо шёл пахан, курил на ходу папиросу...

* * *

Взросший, хорошо вооружённый захваченными в КПЗ и в караулке Управления Речного пароходства винтовками и пистолетами, отряд Ретюнина подошёл к районному отделу НКВД. Там в это время разгорелся нешуточный бой. Группа Зверева безуспешно пыталась проникнуть в здание. Потеряв несколько человек, залегла на подступах и вступила в отчаянную перестрелку с забаррикадовавшимися в помещении милиционерами. Они отстреливались изо всех окон и с чердака. Повстанцы переползали по улице, ища укрытие понадежней, прятались за деревьями и за соседними домами, стреляли по окнам. Винтовок у людей капитана Зверева было мало, а пистолет всего один – у самого командира. Зверев отчаялся в

успехе и хотел уже посылать человека к Ретюнину за подмогой, как неожиданно тот сам явился со своим отрядом.

- Марк Андреевич, дорогой, - выручай! - обрадовался бывший капитан РККА при виде руководителя восстания. - Никак не выкурим из отделения лягавых. Бьются, суки, отчаянно и сдаваться не думают. Мы уже рыла три у них ухлопали, не знаю, сколько ещё осталось.

Они стояли во дворе дома невдалеке от здания райотдела, внимательно рассматривали прилегающую территорию из-за забора.

- Дверь, небось, заперта, не пробьёшься? - спросил Ретюнин.

- Пробовали ломать, - ни в какую! Только двух бойцов зазря потеряли, - сообщил Иван Зверев.

Марк Ретюнин задумался.

- А что, ежели поджечь ко всем чертям здание? Выкурить чекистов, как ос из гнезда?

- Чем поджечь, Марк Андреевич? - пожал плечами Зверев.

- Пошли сейчас же бойцов по соседним домам: пусть реквизируют у населения керосин, разольют по бутылкам, сделают коктейль Молотова, - приказал Ретюнин, вспомнив рассказы знающих людей об этом эффективном способе борьбы с фашистскими танками на фронте.

Фёдор Громов, лёжа за бревном, служившим хозяевам дома уличной скамейкой, тщательно ловил на мушку то и дело появляющуюся в окне голову милиционера в шапке-ушанке. Улучшив момент, плавно нажал курок и выстрелил. Милиционер резко дёрнулся в окне и исчез. «Попал!» - радостно подумал Громов, передёргивая затвор винтовки. Рядом, из-за другого края бревна, стрелял Пётр Родионов. Он палил часто, долго не целясь, стараясь застать защитника райотдела врасплох. Фёдор неодобрительно покачал головой:

- Петро, патроны побереги, что расходуешь попусту? Метишь в белый свет, как в копеечку... После пальцем стрелять будешь, как вовсе прикончатся?

- Ага, Федот, - двадцать первым, - заржал в ответ неугомонный Родионов.

- Да ну тебя! Пустобрёх... - отмахнулся Громов, прицеливаясь в очередного милиционера.

Подбежал, упав между ними, Цветков, отдышавшись, произнёс хрипло:

– Громов, Родионов, айда живо со мной, командир отряда вызывает.

Они вскочили на ноги и, пригибаясь от свистевших повсюду пуль, короткими перебежками направились в соседний двор, где находились Ретюнин со Зверевым. Тут же, у сарая толпились Пашкевич, Авакян, китаец Лю-Фа. На снегу у их ног стояло больше десятка зелёных бутылок с какой-то жидкостью. Горлышки у них были заткнуты бумажными пробками, вниз свешивались тряпичные фитили.

– Бойцы, разобрать бутылки с зажигательной смесью, – приказал капитан Зверев. – Задача перед вами такая: подползаете поближе к зданию райотдела, поджигаете фитиль и бросаете коктейль Молотова в окна.

– Легко сказать... – боязливо замялся Пашкевич. – Из окон-то стреляют. Поди, брось!

– Кто трусит, неволить не буду, пусть остаётся, – резко оборвал его Иван Зверев и вырвал из рук бутылку. – Я сам пойду, ежели у тебя, Пашкевич, кишка тонка... Ну, кто ещё со мной? – обвёл он горящим, решительным взглядом притихших соратников.

– Я пойду, – первым откликнулся Фёдор Громов. За ним выступил Родионов, затем китаец Лю-Фа и все остальные. Даже Пашкевич, минуту поколебавшись, тоже присоединился к товарищам.

Под покровом темноты, по дворам, бойцы с зажигательными бутылками стали осторожно пробираться к зданию районного отдела НКВД. Оттуда, не прекращая, гремели выстрелы. Охватившие дом кольцом повстанцы не могли и носа высунуть из укрытий. Отвечали из винтовок редко, берегли патроны, которые были наперечёт.

Фёдор Громов, проломив ногой доску забора, вылез на открытое место, пополз, стараясь не делать резких движений и не шуметь, к зданию, где засели отчаянные милиционеры. Родионов, китаец Лю-Фа ползли следом. Остальные бойцы обошли дом с другой стороны, где огонь защитников был не столь интенсивен. Вскоре оттуда донёсся звук разбиваемого стекла, затем ещё один и ещё. Улица озарилась всплеском пламени, в здании райотдела поднялся переполох.

Громов резко вскочил на ноги, сделал сильный рывок к серевшей впереди бревенчатой стене райотдела, швырнул в окно бутылку с коктейлем Молотова. Отскочив в сторону, упал на землю.

То же самое проделали и Родионов с китайцем. Послышались громкие хлопки разбившихся бутылок, столб яркого пламени выплеснулся из окна, быстро облизал зашипевшую, влажную стену. Часть улицы осветилась, как днём. В здании послышались крики горящих заживо людей. Выстрелы прекратились.

Фёдор с Родионовым и китайцем Лю-Фа, заняв позицию напротив окон, за небольшим бугром, открыли огонь из винтовок по выпрыгивавшим на снег людям в тлеющих шинелях. Ещё через время дверь райотдела отворилась и оттуда с поднятыми руками стали выскакивать кашлявшие, почти обезумевшие от огня и грохота выстрелов, милиционеры. Громов встал на ноги и побежал к крыльцу, его товарищи – за ним следом. Никто из них не заметил, как позади из горящего помещения в окно выпрыгнул закутанный в мокрую плащ-палатку человек с пистолетом в руке. Перекувыркнувшись в снегу, он ловко встал на ноги, сбросил дымящуюся накидку и быстрой тенью метнулся в темноту. Навстречу попался повстанец с винтовкой. Милиционер выстрелил в него почти в упор, не целясь; побежал дальше, как заяц, петляя след. Вскоре он исчез за деревянными постройками, растворился во мраке, как призрак...

* * *

Моня с Аркашей, гремя перевёрнутыми в сенях вёдрами, ворвались в горницу. На них, с криком и истерическим плачем, бросилась женщина. В руках у неё был топор.

– Во, бля, как нас, Аркан, встречают! – хищно засмеялся положенец Моня и легко, ухватившись крепко за рукоять, вырвал топор у хозяйки. Двинул её с левой – в лицо.

Женщина кувырком полетела через лавку на пол. Стукнулась больно головой о стену, глухо застонав, сползла вниз. Аркаша, закинув охотничье ружьё за спину, подошёл к печке, загремел чугушками и кастрюлями, ища съестное. Нашёл крынку молока, с опаской понюхал, расплылся в дурашливой счастливой улыбке, принялся пить, проливая молоко на грудь.

Моня, внимательно взглянув на лежавшую у ног, ещё не старую, хорошо сложенную женщину, сладострастно выскалил. Что есть силы всадил топор в пол прямо возле её простоволосой головы, чуть не зацепив розовую мочку уха с дешёвенькой серьгой, перерубив тонкую прядь светлых волос. Хозяйка, вскрикнув от ужаса, дёрнулась всем телом, попыталась откатиться в сторону от страшного топора. Бандит наступил ей валенком на живот, с силой надавил.

- Лежать, маруха, кому говорят! Я банкую.

Наклонившись, он ухватился за ворот её блузки, резко и сильно рванул в обе стороны. Женщина потянула разорванную одежду на грудь, пытаясь прикрыться. Моня ударил её три раза по щекам, так что из носа несчастной пошла кровь. Снова рванул блузку вместе с белой нижней рубашкой, коленями придавил руки женщины к полу. Его горящему животным вожделением взору предстали большие мягкие шары её молочно-белых грудей с коричневыми пятнами пупырчатых сосков посередине. Моня по пороссячи взвизгнул от удовольствия и принялся жадно мять и лапать женские груди своими грязными, в застарелых цыпках, землистого цвета пальцами с обгрызенными чёрными кривыми ногтями. Хозяйка замычала от отвращения и попыталась сбросить с себя тяжёлую тушу бандита.

- Лежать, я сказал, профура! - заорал озверело блатарь и снова, не сдержавшись, ударил женщину по лицу. Голова её, от удара, сильно мотнулась в сторону, кровь из носа и изо рта побежала сильнее.

Моня сполз ниже и взбил юбку женщины до самого пояса. При виде гладкий упитанных, соблазнительно округлых ляжек женщины у бандита потекли изо рта слюни. Он принялся раздирать на ней нижнее бельё, стремясь быстрее добраться до самого сокровенного... Женщина кричала и отбивалась от него руками и ногами. Но блатарь был сильнее. Соппротивление жертвы только ещё больше распяляло его неудержимую похоть.

- Кричи, кричи, бля, - кроме волков один хрен никто не услышит, - сладострастно шипел он, впиваясь в окровавленный рот женщины своими потрескавшимися на морозе, посиневшими от холода губами. - Сейчас пацаны придут, - всех через себя пропустишь... А я, чур, первый!

Справившись, наконец, с её руками, заломив их за спину и связав остатками разорванной блузки и ночной рубашки, бандит широко развёл в стороны её ноги, с наслаждением навалился сверху, запыхтел как паровоз, засопел, застонал. Бешеные глаза его вываливались из орбит, слюни тонкой струёй текли на лицо женщины, темп движений всю учащался и учащался.

Подошёл с полупустой кринкой молока Аркаша, удивлённо глянул на возившегося на полу, повизгивающего от наслаждения кореша.

- Алё-малё, Моня, не в падлу... Пахан обидится, что лохматый сейф вперёд него вскрыли. Заканчивай, а?

- Аркаша, ёханный бабай, заткни парашу, - зло огрызнулся

положенец Моня, продолжая своё дело. – Боишься пахана, – можешь Дуньку Кулакову погонять, а я не фраер, своего не упущу!..

12

Повстанческому отряду Марка Ретюнина не удалось овладеть районным центром Усть-Уса. Первая неудача произошла при штурме местного аэродрома. Повар китаец по кличке Тянь-Шань, направленный туда с группой захвата, по пути сумел отстать от повстанцев, опередив их, он первым прибыл на аэродром и предупредил стрелка ВОХР и находившегося там в то время пилота Воркутлага Кайдана об опасности.

Когда шесть заключённых во главе с Николаем Чупровым на санях подъехали к зданию аэропорта – неказистой, ветхой, покосившейся избушке, – оттуда прогремели выстрелы. Заключённые поспешно спрыгнули с саней и зарылись в снег. Винтовка была всего одна, у командира, и Чупров принялся редко отвечать, стреляя по окнам дома, на вспышки. Остальные повстанцы, не зная, что делать, оробели. Троцкист Шумков, вскочив на ноги, попытался было отбежать назад, за поленницу дров. Метко выпущенная из окна избы-аэропорта вохровская пуля ткнула его прямо в затылок. Заключённый вскрикнул и зарылся головой в сугроб. Иван Бойчевский, укрывшийся за санями, набожно перекрестился, хватанул рукавицей горсть рассыпчатого, мягкого снега, стал жевать, обелив, как мукой, усы и бороду.

Чупров понял, что аэродром им с такими малыми силами и всего с одной единственной трёхлинейкой не взять. Велел Ивану Бойчевскому под огнём разворачивать сани, а остальным повстанцам, отступать в посёлок, к основным силам отряда. Пока Иван Леонтьевич разворачивался, командир группы прикрывал его, стреляя по окнам дома. Пули выбивали последние куски стёкол, не давали засевшим в здании вохровцу и лётчику высунуться.

Заключённые стали по-пластунски отползать назад, вслед за удаляющимися санями. Туда же, отстреливаясь, пятился и Николай Чупров. Вскоре на истоптанном, исполосованном санями полозьями месте боя остался только застывший в снегу в неудобной позе труп троцкиста Шумкова, да с десятков пустых гильз из винтовки Николая Чупрова.

В посёлке была непроглядная темень. Во дворах громко лаяли, разрывались встревоженные переполохом собаки. Во

многих местах гремели винтовочные и пистолетные выстрелы, а с окраины раздавались пулемётные очереди Дегтярёва. Разобрать, где свои, где чужие было невозможно. Иван Бойчевский, остановив сани, с нескрываемым страхом глянул на сидевшего рядом командира Чупрова:

- Куды править, Николай Николаевич? Гляди, стреляют всюду... Как бы нам того, не сплеховать, чекистам в лапы не угодить?

- Давай в центр, Леонтьич, к зданию райотдела НКВД, там должны быть наши, - принял решение Чупров.

Бойчевский с силой дёрнул вожжи, прокричал: «Н-но-о!», - и кони быстро тронули с места, затрусили, размеренно махая хвостами, по заснеженной накатанной улице. Когда приблизились к центру посёлка, увидели огромное - почти на полнеба - зарево пожара, освещавшее прилегающие улицы, как днём. Пылало, подождённое повстанцами, районное отделение милиции. Николай Чупров сказал Бойчевскому, чтоб ехал быстрее.

По пути им то и дело попадались какие-то люди: и в одиночку, и группами. Многие были вооружены. В Усть-Усе шли не только бои, но и откровенный грабёж. Выпущенные из местного КПЗ уголовники разбивали воинские склады и магазины, некоторые врвались в дома местных жителей. Отличить повстанцев от грабителей и мародёров было практически невозможно. Кругом царил путаница и неразбериха.

Когда Чупров со своими людьми подъехали к зданию райотдела НКВД, там уже было всё кончено, повстанцы добивали во дворе, у забора сдавшихся милиционеров, потому что девать их было всё равно некуда, а отпускать - опасно. Марк Ретюнин и командиры подразделений охрипли от криков и мата, бегая по площади вокруг пожарища и пытаясь собрать рассеявшихся по райцентру людей. Ретюнину сообщили, что на окраине идёт бой с прибывшей неизвестно откуда группой бойцов ВОХР, у которых имеется ручной пулемёт.

Дело в том, что милиционеру Артееву удалось вырваться из горящего райотдела, бежать из Усть-Усы в соседний отдельный лагерный пункт Печорлага «Поля-Курья» и сообщить тамошнему начальнику Полякову о будто бы высадившемся в селе «немецком десанте». Тот сейчас же послал на подмогу гарнизону Усть-Усы пятнадцать стрелков с пулемётом Дегтярёва.

Марк Ретюнин направил для отражения неожиданной атаки группу хорошо вооружённых повстанцев во главе с бывшим капитаном РККА **Иваном** Зверевым, а сам стал выводить

остальных людей из Усть-Усы. В это время на площади и появилась группа Николая Чупрова на санях. Увидев командира отряда Особого назначения, Николай спрыгнул на дорогу, поспешил к Ретюнину с докладом:

– Товарищ командир, Марк Андреевич, беда! Самолёты я не взял... Кругом измена, как есть, – зачастил он взволнованно, виновато поглядывая на Ретюнина. – Китаец Тянь-Шань, сука, – скурвился, к вохровцам перебежал, сообщил им о нашем приближении. Я одного человека в бою потерял, вынужден был отойти. Куда мне с одним винтарём, когда у противника супротив нашего – их целых три!

Чупров специально увеличил огневую мощь защитников аэродрома, чтобы оправдаться в глазах Ретюнина.

– Некогда, Николай Николаевич, оставь, – отмахнулся Марк Ретюнин. – Видишь, что кругом творится! Посёлок, думаю, мы не удержим. Ещё не все объекты заняты, а уже переполох на всю республику, и войска против нас бросили с пулемётами: слышишь какой концерт идёт!

– Что делать, товарищ Ретюнин? – ошалело спросил у командира Чупров.

– Езжай, давай со своими бойцами за село, на южную дорогу, а мы с Яшкиным остальных соберём, – крикнул напоследок Марк Андреевич. – Выставь боевое охранение и жди нас там. Всех встречных людей направляй туда же, – мы скоро...

Взяв у Чупрова одного человека в сопровождающие, Марк Ретюнин с Афанасием Яшкиным с револьверами в руках побежали к дороге, ведущей в оставленный лагпункт «Лесорейд». С той стороны доносились яростные звуки боя. Сани с людьми Чупрова тронулись. Из темноты неожиданно вынырнули грушевцы Фёдор Громов и Пётр Родионов, а с ними китаец Лю-Фа, Пашкевич, ещё один незнакомый повстанец.

– Федька, – живой, брат! – обрадовался, завидев родственника, возница Иван Бойчевский. – Сидай скорейча в сани, отступаем мы, вишь, из села. Командир Марк Андреевич велел.

Пятеро повстанцев, все вооружённые винтовками, одетые как вохровцы в тёплые солдатские полушубки, быстро запрыгнули в сани – заключённые, сидевшие там, потеснились. Иван огрел кнутом лошадей и те быстро рванули с места в галоп. Вокруг раздавались выстрелы, треск горящих деревянных построек, крики жителей и спящих туда-сюда повстанцев. Николай Чупров отчаянно матерился и жаловался Фёдору Громову:

- Табак наши дела, Громов! Ежели посёлок сходу не взяли, - зараз нас в каждом лагере чекисты ждать будут. Внезапности мы, бля, лишились, вот что обидно.

- Правда твоя, Николай, - согласился с доводами кривянского казака Фёдор. - Если войска на нас бросют - сомнут и передавят, как котят малых... Сплоховал наш командующий, Марк Андреевич. Теперь только и остаётся, что бечь, как зайцы в степи. А ВОХРА, гляди, охотиться на нас будет.

- Людей при штурме богато потеряли? - спросил у Громова Николай Чупров.

- Человек с десятков легли, Ретюнин говорил, - охотно ответил Фёдор. - У нас в отряде четверо бойцов погибло и один раненый, у Зверева здесь, при взятии отделения НКВД, - трое убитых, у Соломина во время штурма телефонно-телеграфной станции - двое.

- Телефонную станцию хоть взяли? - спросил Чупров.

- Взяли, - кивнул в ответ знающий обстановку Пашкевич. - От Василия Евгеньевича человек прибежал... Да вот он, кстати, и сам здесь, с нами едет, - указал он вдруг на незнакомого Фёдору худощавого, с горящими кавказскими глазами и большим орлиным носом, повстанца. - Имран, расскажи как дело было?

Кавказец презрительно сверкнул на Громова огненным взглядом, темпераментно жестикулируя руками, заговорил с сильным акцентом на плохом русском языке:

- Подошёл мы к телефонной станция уже затемно, охранник Черных - так в документах написано был - стрелят из винтовки стал. Одного ранил - он потом умер от раны, другого убил. Нас двенадцать человек был с четырьмя винтовка, у меня только нож... Я в окно прыгал, охранника Черных горло ножом рэзал. Началник наш отряд Соломин сказал: в первый очередь взят операционный зал, - патом всё остальной. Мы всё сделал, как он говорил: контора связи взял, за барьер всех дежурных телеграфа и прочий народ посадил. Ещё один вохровец на верху - убил... Потом Соломин меня с пятью ребятами банк грабить послал: вай, - какой хороший дела - банк грабить! - горбоносый кавказец восторженно зацокал языком при одном воспоминании об этом весёлом мероприятии.

- Ну и что дальше, братуха Имран? - поинтересовался Фёдор Громов. - Ограбили вы с ребятами Усинское отделение Госбанка?

- Спрашиваешь, ара... Конэчна взяли с оружием в руках, -

закивал головой храбрый кавказец. – Управляющий Родин и милиционер стрелят начал: один наш убил, сука позорный... Я мильтона из маузер застрелил, а началник Родин голова ножом отрезал. Так меня прадед в горах учил. Если враг не сдаётся – его нада рэзат!

– Молодец, Имран! Лихой джигит, – искреннее похвалил любивший смелых людей Громов. – А кто ты по национальности, если не секрет?

– Нохчо, – загадочно произнёс горец на своём гортанном, напоминающем клёкот кавказского орла, языке.

– А это что же значит? – удивился Фёдор. – Что-то я не слышал никогда о такой нации?

– Э-э, русский, что ты тогда слышал, – с досадой поморщился Имран, но всё же пояснил: – Я нохчо Имран Рамазанов из тейпа Беной тукхума Нохч-Махкахой. Живём высоко в горах, в заоблачной Ичкерии. Ваш народ зовёт нас чеченцы, но это неверно. Мы – нохчий.

– Понятно, брат, – ровным счётом ничего не поняв, протянул Фёдор...

В это время Марк Ретюнин с Афанасием Яшкиным и ещё одним рядовым повстанцем, сжимавшим винтовку, осторожно пробирались по улице, ведущей на окраину посёлка, где шёл бой. Навстречу то и дело попадались группы заключённых с оружием и без, которых Ретюнин сейчас же направлял на восточную окраину, где находился обоз и скапливались основные силы отряда.

– Кто же там сражается, Марк Андреевич? Сколько народу уже в тыл ушло, – встревожено подал голос начальник обоза Яшкин.

– Зверев оборону держит со своей группой, – убеждённо ответил Ретюнин, хоть совершенно не знал, сколько у него людей и жив ли ещё сам Зверев.

Звуки перестрелки между тем становились всё громче и отчётливей, особенно залиvistый рокот ручного пулемёта противника. Прогремело несколько взрывов ручных гранат, заглушивших редкую трескотню винтовок и пистолетов. Судя по интенсивности пулемётного огня, обороняющимся было не сладко.

Ещё через несколько метров над головой Марка Ретюнина и его спутников стали разбойно посвистывать шальные пули.

Повстанцы залегли у обочины, перебрасываясь короткими фразами, поползли вперёд вдоль забора. Вскочив на ноги, сделали короткую перебежку и снова упали. Оружие всё время держали наготове. Неожиданно, впереди из-за угла вынырнули два человека с винтовками, в белых солдатских полушубках. Ретюнин принял их за своих и пошёл без опаски навстречу.

- Товарищ командир, это вохровцы! – предостерегающе крикнул сопровождавший Ретюнина повстанец.

В ту же минуту с той стороны прогремел выстрел и боец, роняя винтовку, повалился в снег. Яшкин и Ретюнин выстрелили из наганов одновременно: один из вохровцев, громко вскрикнув, упал на дорогу. Другой залёг под деревом и открыл огонь по повстанцам.

- Всё, Марк Андреевич, здесь не пройдем. Уходим! – захлёбываясь от волнения и поминутно стреляя в залёгшего врага, крикнул Афанасий Яшкин.

Ретюнин тоже понял, что они нарвались на передовую группу противника, уже вошедшего в райцентр. Оборона повстанцев прорвана и им нужно быстрее уносить ноги. Поминутно отстреливаясь, руководители восстания стали быстро отходить вглубь посёлка. На первом же перекрёстке они нос к носу столкнулись с вооружённым человеком в солдатской шапке и тулупе, как у вохровцев. На рукаве у него была белая повязка.

- Свой? – вопросительно прокричал Афанасий Яшкин, на всякий случай вскидывая наган и беря неизвестного бойца на мушку.

- Для кого свой, а кому и не очень, – зло огрызнулся в ответ человек в полушубке и передёрнул затвор винтовки, готовый выстрелить.

- Я командир отряда Марк Ретюнин, а ты кто? – предостерегающе поднял руку Марк Андреевич.

- И в самом деле свои, я и не признал в темноте, – проговорил, опуская ствол винтовки, повстанец. Торопливо приблизился к командирам.

- Ты из чьей группы? – торопливо спросил Ретюнин.

- Со Зверевым мы, Иваном Матвеичем, оборону на краю села против кранопёрых держали, – ответил повстанец, – широкоплечий, сухощавый человек с рваным шрамом на верхней губе, по виду – бытовик. – Да куда там, рази ж устоять нам с пятью винтовками и пистолетом против пулемёта? К тому же краснопёрых больше чем нас раза в два было. Расчехвостили, короче, они нас в пух и прах. Я насилу ноги унёс, остальной

народ тоже – кто куда. Они ведь, ироды, в плен наших не берут: стреляют на месте.

– Где Зверев? – осведомился Ретюнин.

– А кто ж его знает? – недоумённо пожал плечами повстанец-бытовик. – В бою я его видал, – ползал вдоль цепи с наганом... А как вохра поднапёрла да в атаку рванула, тут все и дали дёру кто куда. А кто не успел, – тех лягавые на месте порешили. Куда Иван Матвеевич делся, не знаю. Может, спасся и в тайгу ушёл, может, догнали его вражины... Нам теперь об себе лучше подумать, товарищ Ретюнин. Краснопёрые скоро здесь будут...

Иван Зверев, продолжая держать оборону у крайних дворов заснеженной, утопающей в снегу Усть-Усы, не заметил, как остался один. В цепи лежало лишь несколько мёртвых повстанцев. Оставшиеся в живых, подобрав раненых, отошли в посёлок и растворились в непроглядной ночной тьме. Впереди него, по полю, светлячками вспыхивали огни от выстрелов наступающих на райцентр вохровцев. Продолжал методично простреливать открытое пространство ручной пулёмёт противника. Иван тоже собрался было отступить, но вдруг подумал об не успевших ещё уйти товарищах, среди которых было много раненых. Кадровый военный, офицер РККА, хоть и разжалованный военным трибуналом, бывший коммунист, искренне поверивший в светлые и справедливые идеалы Октябрьской революции, Зверев просто не мог себе позволить позорно бежать с места боя и подвести своих бойцов. Слишком глубоко в нём засела святая офицерская заповедь: «Сам погибай, а товарища выручай!»

– Нет, мы ещё повоюем чуток, – зло шептал он сквозь стиснутые зубы, прицеливаясь из винтовки в очередную яркую вспышку и стреляя в ответ. – У меня тут свой фронт! У меня тут своя Великая Отечественная...

Стрелял он метко и после каждой его пули на том конце неширокого, немного всхолмлённого заснеженного поля погасала очередная вражеская звёздочка. Но их было слишком много против одного. К тому же не давал покоя пулёмёт Дегтярёва, заставляя всё время вжиматься в снег за небольшим пенёчком, за которым занял позицию капитан Зверев. Наступающие на него вохровцы залегли, выстрелами стали прижимать к земле, в то время как две группы обходили с правого и левого флангов.

Иван чутко прислушался, повернув голову в сторону притихшего

посёлка: в Усть-Усе не было уже слышно ни выстрелов, ни голосов отступающих повстанцев. Вероятно, все ушли на южную окраину и ему тоже можно теперь отходить. Зверев выстрелил ещё несколько раз в непроглядную ночную темень, стал поспешно отползать в сторону крайних дворов райцентра, к темневшим в той стороне глухим заборам и деревянным постройкам. Пули вохровцев продолжали взметать вверх фонтанчики рыхлого снега на оставленной им боевой позиции.

С той стороны прозвучала команда офицера и, залёгшая было цепь чекистов, видимо встала и снова пошла в атаку. Горячие смертельные комочки раскалённого свинца зажужжали вокруг беглеца чаще. Одна из пуль больно кольнула в левую руку чуть ниже плеча сквозь новенький, измазанный уже глиной, полушубок. Иван Зверев вскрикнул от неожиданности, выронив винтовку, схватился правой рукой за рану. Сквозь пальцы тут же просочилась горячая кровь. В глазах у него потемнело, голова закружилась.

Не обращая внимания на упавшую винтовку, зная, что есть ещё в запасе наган, Зверев в полный рост, даже не пытаясь прятаться, побежал в темноту мёртвой и глухой поселковой улицы. В глаза ему вдруг ударили яркие вспышки, прогремели близкие звуки трёх или четырёх выстрелов. Иван, мгновенно отреагировал, упал, как подкошенный, на дорогу в снег, тут же, как его учили в армии, откатился в сторону, ударил несколько раз в ответ из нагана. В группе вохровцев, обошедших его с тыла, вскрикнул раненый, кто-то грузно повалился на землю.

Зверев понял, что путь в райцентр перекрыт и повернул обратно, в обход посёлка, в тайгу. Здесь его снова стали тревожить неприятельские пули. Они роем проносились над головой, другие впивались в снег чуть ли не под самыми ногами. Но другого выхода у него не было, нужно было прорываться с боем. Пока бежал к лесу, Иван расстрелял весь барабан и, щёлкнув курком в очередной раз – не услышал выстрела. На ходу стал торопливо заряжать револьвер, выживая маленькие, скользкие патроны из кармана полушубка. Второпях несколько обронил в снег – было неудобно, к тому же сильно болела раненая левая рука, которой с трудом удерживал разряженное оружие.

Пулемёт вохровцев продолжал яростно поливать прилегающую к окраине Усть-Усы местность, всё ближе подбираясь к нему. Тут Ивану стало по настоящему страшно и даже жутко: на время обезоруженный, лишённый возможности защищаться, он пал духом, прилёг в снег. Попытался успокоиться, отдышаться и, наконец, зарядить наган. Это ему удалось, сжимая

здоровой, правой рукой шершавую, как будто влитую в ладонь, рукоятку оружия, Зверев почувствовал себя намного увереннее. Положение уже не казалось столь критическим и безнадежным. Петляя, он побежал дальше. Часто оглядываясь, метко разил преследовавших врагов. Уже не один вохровец остался лежать на безжизненной снежной равнине, пока они гнали беглеца к лесу.

В тайге, среди деревьев, он вообще успокоился, думая, что погоня отстанет и вернется в Усть-Усу, добывать и ловить оставшихся там повстанцев, но не тут-то было. Видимо, получив особый приказ, стрелки продолжали упорно идти по его следу. Зверев потерял много крови, выбился из сил и чуть не падал от усталости. Тем не менее, он то и дело останавливался, прижимался к стволу дерева, поджидал, пока не покажутся белые на черном фоне таёжного беспорядочного бурелома фигуры солдат с винтовками. Посылал в них пулю за пулей, с удовлетворением отмечая крики раненых и убитых врагов. Да, он считал их своими врагами, напрочь позабыв, что убивает своих же русских парней, обмундированных в красноармейскую зимнюю униформу. Но они пришли в этот лес для того, чтобы забрать его жизнь, и он, для того, чтобы жить самому, – вынужден был забирать, как чёрный ангел смерти, их молодые жизни.

Группа красноармейцев преследовала его всю ночь. Зверев совершенно не знал, куда он бежит, в какой стороне остался райцентр Усть-Уса, где Отряд особого назначения № 41, командиром которого он перед тем являлся. Он не задумывался об этих важных вещах, потому что главное сейчас для него было – выжить, во что бы то ни стало уйти от чекистской погони. Он расстрелял уже третий барабан, и патронов в кармане осталась жалкая горстка. Раненая левая рука болела невыносимо, к тому же у него начинался жар, Иван чувствовал это по страшной сухости во рту. То и дело приостанавливаясь, он загребал полную пригоршню снега, жадно хватал ртом скользкую, обжигающе холодную, мгновенно таявшую во рту массу. На время тушил полыхавший там пожар, утоляя одуряющую жажду. Чувствовал себя какое-то время бодрее, но потом всё повторялось.

Иван не знал, сколько прошло времени, потерял счёт убитым преследователям. Почти оглох от гремевших поминутно выстрелов и ослеп от лившегося из-под шапки ручьями, горячего липкого пота. Он уже не верил ни во что, и думал только о том, как бы подороже продать свою жизнь. Пули вохровцев всё чаще и чаще клевали его измождённое за время неравного боя

тело: саднил задетый свинцом правый бок, текло за воротник полушубка из поцарапанного пулей затылка. Зверев на ходу зажимал небольшую ранку шапкой, пытаясь остановить кровь, – чтобы перевязать голову не было времени.

Под утро солдаты взяли его в тиски у замёрзшего таёжного ручья, где он пытался разбить ногой лёд, чтобы напиться. В барабане его нагана оставалось всего три патрона. Спрятавшись за вмёрзшую в лёд разлапистую корягу, он выстрелил в показавшихся наверху, на гребне небольшой береговой возвышенности, красноармейцев два раза. Хотел уже пустить последнюю пулю себе в висок, но тут за его спиной показалась ещё одна группа преследователей.

– Эй, фашист, хэндэ хох! – грозно прокричали оттуда, видимо принимая его за немецкого диверсанта.

Зверев повернулся в их сторону, медленно встал и твёрдой походкой, сжимая в здоровой правой руке холодную рукоятку нагана, пошёл навстречу своей смерти.

– Я не фашист. Это вы, псы, – фашисты! – крикнул он оторопевшим, не знающим что делать вохровцам.

– Бросай оружие, – пальну, бля! – прокричал один, передёрнув затвор винтовки.

– Стреляй, сука, в русского офицера! Да здравствует товарищ Сталин! – с вызовом крикнул в ответ Иван, поднял было руку с наганом, чтобы пустить себе в висок последнюю пулю.

Вохровцы испугались, нервы у них сдали, и они открыли беспорядочную стрельбу из винтовок и пистолетов по одинокому бойцу. За несколько секунд они буквально изрешетили его пулями. Завершил дело пулемётчик, вынырнувший из-за высоких кустов: держа Дегтярёва на весу, он наискось полоснул длинной очередью по груди уже падавшего на лёд ручья Зверева.

В этом завершающем аккорде безжалостного расстрела бывшего русского офицера не было никакой необходимости. Душа его уже отлетела от пробитого множеством горячих пуль тела, и в момент, когда оно грузно шлёпнулось на покрытый тонким налётом снега лёд, её уже там не было, души... Зверев упал, продолжая сжимать не нужный уже наган с единственным оставшимся в барабане патроном, который оставил для себя.

К телу спустились трое рослых, мордатых вохровцев и щуплый, затянутый в офицерскую портупею поверх солдатского

полушубка, старшина. Окружили распростёртое у их ног тело, перевернули на спину.

- Гляди, видать и точно – наш, а сторлей баял, – диверсант фошистский, – хрипло проговорил один, хмурый, усатый солдат, – по характерному оканью, волжанин.

- Не твоего ума дело, рядовой Ерошкин, – резко обрубил его рассуждения строгий старшина, примиряюще добавил: – Давай, дружно взяли гада за руки за ноги и поволокли на опушку, на чистое место. Там подвода подъедет, подберёт бандита. Их должно, много ещё в посёлке валяется...

13

Отступив с боем из посёлка Усть-Уса, повстанческий отряд Марка Ретюнина сконцентрировался на окраине. Выставив боевое охранение во главе с бывшим офицером РККА Михаилом Дунаевым, поджидали отставших, рассеявшихся по окрестностям. Руководитель восстания не досчитывался половины бойков, – куда-то пропал командир Отряда особого назначения Иван Зверев. Всего с Ретюниным вышло из райцентра чуть больше сорока заключённых, включая освобождённых из КПЗ. У повстанцев было десять саней, до верху нагруженных продовольствием и амуницией, а также немало оружия, захваченного в ходе кровопролитных боёв в Усть-Усе. Марк Ретюнин скрупулёзно проверил отрядный арсенал. В наличии имелось двадцать четыре винтовки, включая две мелкокалиберные, тринадцать наганов, два ТТ и один пистолет «Коровина», несколько ящиков патронов, две гранаты. Практически, каждый боец был вооружён винтовкой или пистолетом и это радовало.

Огорчало руководителей выступления то, что им не удалось овладеть районным центром. Винтовочная и пулемётная стрельба в Усть-Усе нарастали и приближались к восточной окраине, где сконцентрировался повстанческий отряд. Дальше тянуть время было опасно, и Марк Андреевич отдал приказ о выступлении. В полночь, в полной темноте отряд двинуться вверх по реке Печоре в направлении железнодорожной станции Кожва, к лагерям Печорлага. Ретюнин всё ещё надеялся поднять на восстание другие командировки и лагпункты, получить поддержку людьми и оружием, сформировать если уж не армию, то хотя бы крепкий боевой полк.

Имевшихся в наличии людей Ретюнин на ходу разбил на два боевых отряда по десять человек в каждом, во главе которых поставил Михаила Дунаева и Василия Соломина. Группа Дунаева

на двух санях двигалась впереди, разведывая местность. Соломин со своими людьми, тоже на санях, прикрывал отход повстанцев. Впереди по карте были населённые пункты Акись и Усть-Лыжа.

Ехавший вместе с Ретюниным Афанасий Яшкин с тревогой сказал:

- Жаль, Ивана Матвеевича не дождались. Хороший человек, и офицер опытный...

Ретюнин виновато помялся. Буркнул, не глядя на заместителя:

- Дальше топтаться на месте было нельзя, вохровцы поджимали, сам видел. Может, объявится ещё Зверев.

- Всё может быть. А нет, - так царство ему небесное, - сняв солдатскую шапку-ушанку, набожно перекрестился бывший крестьянин Яшкин.

Они с Ретюниным были оба местные уроженцы, из простонародья, потому и быстро нашли общий язык, сдружились, ещё будучи рядовыми ээка. Вместе пришли к мысли о восстании. Сейчас, после неудачного нападения на райцентр Усть-Уса, духом не пали, решили продолжать борьбу и испробовать другие возможные варианты.

- Оружие теперь у нас есть, Марк Андреевич, а боеприпасов маловато. Гранат противопехотных всего две и ни одного пулемёта, - сетовал Афанасий Яшкин. - Если придётся с крупным отрядом вохровцев сразиться, надолго нам имеющегося запаса маслят не хватит. Нужно бы пополнить, да где?

- Скоро приедем в подкомандировку «Кыз-Раз-Ды», которая располагается по пути нашего следования, - обнадеживающе сказал Марк Ретюнин. - Тамошний начальник Мурмилло - наш человек. У меня с ним была тайная договорённость, что он обоз с оружием и боеприпасами у себя задержит. Помнишь, тот, что командир взвода Квасников за день до восстания из «Лесорейда» в Воркуту погнал? Я как мог задерживал оружие в лагпункте, чтобы захватить всё сразу, да, жаль, не вышло. Но ничего, мы их по пути догоним.

- Да, хорошо бы перехватить этот обоз, - согласился Яшкин. - Там сколько человек охраны?

- Ерунда, три вохровца, - пренебрежительно махнул рукой Марк Ретюнин. - Мы их голыми руками возьмём. Это тебе не райцентр Усть-Уса, который почитай шесть часов сопротивлялся. Сам видел, что они нам устроили, краснопёрые...

- Сколько мы там бойцов потеряли, Марк Андреевич? - с тревогой спросил Яшкин.

Ретюнин задумался, подсчитывая в уме. Сказал через некоторое время, прокашлявшись:

- Восемьдесят два человека было, полюс двенадцать эков из КПЗ к нам перешло, а сейчас едва ли сорок два наберётся. Вот и считай...

- Больше пятидесяти получается, - растерянно протянул Афанасий Яшкин. - Неужели столько убито?

- Да нет, куды там, - поспешил поправить его руководитель восстания. - Большинство, видать, разбежалось в темноте или в плен к краснопёрым попало. Попробуй, повоюй без оружия, с одними кулаками против винтовок! Реально, человек десять погибло во время приступа КПЗ и райотдела милиции. На аэродроме, Николай Чупров говорил, двое остались: заключённый Шумков - его наповал вохровец застрелил, и китаец Тянь-Шань - этот, сука, перебежал. Да Ивана Зверева, видно, гады убили.

- Ну и мы, думаю, тоже немало вохровцев положили, - уверенно сказал Яшкин. - Рыл двадцать они потеряли - факт!

- Бери больше. Ещё дюжину прибавь, - поправил Ретюнин. - А если бы всех пленных на месте расстреливали, то все пятьдесят было бы...

- Так это ж победа считай, Марк Андреевич, - воскликнул, наигранно ткнув предводителя кулаком в плечо, заметно повеселевший Яшкин. - Баталия нами фактически выиграна, хоть поле боя осталось в руках неприятеля... Но ведь и Кутузов уступил Бородино Наполеону, и даже Москву сдал.

- Ну вот, ты меня, Афанасий, к фельдмаршалу Кутузову сдуру приравнял, - усмехнулся Ретюнин. - А на самом деле надо бы с древним царём Пирром сравнивать, потому как, если это и победа наша под Усть-Усой, то, скорее всего - Пиррова. И, как говорил некогда сам царь-полководец: ещё одна такая победа, и мы останемся без отряда!..

Этой же ночью, проехав двадцать километров по льду Печоры, повстанцы достигли отдельной подкомандировки «Кыз-Раз-Ды». Двигавшиеся на передних санях командир головной группы Михаил Дунаев, Чупров, Громов, Родионов и чеченец Рамазанов быстро спрыгнули на землю. Закинув винтовки за плечи, пошли к вахте. Дверь была заперта изнутри, в помещении горел свет,

дневальный крепко спал на топчане у стены, укрытый большим овчинным тулупом, которые надевают вохровцы, идя на пост, на вышку.

Дунаев требовательно, по командирски, постучал в окно. Солдат вскочил с топчана, ничего не понимающим, сонным взглядом уставился на окно.

- Открывай, рядовой! Срочная депеша из управления Воркутлага для начальника подкомандировки Мурмилло, - крикнул властным голосом Михаил. - Оперуполномоченный НКВД майор Дунаев. Вот моё удостоверение... - командир повстанцев полез за пазуху, вытащил красную чекистскую книжечку, предусмотрительно прихваченную в разгромленном райотделе милиции посёлка Усть-Уса, приложил к стеклу.

Дневальный, едва увидев характерную обложку с известной аббревиатурой, задрожал, как осиновый лист, опрометью бросился открывать вахту. Ворвавшиеся в тёплое, натопленное помещение повстанцы разоружили ничего не понявшего, растерявшегося солдата, связали ему руки. Обшарив вахту, нашли две винтовки: боевую и мелкокалиберную, охотничье ружьё.

Михаил Дунаев приставил ствол нагана ко лбу захваченного в плен дневального. Лоб его тут же весь покрылся липкой испариной.

- Где обоз с оружием, - коротко спросил Дунаев.

- Уехал.

- Куда?

- В деревню Акись, - пролепетал побелевший от страха вохровец. Немного подумав, подобострастно уточнил. - Там у старшины Квасникова зазноба живёт, к ней и отправился.

- Как давно? - продолжал короткий допрос Михаил Дунаев.

- Ещё засветло.

Дунаев удовлетворённо кивнул и выстрелил в лоб пленного. Тот с криком упал навзничь, кровь и мозги фонтаном брызнули на стену за его спиной. Повстанцы, стоявшие поблизости, отшатнулись.

- Ты что делаешь, Михаил Васильевич? - крикнул в негодовании Фёдор Громов. - Он же пленный, безоружный... зачем ты его?

- Одним врагом меньше будет, - равнодушно переступил через окровавленный труп командир группы. - Всё равно чекисты

б пришли, снова оружие ему дали... Нам что ж, Громов, тоже лагеря для пленных открывать? Или таскать их за собой по тайге?

Фёдор, хмуро промолчав, отвернулся.

– Вынесите его на двор, чтоб не мешал под ногами, – велел Дунаев повстанцам.

На улице тем временем заключённые из отряда Особого назначения открыли ворота подкомандировки. Появился местный начальник Мурмилло, старейший член повстанческой организации, а с ним политический заключённый Коряков. Мурмилло обменялся крепким рукопожатием с Марком Ретюниным, представил ему Корякова:

– Вот вам, Марк Андреевич, хороший проводник. Он знает дорогу в деревню Акись, куда ушёл обоз с оружием. Советую вам, пока суть да дело, – сразу же послать туда группу захвата. Чтобы застать охрану врасплох. Там их всего три человека, так что, думаю, с вашей стороны человек десять за глаза хватит. На санях... А я вам тем временем подводу продовольствия отгружу и лошадей добрых дам, три головы.

– Сам тоже поедешь с нами, нам люди нужны, – коротко бросил Ретюнин, окликнул Дунаева: – Михаил Васильевич, бери сейчас же своё отделение, двое саней и дуй с проводником в деревню Акись за оружием. А мы напрямик пойдём, по руслу Печоры. Как сделаешь дело, – догоняй.

Михаил Дунаев решительно кивнул головой, принялся собирать свою группу. К двум саням, где на головных сидел возница Иван Бойчевский, подошли Николай Чупров, Фёдор Громов, Пётр Родионов, чеченец Имран Рамазанов, Цветков, Авакян. Они дружно уселись в сани. На передние, рядом с возницей примостился проводник Коряков. Небольшой обоз отделился от основного отряда и углубился в глухую тайгу по узкому, змеевидному зимнику.

В лесу светало. Сосны, пихты и ели стояли, густо занесённые снегом. Деревья как будто слегка кряхтели от навалившейся на них белой холодной тяжести, особенно ёлки, ветки которых пригнуло почти до самой земли. Громко, на весь лес, постреливали от мороза сухие сучья, как будто кто наступал на них ногой. Внезапно вспорхнувшая с дерева, испуганная чем-то птица осыпала вниз целую лавину снега.

Политзаключённый Коряков ехал на передних санях и указывал, куда сворачивать, когда дорога раздваивалась или шла по руслу речки. В пути почти не разговаривали, только сосредоточенно

курили, думая каждый о своём. Думы были не весёлые: план восстания явно срывался. Усть-Усу захватить не удалось, другие лагпункты в поддержку им не поднялись, половина бойцов Отряда особого назначения разбежалась в первом же бою. Что будет дальше – никто не знал, но предчувствия были самые отвратительные.

К рассвету наконец-то добрались до небольшой таёжной деревни, остановились на околице. Коряков вызвался проводить повстанцев к избе Анфисы Щербаковой, полюбовницы командира взвода старшины Квасникова. Он, вероятно, остановился с оружейным обозом именно у неё. Оставив у саней обоих возниц для охраны, повстанцы гуськом по глубокому снегу последовали за Коряковым к нужному дому. Хозяйка, молодая, хорошо сложенная, симпатичная бабёнка вышла как раз на крыльцо с пустыми вёдрами в руках. Увидев подходившую к дому длинную вереницу незнакомых вооружённых людей, громко вскрикнула. Коряков и несколько ближайших к нему повстанцев направили на женщину винтовки. Анфиса выронила вёдра и подняла, как в кино, руки вверх. Она подумала, что в деревню прорвались немцы или финны.

– Стой, отставить! Не стрелять, товарищи, мы с бабами не воюем,
– подбежал к своим бойцам Михаил Дунаев. Ходко взойдя на обледенелое крыльцо, сунул хозяйке в бок ствол нагана:

– Солдаты где?

– В стряпке перекусывают, – с дрожью в голосе, заикаясь от страха, выдавила Щербакова.

Дунаев дал знак, чтобы её убрали, указал рукой на Чупрова и Родионова, чуть слышно шепнул:

– Николай, зайдите с бойцом с тыла. Будут вохровцы сигать в окна – стреляйте... Авакян, остаёшься на улице, для подстраховки. Остальные – за мной.

Вчетвером чертями ворвались в хату, сразу же открыли огонь на поражение. Трапезничавшие за столом в кухне двое охранников и старшина Квасников в расстёгнутой гимнастёрке, не успев ничего сообразить, повалились, как снопы, на пол. Оба вохровца были убиты наповал, Квасников тяжело ранен. Он лежал посередине комнаты, громко стонал от боли, дёргался всем телом, из пробитой пулями правой стороны груди густо текла кровь.

Повстанцы подошли к столу, Цветков с Громовым оттащили за ноги в сторону застреленных охранников – чтоб не мешали. Командир группы Дунаев по-хозяйски устроился за столом,

взял в руки начатую четверть с мутной бесцветной жидкостью, вероятно, самогонкой, которую пили вохровцы. Громов с Цветковым сейчас же к нему присоединились.

- Имран, ты водку пить будешь, или Аллах не разрешает? - поинтересовался, наливая в три стакана бесцветной жидкости, заключённый Цветков.

- Давай, лей, выпью с мороза, ничего, Аллах простит. И не такое прощал, - хищно ухмыльнулся чеченец.

Раненый старшина Квасников продолжал тяжело стонать и ёрзать по полу. Дунаев с досадой поморщился.

- И не сдохнет никак, красный... Ребята, помогите ему, что ли...

Чеченец Рамазанов согласно кивнул бритой наголо головой, встал с лавки, вытащив из сапога кинжал, нагнулся над раненым. Резкий взмах рукой - и старшина страшно захрипел, дёрнулся ещё сильнее, из перерезанного горла ручьём хлынула кровь.

- Ты что делаешь, нехристь?! Человек же перед тобой! Пули что ли жалко, - вскрикнул, сердито глянув на абрека, Михаил Дунаев.

Имран Рамазанов повернул к нему давно небритое, густо заросшее чёрной проволочной щетиной, лицо. Недоуменно пожал плечами:

- Что кипятиться, началник - на огонь ещё не ставили... Всегда так барашка рэзал, ножом по горлу. У кого хочешь спраси в нашем ауле, любой скажет - как барашка на шашлык рэзат.

- Человек, хоть и враг, - это тебе не барашек! А, да что с тобой толковать, - безнадёжно махнул рукой командир группы Дунаев.

- А кто? - недоуменно округлил чёрные глаза горец. - У нас и врагов в горах режут абреки. Какой разница: человек, баран... Умирает и тот, и тот одинаково.

Пока Дунаев с бойцами пьянствовали в хате, Чупров осмотрел стоявшую во дворе, под навесом, вохровскую подводу с оружием. Откинул брезент, удовлетворённо крякнул, увидев аккуратные ряды новеньких, с заводской смазкой, винтовок, аппетитные ящики и коробки с патронами, гранаты, пистолеты. Тут же послал Родионова на околицу за санями. Когда остались одни, Авакян многозначительно кивнул на сеновал, где они заперли Анфису Щербакову.

- Что, бугор, не попользовать ли нам бабёнка? Всё равно её чекисты посадят, а перед тем - изнасилуют... Ара, давай и мы своего пряника часть кусанём? Имеем право. За что воюем?

Трафей баба наш – законно... А закон у нас в лагере кто? Тайга – правильна. Прокурор – медведь... Давай, командир, ты первый, я дело говорю. Я за тобой.

Чупров, подумав, решил, что боец прав. К тому же давно уже без бабы по ночам жутко поджимало, и Николай пошёл. Сидевшая в углу на соломе женщина, увидев перед собой незнакомого, скабрёзно ухмыляющегося мужика, всё поняла и принялась кричать, звать на помощь. Николай навалился тяжело сверху, повалил, заткнул ей рот её собственной ночной рубашкой, которую задрал до самой шеи. От белизны голого бабьего лебединого тела, от соблазнительных округлостей живота и груди, кровь бурно бросилась в голову казака. Он стал жадно выцеловывать её лицо, шею, руки. Удерживал своими горячими трепещущими ладонями её простоволосую, мотающуюся из стороны в сторону, голову. Утопил ладони под пышные, упругие, широкие ягодички. Задрожал мелкой, предательской дрожью, не в силах сдерживаться, окунулся в омут сладостного наслаждения... Почти утонул в ней, распластанной на сене, как крупная беспомощная царевна-лягушка с содранной кожей-одеждой...

Авакян за дверью, приложив ухо к щели, с жадностью слушал громкие крики и стоны женщины и загорался всё больше и больше. Молил своего бога, чтобы не вышел из хаты командир Дунаев и не помешал ему дожидаться своей очереди...

* * *

Между тем, обстановка складывалась далеко не в пользу повстанцев. К утру о мятеже в «Лесорейде» узнали не только в Сыктывкаре, но и в Кремле. Восстание в Коми лично взял под свой контроль сам Лаврентий Берия. Он тут же, не откладывая, пока о ЧП не прознал Сам... связался по телефону с Народным комиссариатом внутренних дел Коми АССР. Трубку поднял оказавшийся в это время не месте заместитель наркома Василий Симаков.

– Симаков? Берия на проводе. Что у вас там, твою мат, за безобразие? Я ничего не пойму: мне говорят – какой-то стрельба, какой-то, понимаешь, восстание... Какой восстание, Симаков? Ты можешь минэ объяснить!

– Товарищ народный комиссар внутренних дел, Лаврентий Павлович – всё под контролем, – затрясся на другом конце провода осиновым листком видный республиканский чиновник, – ситуация полностью в наших руках и сегодня же мятеж будет

подавлен!

- Что ты говоришь, Симаков, слушай... Какой мятеж? Ты в своём уме? - ошалело уставился в портрет вождя, висевший на стене кабинета, растерявшийся от неожиданности, не знающий что сказать Берия. - Вы что там у себя на севере, совсем офанарели? Чтобы сегодня к вечеру, - ты слышишь меня, Симаков? К вечеру чтобы переловили вся банда. Главарей - расстреляют! Собственной голова отвечаешь, понял, мать твою душу?

- Лаврентий Павлович, свободных людей очень мало. А охрану лагерей оголять опасно, - пролепетал в трубку помертвевший от собственной смелости Симаков.

- Сам, билят, винтовка в руку беры и ступай на бандит, - взревел не своим голосом, потерявший терпение Берия. - Ты знаешь, что с вами со всеми там, в Варкута, будет, если узнает - Сам?.. На фронт рядовыми пайдёте всем наркоматом, с министром во главе!.. Симаков, не вынуждай меня на крайний мера: где хочешь людэй беры, но банда чтоб вечером была уничтожена... Мобилизуй местный охотников, колхозников-оленеводов, зэка, в конце концов. Во, пленных немцев поставь в строй. Там у тебя ест лагеря военнопленных... Действуй, короче, согласно обстановке. Главное - победит врага, а победитель патом нэ судят. Судит будэм, если прыказ не выполнишь, Симаков. Держи меня в курсе дел, я на месте. Всё, - Берия раздражённо швырнул на рычаг трубку...

Получив указания, заместитель наркома внутренних дел Коми АССР Василий Симаков спешно связался по телефону с первым секретарём Обкома ВКП(б), проинформировал о разговоре с Берией. Заручившись его поддержкой, стал решительно действовать. Прежде всего написал три телеграммы в Кожву: начальнику ЭКО НКВД Коми АССР лейтенанту Госбезопасности Фальшину, начальнику РО НКВД Калинин и секретарю РК ВКП(б) Безгодову. Приказал им совместно с руководством лагподразделений ВОХР Печорлага и Севжелдорлага сформировать в Кожве отряд из стрелков ВОХРа, наиболее надёжных заключённых из числа бытовиков и уголовников, а также военнопленных немцев. Мобилизовав оленьи упряжки в ближайших колхозах Кожвинского района, немедленно выступить на встречу банде с расчётом встретить её к вечеру 8 ноября у села Усть-Лыжа, окружить и уничтожить. Общее руководство оперативной группой возлагалось на лейтенанта Фальшина. В район восстания из Сыктывкара по железной дороге были также направлены две пушки «сорокапятки» и лёгкий танк. Из райцентра Усть-Уса на поиск ушедших в тайгу

мятежников вылетели оба По-2. Сам заместитель наркома внутренних дел Симаков вместе со вторым секретарём Обкома ВКП(б) Важновым тоже немедленно вылетели на самолёте в район боевых действий...

Вечером 8 ноября под селом Усть-Лыжа разгорался нешуточный бой. Основной отряд повстанцев взяли в клещи две группы вохровцев, одна из которых закрепилась в селе, другая атаковала мятежников с тыла. Ретюнин вынужден был разделить свои и без того скудные силы на две части. Человек пятнадцать во главе с военным комиссаром отряда Алексеем Макеевым остались отбиваться от преследователей, остальных Марк Ретюнин повёл на штурм Усть-Лыжи.

Он, конечно, не знал, какие силы поджидали его в селе. Не успела жиденькая цепь повстанцев пробежать и несколько десятков метров, как её накрыли частые орудийные разрывы. Это повели огонь выставленные на прямую наводку на околице Усть-Лыжи противотанковые «сорокапятки». Танков, конечно, в группе Ретюнина не было, а людей едва набиралось на взвод. Рассеянные артиллерией, эки разбежались по полю, залегли в снег, стали спешно окапываться. Несколько человек лежало неподвижно возле воронок, настигнутые зубастыми осколками. Стонало двое или трое раненых, но им никто не помогал, – всяк заботился о собственной безопасности.

К Ретюнину подполз возбуждённый Афанасий Яшкин, хватанув горсть рассыпчатого, ледяного снега, огорошил недоброй вестью:

– Командир, Василий Соломин убит. Осколками. Наповал. Я сам видел... Что делать будем? У краснопёрых танк в селе и две пушки.

– Уходим в тайгу, в деревню Акись, к Дунаеву, – ответил Ретюнин, зорко всматриваясь в мутную, туманную, заснеженную даль, откуда вёл огонь неприятель.

К руководителям подползли Степан Простаков, Пашкевич, китаец Лю-Фа, ещё несколько бойцов, – все кто оставались в строю и не были ранены.

– Всем короткими перебежками уходить за реку, раненые остаются прикрывать – всё равно далеко не уйдут, – повторил приказ Марк Ретюнин.

– А как же группа Макеева, обоз с провиантом, Марк Андреевич?
– с тревогой спросил Простаков.

Ретюнин с досадой сжал кулаки:

– Амба, Простаков, к ним уже не пробиться, – всё поле под прицелом «сорокапятков». А сейчас чекисты в атаку попрут из села, – на танке, да с пулемётами! От нас тогда и вовсе мокрое место останется.

Мелкими перебежками повстанцы стали переходить Печору. Это их и спасло. Артиллерия из села не стала стрелять по реке, чтобы не взломать лёд. Вохровцы намеревались и сами переправиться вслед за беглецами на другой берег. Люди Ретюнина отошли, только трое раненых повстанцев остались на позиции, прикрывая меткими выстрелами отступление своих товарищей. Из Усть-Лыжи, громко ревя мотором, вышел лёгкий танк БТ-7. Он был окрашен в зимний маскировочный белый цвет. Вслед за ним из снега поднялась пехота. Солдаты были в необычных для красноармейцев, серо-зелёных шинелях, фашистских стальных шлемах или в матерчатых фуражках, надетых на шерстяные подшлемники. Переговаривались они между собой по-немецки, но командовал цепью русский офицер.

Повстанцы, державшие свой фронт, удивились. И было чему: на них шла в атаку цепь немецких пехотинцев. Впереди немцев полз советский танк и поливал из пулемёта засевших в снегу раненых повстанцев. Они стали отстреливаться, метко поражая немцев из винтовок. Но силы были не равны. Через несколько минут все трое повстанцев затихли, сражённые немецкими пулями. Цепь иностранных солдат медленно прошла мимо их безжизненных тел и двинулась дальше, в тыл державшим впереди оборону повстанцам Алексея Макеева – военного комиссара Отряда особого назначения № 41, которого, увы, уже не существовало.

Группу Макеева разметали пулёмётным огнём с воздуха два налетевших со стороны райцентра Усть-Уса «По-2». Оставшиеся в живых заключённые, бросив обозные сани с продуктами и амуницией, вместе с военкомом и бывшим начальником подкомандировки «Кыз-Раз-Ды» Мурмилло, добежали до опушки и нырнули в густой прибрежный лес. Здесь самолёты им были уже не страшны, но пошла в атаку преследовавшая их с западного направления, со стороны райцентра, пехота. С Макеевым вышло из боя человек десять, среди них было двое раненых. Алексей Трофимович распорядится сделать им по быстрому перевязку, одного, тяжёлого, пришлось нести на руках.

Отряд узкими звериными тропами стал уходить в тайгу. В небе, на всём протяжении их пути, назойливо, раздражающе

гудело. Это разыскивал их в сплошной таёжной чаще низко кружившийся над местностью самолёт. До ночи они прошли километров двадцать, с трудом пробиваясь сквозь хаотично нагромождённый лесной бурелом. Двигались наугад, намереваясь разыскать где-нибудь стойбище местных оленеводов и захватить олени упряжки. На них можно было уйти дальше на север, в непроходимую тундру. Что будут делать там, повстанцы не знали: главное сейчас уйти от погони.

Уже под вечер вышли на лесную поляну, направились, тяжело увязая в снегу, к её оконечности. И тут вверху снова затарахтел «По-2». Крылатая машина на полной скорости приближалась к оторопевшим мятежникам. Кто-то, сняв винтовку, принялся стрелять в самолёт, но расстояние было слишком велико и пули не долетали. В ответ с неба ударил длинной очередью пулемёт. Несколько человек, словно косою смахнуло с ног. Упал, громко вскрикнув, и командир отряда Алексей Макеев – несостоявшийся комиссар несуществующей повстанческой армии, которую так и не удалось сформировать Ретюнину. Всё было кончено. Оставшиеся в живых повстанцы побросали оружие и подняли вверх руки, как бы устремляя их к закружившемуся над лесной заснеженной поляной «По-2» и моля лётчика о пощаде. Но тому, видимо, было недосуг разбираться, да и взять пленных с собой он не мог. Заложив крутой вираж над местом боестолкновения, он повёл машину на второй заход и снова безжалостно резанул длинной пулемётной очередью по мелким фигуркам мятежников, чётко отпечатавшихся на поляне. Пролетев дальше и оглянувшись, пилот Воркутлага Кайдан не заметил на поляне ни одного живого повстанца, удовлетворённо хмыкнул, поправил большие лётные очки рукой в меховой рукавице, качнул слегка крыльями в знак одержанной очередной победы над заключёнными и полетел в сторону деревни Усть-Лыжа продолжать преследовать и уничтожать рассеянные по тайге банды мятежников...

Марк Ретюнин со своими бойцами, переправившись на другой берег Печоры недалеко от села Усть-Лыжа, тоже свернул в лес. По Оленьей тропе они двинулись вверх по реке Лыжа. С Марком Андреевичем оставалось всего девять человек, – уставшие, измотанные недавним боем и бегом по глубокому снегу. Настроение у всех было убитое, ничего не хотелось делать. Люди понимали, что всё кончено, и они обречены.

– Куда теперь, Марк Андреевич? – хмуро спросил на ходу у командира, шагавший рядом Афанасий Яшкин.

Остальные бойцы невольно прислушались, им было не безразлично, что он ответит и куда поведёт.

– Я думаю, нам нужно поскорее отсюда уходить и пробиваться на большую землю. А для того, чтобы отвлечь от себя внимание властей, взбунтовать по пути ещё парочку командировок. Это нам на руку. Пока вохра будет подавлять мятеж в лагпунктах, мы уйдём далеко.

– А не подло ли это, товарищ Ретюнин, людей зазря колумутить, под расстрел подставлять, только лишь бы свою шкуру спасти? – зло посмотрев на командира, не сдержался, рубанул, напрямую, что думал, заключённый Степан Простаков. – Нас вы, может, тоже для этого же подняли, чтобы самому ноги из зоны сделать?

– Я был начальником лагеря, – вспыхнул Ретюнин. – Не то, что ты – рядовым зэка... Я в тайге лес не валил и в сыром бараке на нарах не спал. У меня всё было, что только может желать простой смертный: свой дом, хозяйство, жинка, деньги и жратва, почёт и уважение начальства. Но я всё бросил ради вас, ради свободы! И ты же меня обвиняешь?.. Эх, Простаков, Простаков... простая у тебя, бесхитростная русская душа, подстать фамилии. А я ли, скажи, виноват в том, что из двухсот заключённых «Лесорейда» только меньше половины присоединилось к восстанию, в основном политические. А потом, после неудачного штурма райцентра Усть-Уса, трусливо отсеялось ещё человек сорок – пятьдесят. Кто в бега подался, в тайгу, кто сдался чекистам... Так в чём ты меня хочешь упрекнуть?

Степан Простаков, внимательно выслушав, опустил голову, смолчал. Всё сказанное Ретюниным была сущая правда. Долгое время шагали молча, нагруженные оружием и поклажей, которую, после потери санного обоза приходилось тащить на себе. Марк Ретюнин, без исключения, тоже нёс свою часть. За ночь далеко углубились в непроходимую левобережную тайну, оставив за спиной место последнего боя у деревни Усть-Лыжа. Старались держаться у берега реки Лыжа, но на лёд не выходили, хоть по нему легче было идти. Опасались погони. Впадавшая в Печору как раз у памятной деревни небольшая таёжная речка замысловато петляла среди сопков, утёсов, валунов и неровностей берега.

С рассветом над местностью стали кружить самолёты. Несколько раз пролетали над головами беглецов, но в густой чаще ничего не могли разглядеть.

– Обложили, как волков, суки! – горько посетовал Афанасий Яшкин.

Когда совсем рассвело и суровый, заснеженный лес ожил, в верховьях Лыжи неожиданно наткнулись на охотничью избушку. Людей в ней не было, зато оставался большой запас дров на дворе, под навесом сарая, кем-то заботливо заготовленный впрок, в кладовке, в помещении имелись кое-какие продукты. Местные охотники – особенно комяки, ненцы, да и русские старообрядцы, перенявшие их традиции, всегда так делали, выделяя из своих скудных запасов – часть для заблудивших в тайге путешественников. Знали, что сделанное людям добро окупается сторицей.

Вымотавшиеся за ночь, обессиленные повстанцы расположились в избе на отдых. Ретюнин отправил в дозор в лес китайца Лю-Фа и ещё одного заключённого. Остальные, наспех поев, завалились спать. Но долго отдыхать им не пришлось, вскоре в лесу загремели частые выстрелы. Все с тревогой вскочили на ноги, похватав оружие, выбежали на улицу. На встречу бежал растрёпанный китаец без шапки, махал рукой и сипло кричал:

– Салдаты, камандила! Очен многа солдат. С собака и пулемёт. Мы совсем пропал камандила. Всё!

Второго дозорного с ним не было, вероятно погиб. Повстанцы быстро вернулись в охотничью избушку, забаррикадировали дверь. Ретюнин распределил бойцов напротив окон, сам вместе с Яшкиным полез на чердак. Осторожно открыл слуховое оконце. Густой зелёный ельник напротив дома зашевелился, из него показалось несколько фигур в маскировочных белых халатах, с винтовками. Они осторожно шли по протоптанной повстанцами тропе к избушке. Вслед за ними из леса вынырнул офицер в белом овчинном тулупе, оглянувшись назад, махнул рукой с пистолетом своим. Ретюнин с Яшкиным не поверили своим глазам: на поляну вышли немцы с винтовками. Их было много, около взвода, среди них было несколько младших командиров – русских. Они отличались меховыми полушубками и серыми солдатскими шапками-ушанками с красными пятиконечными звёздами. Немцы были в своих традиционных, мышинового цвета, старых вытертых шинелях, в стальных шлемах или пилотках на головах. То, что это были именно немецкие солдаты, а не советские – сомнений не возникало: до чутких ушей повстанцев долетели обрывки чужой речи. Недавние враги, объединившись каким-то фантастическим образом, вместе шли убивать мятежников.

Но те не собирались так легко расставаться с жизнью. Ретюнин молча взял из рук Яшкина холодную, скользкую винтовку, неторопливо прицелился и наповал сразил переднего разведчика, подходившего к охотничьей избушке. Фигура в

белом халате, раскинув руки, повалилась в глубокий снег сбоку тропинки. Остальные тут же отпрянули, как испуганные лесные зайцы, в стороны, залегли и открыли частый беспорядочный огонь по окнам и чердаку. Пули роем засвистели над головами залёгших Ретюнина и Яшкина. Марк Андреевич успевал только в промежутках между залпами противника высовывать в оконце ствол винтовки и стрелять в лес не целясь, наугад. Афанасий Яшкин бил туда же из нагана, но тоже, видимо, ни в кого не попадал, потому что огонь противника был слишком плотный и хорошо прицелиться было невозможно.

Заговорили винтовки повстанцев внизу, отвечавших на яростную винтовочную трескотню вохровцев и немцев редкими одиночными выстрелами. Марк Ретюнин, оставив винтовку Яшкину, проворно спустился вниз. Здесь было уже двое раненых и один убитый. Пулями задело Пашкевича и ещё одного повстанца. Последнего – тяжело. Раненого оттащили от окна, осторожно уложили на топчан, но перевязывать было некогда. Вохровцы и немцы плотно, со всех сторон, обложили избушку, прошивали её пулями насквозь, так что внутри передвигаться можно было только на четвереньках, едва ли не ползком. На позиции неприятеля во весь голос, зловеще и убедительно заговорили пулемёты. Их было два и били они с разных сторон, на давая мятежникам высунуть из окна стволы винтовок. Громко вскрикнул ещё один повстанец, раненый в голову. Итого их в строю осталось всего пять человек, плюс Афанасий Яшкин на чердаке.

– Марк Андреевич, – в перерыве между выстрелами крикнул, стараясь пересилить шум разгоревшегося боя, **Степан** Простаков, – ответь, пожалуйста, дорогой, с кем мы воюем: с нашими или с фашистами? Там ведь, гляди, в лесу на позициях вместе с вохровцами – немцы!

– А тебе не один чёрт, товарищ Простаков? – пренебрежительно дёрнул щекой после очередного меткого выстрела Ретюнин. – Всё они по большому счёту фашисты: и те и эти... Союзники, к тому же, недавние. Вот и соединились снова для общего дела – нас пострелять... Слыхал, небось, как они в тридцать девятом так же вот полячишек колошматили. Гитлер с одной стороны, с запада, а наш великий и ужасный Коба – с востока. Вот и раздербанили в очередной раз «по-братски» Речь Посполитую... А что мы? Будем стоять до последнего. Представьте, дорогие друзья, что мы на фронте, и позади – Москва! И я приказываю, хоть я и не Сталин: ни шагу назад! Фашисты здесь не пройдут, а если и пройдут – только по нашим трупам!

Вскоре погиб ещё один боец, неловко высунувшись из окна.

С чердака спустился Яшкин с пустой, без единого патрона винтовкой. Виновато развёл руками при виде Ретюнина:

– Всё, Марк Андреевич, остался только один патрон в барабане. Амба, как говорят блатные! Полный атас и васар...

Заканчивались боеприпасы и у остальных бойцов. Они приуныли и выжидательно уставились на своего командира.

– Всем оставить напоследок по одному патрону, – горько выдавил Марк Ретюнин, отвёл глаза в сторону, откинув барабан нагана, скрупулёзно посчитал оставшиеся патроны. Их было не густо.

Из леса опять гулко зарокотали вохровские пулемёты, яростно забили винтовки и пистолеты. Солдаты зашумели, беспорядочно загудели. Послышались выкрики на русском и немецком языках, команды сержантов и офицеров. Противник со всех сторон пошёл в атаку. Через несколько минут короткого боя погиб Пашкевич. Но и вохровцев упало, не добежав нескольких метров до избушки, пять или шесть человек. Повстанцы расстреливали их в упор, почти не целясь – настолько близко они подошли. Стреляли всех: и русских, и немцев. Повстанцев в охотничьем домике оставалось всего четыре человека и двое тяжело раненых.

Ретюнин вспомнил о них только тогда, когда в барабане не осталось ни одного патрона. Свой, заветный, он заранее вытащил и положил в карман полушубка.

– Товарищи, немедленно прекратить огонь, – с тревогой вскрикнул Марк Андреевич.

Все с недоумением взглянули на командира. Некоторые и без его команды уже не стреляли, израсходовав все патроны. Степан Простаков молча и безразлично примерял к виску дуло нагана.

– У кого есть лишние патроны? – спросил Ретюнин. – Про раненых совсем забыли. Нужно о них сначала позаботиться, не оставлять же на растерзание ВОХРе...

Китаец Лю-Фа вытащил из барабана и бережно протянул командиру предпоследний патрон. Затем быстро защёлкнул на место барабан, засунул ствол пистолета в рот, сильно зажмурил раскосые, чёрные глаза и нажал на курок. Оглушительно прогремел выстрел, мёртвое тело китайца мешком тяжело рухнуло на пол.

Ретюнин, уже ни на что не реагируя, не глядя по сторонам, зарядил наган двумя патронами, неуклюже приблизился к задней стене избушки, где на лежанках стонали от невыносимой

боли оба раненых эка, выстрелил одному из них, наиболее тяжёлому, в висок. Заключённый затих. Другой повстанец, раненый в голову, с ужасом уставился в лицо Ретюнина, тоже ожидая рокового выстрела, но командир отошёл от него. Рука с пистолетом дрожала, предательский холодный пот крупными каплями тёк по лицу и всему телу. Рубашка под полушубком мгновенно взмокла. Марк сбросил полушубок прямо на пол, равнодушно переступил через него. Приблизился к Простакову.

– Ну что, прощай, Степан! Не поминай на том свете лихом своего беспутного командира, – голос Ретюнина задрожал и сорвался.
– Простите меня, родные товарищи, за всё! Что обманул ваши светлые ожидания, не дал вам волю. Прощайте! Может, скоро там все и увидимся, у Господа Бога. – Ретюнин быстро вскинул руку с наганом и выстрелил себе в голову.

Стук упавшего на пол грузного тела совпал с яростным грохотом в дверь, которую вохровцы и немцы ломали прикладами. Последний, оставшийся в живых, тяжело раненый повстанец слабым голосом, натужно хрипя, попросил застывшего в раздумье, как изваяние, у догорающей русской печи Яшкина:

– Афанасия Иванович, будь другом, дострели ты меня за ради Христа, не то ироды сейчас ворвутся, измываться начнут, а я боюсь, не выдюжу, кричать буду... Добей, ради Бога!

Яшкин подошёл к нему, машинально, как робот, вскинул руку с наганом, приставил дуло к виску раненого, равнодушно нажал на курок. Грянул выстрел, повстанец резко дёрнулся и затих навсегда. В это время с треском слетела с петель дверь избушки и в помещение ворвались разъярённые вохровцы и немецкие военнопленные, которых приказало снова вооружить и направить на подавление лагерного мятежа высокое московское начальство.

Афанасий на глазах у вохровцев выстрелил себе в сердце, но прозвучал только слабый щелчок – в барабане больше не оставалось патронов. Советские и немецкие солдаты беспорядочной толпой бросились на последнего мятежника, навалились на него грубо, подмяли, стали вязать, то и дело отвешивая крепкие оплеухи. Избитого, связанного Яшкина вытолкнули из избы на улицу. Он окинул взглядом поляну перед домом: вся она, от низкой покосившейся изгороди и до самого леса была густо усеяна мёртвыми телами немцев и вохровцев. И Яшкину стало обидно за себя, что живым сдался в плен и как бы невольно предал своих геройских товарищей, принявших здесь смерть в последнем неравном бою...

2012 – 2013 гг.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>